

Мари-Франс Иригуаен

Моральный террор

БАТУМИ 2018

**Marie-France Hirigoyen. Le harcèlement moral
ou la violence perverse au quotidien
Paris, La Découverte et Syros, 1998**

*Перевод ассоциированного профессора гуманитарного
факультета департамента европейстики Батумского
осударственного Университета им. Шота Руставели
Виктории Григорьевны Диасамидзе*

Введение

«Что же мною сделано, чтобы заслужить подобную кару?»

*«Словом можно убить или
унизить, не замарав рук. Есть
люди, для которых величайшую
радость жизни составляет
унижение себе подобных»*

Пьер Деброж

В жизни бывают встречи, наполняющие нас энергией и они помогают нам создавать лучший образ самих себя. Однако есть и такие, что нас истощают и даже способны разрушить, ибо любой индивид способен сломить другого при неотступном моральном преследовании. Порой такое ожесточенное упорство заканчивается настоящим психическим убийством. Все мы когда-нибудь бывали свидетелями превратных нападков на различных уровнях – в супружеской паре, семье, на производстве, в политической и общественной жизни. Однако наше общество буквально слепо к скрытой форме насилия и под предлогом терпимости оно снисходительно потворствует агрессии.

Злые поступки моральных перверзов-перевертышей легли в основу превосходных сюжетов фильмов или детективов, где обществу ясно, что речь идет о происках и кознях превратных, или перверзных лиц. Однако в повседневной жизни мы далеко не всегда осмеливаемся открыто заявить об извращенном характере подобных взаимоотношений.

В фильме «Тати Даниэль» режиссера Этьена Шатильеза нас забавляют моральные терзания, которым пожилая дама подвергает своих окружающих. Всё начинается с того, что Тати до смерти замучила свою старую служанку «от несчастного случая». Зритель говорит себе: «Так ей и надо, уж слишком она была покорна». Затем Тати обрушивает свою злобу на семью приютившего ее племянника. Он сам и его жена делают все, чтобы Тати была довольна, но чем больше они стараются, тем ожесточеннее становится месть пожилой дамы.

Для этого она использует особую технику дестабилизации, привычную перверзам: недосказанность, недоброжелательные намеки, ложь и унижение. Станным кажется то, что жертвы сперва не отдают себе отчета в злонамеренных манипуляциях. Они стараются понять ситуацию и берут на себя всю ответственность за сложившиеся отношения: «За что она нас так ненавидит?». Тати Даниэль в гнев не впадает, она всего лишь зла и холодна. Окружение не может явно в чем-то её обвинить, кроме мелких дестабилизирующих уколов, которые невозможно зафиксировать. Тати Даниэль сильна по-своему: она переворачивает ситуацию, становясь на место жертвы, а из членов своей семьи делает преследователей, которые «покинули пожилую восьмидесятидвухлетнюю женщину, оставив ее в квартире одну лишь с едой для собаки».

В примере из кинематографа, полном юмора, жертвы не реагируют столь активно, как в обычной жизни: они по-прежнему надеются, что ласковое обращение найдет душевный отклик у агрессора и тот смягчится. Однако происходит всегда обратное: избыток вежливости воспринимается перверзом как нестерпимая провокация. В конечном итоге, лишь одному человеку удастся заслужить «благодарность» Тати Даниэль. «Укрощает» её пришедшая в дом женщина, в которой Тати нашла себе, наконец, достойного партнера и между ними устанавливаются почти любезные отношения. Эта пожилая дама нас забавляет и волнует оттого, что нам ясно, что такая озлобленность может быть следствием только большого страдания. Мы жалеем её подобно семье и потому она манипулирует нашим сознанием так же, как и собственной семьёй.

И все же эти нападки носят извращенный характер. Подобные агрессивные действия происходят от не вполне осознанного процесса психологического разрушения, состоящего из очевидных или скрытно враждебных поступков одного или нескольких индивидов по отношению к другому, ставшему настоящим «козлом отпущения». Безобидными с виду словами, намеками, указаниями, недосказанностью, действительно, можно любого вывести из душевного равновесия и даже уничтожить безо всякого вмешательства извне.

Агрессор или агрессоры себя самовозвеличивают, при этом принижая другого и совсем не испытывают душевный дискомфорт. Обычно они перекалдывают на другого всю ответственность за созданную ими неблагополучную ситуацию, утверждая, что это не он, а другой отвечает за возникшие проблемы» и не испытывают при этом никакой вины и малейшего сострадания. В таком случае речь идет как

раз о порочном перверзе и моральном извращении ситуации. Превратное действие может совершать любой индивид, однако разрушительным делает его только упорство перверза, проявляющееся в частоте, повторяемости и временной протяженности. Всякая личность, нервная в пределах нормы, ведет себя превратно в некоторых случаях, например, в момент гнева, однако она способна перейти и к другим регистрам поведения (истерикам, фобиям, навязчивости) и тогда уже она должна нести ответственность за свои порочные действия. Перверзная же, «перевернутая» в сторону зла личность, неизменно такова. Эта манера общения с другими постоянна и её правомерность никогда не подвергается ими сомнению. Даже если ориентированность на зло и порочность остаются какое-то время незамеченными, рано или поздно перверз проявит себя в какой-либо ситуации. Поэтому надо заставить его признать свою долю ответственности, так как подобная личность не способна самостоятельно поставить под сомнение собственную правоту. Такие индивиды способны жить, только «ломая» кого-либо. Они нуждаются в унижении другого, чтобы обрести власть и самоуважение, ибо все они жаждут восхищения и одобрения. Сами же перверзы не способны ни на сострадание, ни на уважение к тем людям, от которых не зависят. Ведь уважать другого, - значит видеть в нем такое же человеческое существо, как и он сам, а также признавать страдания, которые причиняешь вольно или невольно.

Перверзия (от лат. *pervertere* – переворачивать), будучи обращенной ко злу, способна зачаровывать, обольщать и пугать одновременно. Таким порочным индивидам иногда даже завидуют, так как они представляются носителями высшей силы, которая позволяет им всегда быть в выигрыше. В самом деле, они умеют естественно манипулировать людьми, что само по себе является козырем в мире бизнеса или политики. Их опасаются также оттого, что инстинктивно чувствуют, что лучше с ними быть заодно, чем противостоять. Это закон сильнейшего: восхищения достоин лишь тот, кто умеет больше всех наслаждаться и меньше других страдать. В любом случае, жертвы таких перверзов не всегда «слабаки» или же бесхитростно наивны: под предлогом признания свободы другого они часто «закрывают глаза» на серьезные ситуации.

В самом деле, сегодняшняя терпимость состоит в том, что мы воздерживаемся от вмешательства в действия и мнения других людей даже тогда, когда эти действия и мнения нам малосимпатичны или же морально порицаемы. Точно так же мы неслыханно снисходительны в отношении лжи и манипуляций людей, стоящих у власти. «Цель

оправдывает средства», но до каких пор это приемлемо? Не рискуем ли мы тем самым оказаться сообщниками из-за собственного безразличия, стирая все грани и поступаясь принципами? Толерантность обязательно нуждается в установлении четких границ, поскольку обсуждаемый вид агрессии состоит как раз во вторжении на чужую психическую территорию. Нынешний культурный социум позволяет порочности эволюционировать, так как к ней относятся вполне терпимо. Наша эпоха отказывается устанавливать любые нормы и не способна положить конец манипуляциям перверзных личностей, что кажется равносильным вмешательству цензуры. Мы утратили нравственные и религиозные барьеры, представляющие собой нечто вроде неписанного свода гражданских правил, которые могли бы заставить нас воскликнуть: «Этого делать нельзя ни в коем случае!». Мы способны возмутиться только тогда, когда факты становятся достоянием общественности, передаваясь и распространяясь через масс-медиа. Власти не пресекают такие действия, перекладывая ответственность на людей, которыми руководят или помогают.

Психологи и психиатры не решаются определять случаи перверзии. Даже когда они это делают, то либо для того, чтобы продемонстрировать бессилие своего вмешательства, либо с целью показать ловкость манипулятора. Само определение моральной перверзии некоторые пытаются отнести к психопатологии, наподобие некой кладовки, куда пытаются снести все то, что не поддается лечению. Порочность, или перверзность проистекает не от психических нарушений, а от холодной расчётливости в сочетании с неспособностью воспринимать других как равноправных личностей. Некоторое число таких порочных перверзов совершают преступления, за которые судят, но большинство используют своё обаяние и способность приспособливаться с тем, чтобы прокладывать себе дорогу в обществе, оставляя за собой травмированных людей и испорченные жизни. Психиатры, судьи, воспитатели, - все они попадались в ловушку перверзов, изображавших из себя жертвы. Они предоставляли возможность выдавать желаемое за действительное с тем, чтобы им легче было торжествовать, приписывая другим невротические чувства. Когда же затем они представали в истинном свете, обнаруживая свои властные цели, то даже профессионалы чувствовали себя обманутыми, осмеянными, а иногда и униженными. Этим объясняется осторожность профессионалов при разоблачении перверзов. В таком случае психиатры говорят друг другу: «Осторожно, это перверз!», что подразумевает: «Опасность!», а также: «С такими уже ничего нельзя поделаться!». Таким образом, врачи отказывают в своей помощи жертвам.

Конечно, обозначить перверзию, - дело серьезное. Чаще всего к этому термину прибегают в случаях преступлений особой жестокости, невообразимых даже для психиатров, как например, злодеяния серийных убийц. Однако, говорим ли мы об изощренной незаметной агрессии или речь идет о серийных убийцах, - речь идет о «хищничестве», то есть присвоении чужой жизни. Слово «перверз», т.е. «извращенец» шокирует и беспокоит. Оно предполагает некое суждение о моральных ценностях, а психоаналитики избегают высказывать подобные суждения. Означает ли это, что они должны, тем не менее, с этим мириться? Не назвать перверзию своим именем, то есть извращенным поведением, - означало бы бездействие, оставляющее жертву беззащитной и подверженной дальнейшим постоянным нападениям агрессора.

В клинической практике психотерапевта приходится слышать о страданиях жертв и их неспособности себя защитить. В этой книге я покажу, что первейшее действие «хищников» заключается в том, что они **парализуют** свою жертву, чтобы помешать ей защититься. Затем, даже если жертвы агрессии пытаются осознать то, что с ними происходит, они не имеют средств к защите. Так, анализируя перверзное, или извращенное общение, я пытаюсь разобраться в процессе, который связывает агрессора и того, кто подвергается агрессии, чтобы помочь будущим или настоящим жертвам выйти из сетей, расставленных агрессором. Когда жертвы хотят, чтобы им оказали помощь, случается, что они не бывают поняты. Нередко психоаналитики советуют жертвам перверзных нападков поискать, в чем они сами ответственны за агрессию, которой подвергаются и чем они невольно смогли её спровоцировать. На деле психоаналитик рассматривает лишь внутренний мир пациента, - то, что происходит с индивидом, не учитывая при этом его окружение. Это означает, что специалисты не вполне сознают проблемы жертвы, рассматривая её в качестве сообщника - мазохиста. Когда терапевты пытались помочь жертвам, то намеренное умолчание, когда требовалось назвать и агрессора, и потерпевшего, лишь усиливало чувство вины последнего, способствуя процессу его разрушения. Мне кажется, что классических терапевтических методов бывает недостаточно, чтобы помочь жертвам перверзов. Поэтому позднее мною будут предложены более приемлемые методы воздействия, учитывающие специфику перверзной агрессии.

Речь не идет о том, чтобы устроить процесс над перверзами, т.е. извращёнными личностями, которые, кстати, способны прекрасно защитить себя сами. Речь идет о том, чтобы учитывая их вред и

опасность для других людей, помочь защититься их настоящим или будущим жертвам. Даже рассмотрение перверзии как защиты от собственного психоза или депрессии не может служить оправданием перверзу. Ведь существуют не только внешне безобидные манипуляции, оставляющие горький осадок сожаления или неловкости у того, кто стал жертвой обмана. Есть и куда более серьезные действия, которые затрагивают самосознание жертвы, становясь вопросом жизни или смерти. Необходимо твердо осознать, что извращенные личности опасны не только для своих жертв, но также для окружения самого перверза, вовлекающего окружающих в процесс потери нравственных ориентиров, позволяющий полагать возможным более «свободное» мышление в ущерб другому человеку.

Виктимология, - относительно недавно появившаяся в США дисциплина, первоначально бывшая ветвью криминалистики. Она заключается в анализе причин, приведших индивида к положению жертвы и самих процессов виктимизации, а также вытекающих последствий. Виктимология также изучает способы защиты, на которую вправе рассчитывать жертва. Во Франции подготовка подобных специалистов осуществляется с 1944 года и предполагает наличие университетского диплома. Этот вид образования требуется врачам скорой помощи, психиатрам и психотерапевтам, юристам и вообще любым лицам, профессионально ответственным за оказание помощи жертвам. Личность, испытавшая на себе психологическую агрессию в виде морального террора, является вполне реальной жертвой, поскольку ее психика более или менее длительное время подвергалась разрушающему воздействию. Даже если реакция жертвы на моральную агрессию способствует установлению «симметричных» отношений с агрессором, не следует забывать, что эта личность страдает от ситуации, за которую не несёт ответственности. Если даже жертвы скрытой, т.е. коварной агрессии и прибегают к индивидуальной психотерапии, то случается это либо из-за интеллектуальной заторможенности и отсутствия уверенности в себе, либо из-за длительного депрессивного состояния, не поддающегося лечению антидепрессантами, а также в случае явной депрессии, которая может привести к самоубийству. Хотя сами жертвы иногда жалуются на партнеров или окружающих, они редко вполне осознают всю опасность скрытого насилия. Душевное смятение, установившееся вначале, заставляет их забыть даже на приеме у психотерапевта, что речь идет о вполне реальной агрессии. Общее в этих ситуациях то, что жертва не способна к их самостоятельному анализу. Полностью осознавая всю меру своего страдания, жертва зачастую не осмеливается признать,

факт того, что на самом деле имеют место насилие и агрессия. Иногда у неё появляются упорные сомнения: «Не я ли сам все это выдумал, как утверждают некоторые?». Когда такой человек осмеливается пожаловаться на происходящее, то он испытывает двойную боль при его описании, а также оттого, что его просто не понимают.

Многую сознательно используются термины «агрессор» и «жертва», то есть «личность, подвергающаяся агрессии». Ведь речь идет о **насилии** доказанном, даже если оно тайное и скрытое. Такая агрессия стремится атаковать личность другого и разрушить его индивидуальность. Это и есть настоящий процесс морального разрушения, который может привести к психическому заболеванию и даже к самоубийству. Я оставляю также термин «перверз», то есть порочная личность, поскольку этот термин отсылает к таким понятиям, как «злоупотребление», «правонарушение», как в случаях со всеми преступными личностями. Часто этот процесс начинается со злоупотребления властью, превышения служебных полномочий, сопровождаясь всякого рода нарциссическими отклонениями.

Глава II

Порочное насилие в повседневности

Мелкие превратные действия настолько часто происходят в повседневной жизни, что могут показаться нормой. Все начинается обычно с неуважительного отношения, лжи или манипуляций. Для нас это невыносимо только в том случае, если затрагивает лично. Затем, если социальное окружение не реагирует на подобное отношение, то оно постепенно перерастает в явно патологическую стадию, имеющую серьезные последствия для психического здоровья жертвы, не уверенной в понимании и поддержке и тогда жертвы тихо страдают.

Подобное моральное разрушение было всегда, - в семьях, где его скрывают и на производстве, где его зачастую использовали при избытке рабочих мест, при котором жертва могла оставить работу. Сегодня такие люди отчаянно держатся за свое рабочее место в ущерб своему физическому и психическому здоровью. Некоторые из них восставали и иногда возбуждали дела в суде. Через них явление получило огласку и это привело к тому, что общество стало обращать внимание на существующую проблему.

Нередко мы являемся свидетелями жизненных историй в психотерапевтической практике, в которых затрудняемся отделить реальность от вымысла. Более всего в этих историях о страданиях поражает их повторяемость. То, что каждый по отдельности считал необычным, на деле происходит часто с очень многими людьми.

Трудность клинического описания заключается в том, что имеет значение не только каждое слово, но и каждый намек, интонация. Взятые по отдельности, все эти детали вроде безобидны, однако в

совокупности они приводят к разрушительным процессам. Жертва вовлекается в смертоносную игру и может реагировать адекватно подобным образом. Этот тип отношений может быть использован каждым из нас в целях самозащиты, что ошибочно именуют симбиозом жертвы и агрессора.

В клинической практике мне случалось встречать, как порочный индивид имеет тенденцию к воспроизводству своего разрушающего поведения во всех областях своей жизни: на рабочем месте, в супружеских отношениях, в общении со своими детьми; именно такую последовательность поведения мне хотелось бы подчеркнуть. Такие индивиды усеивают свой жизненный путь либо трупами, либо ни живыми - ни мёртвыми, т.е. моральными жертвами. Однако это не мешает им вводить в заблуждение окружающих и казаться совершенно приспособленными в социальной среде.

1

Насилие в частной жизни

Насилие в супружеской паре зачастую либо отрицается, либо считается банальной вещью; сводится оно, как правило, к процессам подавления одной личности другой. Психоналитики обычно делают партнера сообщником или ответственным за порочную практику общения. Это означает отрицание роли насилия, парализующего жертву и мешающего ей защищаться, что снимает всю серьёзность агрессии и её психологических последствий для жертв морального террора. Нападки бывают незначительными, не оставляя очевидных следов. Свидетелями такое воспринимается как обычное конфликтное выяснение чувств и отношений между двумя личностями с «характером». В то же время это может быть ни чем иным, как насилием морального плана, почти физическим разрушением другого, достигающим порой своей цели.

Я опишу несколько пар на разных стадиях эволюции перверзной агрессии. Разноплановость рассказов проистекает из того факта, что процесс налаживается месяцами, иногда годами, а также оттого, что по мере эволюции отношений, жертвы научаются вначале определять превратный процесс, а затем уже защищаться, накапливая доказательства агрессии.

а) захват влияния

В супружеской паре превратное действие налаживается, если ослабевает эмоциональная привязанность или же если, напротив, существует слишком большая близость с объектом обожания.

Последняя может внушать страх; именно этим объясняется случай, когда самый близкий человек становится объектом величайшего насилия. Нарциссическая личность навязывает свое влияние с тем, чтобы удержать другого. С другой стороны, она также опасается чрезмерной близости и всепоглощающего влияния. Поэтому речь идет о том, чтобы держать партнера в состоянии постоянной зависимости: им обладают, как собственностью, чтобы убедиться в своем «всемогуществе». Партнер, оказавшийся в ловушке сомнений или обвинений, оказывается не способным адекватно реагировать.

Невысказанное послание «Я не люблю тебя!» скрывается для того, чтобы партнёр не ушёл. Реализуется этот посыл косвенным образом: другой должен оставаться рядом, находясь в постоянном проигрыше. Одновременно ему мешают всё осознавать. Например, Патриция так описывает свою ситуацию в интервью газете «Ле Монд»: «Иногда бывает так, что люди, привлекающие нас более всего на свете и в которых мы влюблены, гасят подобно резиновой изоляции искру наших чувств и воображения».

«Захват влияния» всегда осуществляется себялюбивым индивидом, который хочет парализовать волю своего партнера, ставя его в положение шаткой неопределенности. Это позволяет ему избежать истинных супружеских отношений, которых он страшится, будучи к ним не способен. И он поддерживает дистанцию по отношению к другому индивиду в безопасных для себя пределах. Не желая «захвата» другой личностью, он заставляет, тем не менее, её испытывать то, чего сам хотел бы избежать, оказывая на нее давление и сохраняя ее в своем распоряжении. В нормальной супружеской паре должна существовать взаимная поддержка влюбленности, даже если и существуют некоторые элементы подавляющего влияния. Может случиться, что один старается «погасить» другого, чтобы пребывать в полной уверенности своей главенствующей позиции. Но пара, во главе которой стоит самовлюбленный перверз, представляет собой смертоносный союз: шельмование, дискредитация и незаметные нападки ведутся постоянно и систематически. Процесс возможен только благодаря слишком большой терпимости и выносливости партнера. Такая терпимость часто интерпретируется психоаналитиками как неосознанная «польза» мазохистского характера, которую партнер

извлекает из неудачного супружества. Подобная интерпретация верна лишь отчасти, потому что некоторые из этих супругов не осознавали случившегося ни до, ни после. Эта интерпретация опасна тем, что она усиливает чувство вины партнера-жертвы, нисколько ему не помогая выйти из тупика.

Причина такой терпимости кроется чаще всего в семейной традиции, ибо воспроизводится то, что пережил один из родителей. Иногда это проявляется в принятии на себя «исправляющей» миссии страдающей стороной, посвятившей свою жизнь нарциссической личности другого.

Превратное насилие особенно обнаруживается в кризисные моменты, когда подвергающийся перверзным нападкам индивид не способен взять на себя всю полноту ответственности за принятие трудного решения. В таком случае насилие проявляется не прямо, а косвенно, главным образом, в неуважительном отношении к партнеру. Приведём пример.

Моника и Люсьен женаты вот уже 30 лет. У Люсьена связь на стороне в течение шести месяцев. Он объявляет о ней Монике, утверждая, что сам не в состоянии сделать выбор. Он желает оставаться с ней в супружестве, параллельно продолжая связь. Моника решительно отказывается и ее муж уезжает. С тех пор Моника подавлена, все время плачет, не спит и почти не ест. У нее наблюдаются психосоматические проявления тревоги и тоски: холодный пот, ком в горле, тахикардия... Она чувствует гнев, но не против своего мужа, который заставляет её страдать, а против самой себя, - за то, что оказалась неспособной его удержать.

Если бы Моника испытывала гнев по отношению к своему мужу, то ей было бы проще себя защитить. Но чтобы испытать такой гнев, необходимо признаться самой себе, что другой агрессивен и жесток, что, впрочем, может его заставить уйти. Когда находишься в шоковом состоянии, подобно Монике, намного легче отрицать реальные факты, пребывая в ожидании, даже если оно продлевает страдание.

Люсьен просит Моника продолжать совместные обеды, чтобы как-то поддерживать видимость отношений: иначе она рискует потерять его навсегда. Если она отдалится от него, то он ее забудет, а если она будет выглядеть угнетенной, то у него пропадет желание с ней оставаться. Он даже предложил Монике, по совету своего психоаналитика, встретиться с его новой подругой, чтобы поговорить. Ни на мгновение не видно, чтобы он думал о страданиях своей жены. Просто он говорит, что ему надоело видеть её

выражение лица покойника. Обвиняя жену в том, что она не все делает, чтобы его удержать, Люсьен тем самым освобождает себя от ответственности за расставание.

Еще один пример: **Бенжамен и Анни** встретились 2 года назад, Анни тогда имела разрушительно действующие на нее отношения с женатым человеком. Бенжамен ревновал ее к этому человеку. Будучи в нее влюблен, он умоляет порвать эти отношения: он хочет на ней жениться и иметь от нее детей. Анни порывает без особого колебания и идет жить к нему, сохранив за собой квартиру. С этого момента поведение Бенжамена резко меняется, он становится отдаленным, безразличным, проявляющим нежность только в близости. Анни хочет объясниться, но Бенжамен отрицает какое-либо изменение своего поведения. Избегая прямых конфликтов, она старается казаться принуждённo-веселой. Когда же она нервничает, то он делает вид, что не понимает, в чём причина и никак не реагирует. Постепенно Анни впадает в депрессию.

Так как их отношения не улучшаются и для Анни по-прежнему непонятна причина самоустранения Бенжамена, то он в конце концов признаётся почему всё так происходит: ему просто невыносимо видеть её в подавленном состоянии. Поэтому она решает лечить свою депрессию, которая кажется ей причиной трудностей в семье и начинает психотерапию. Анни и Бенжамен занимаются одним делом, но у неё гораздо больший опыт. Часто консультируясь у Анни, Бенжамен отказывается принимать любой вид критики: «Это бесполезно, мне надоело, я не понимаю, что ты хочешь этим сказать». Много раз он присваивает себе ее идеи, игнорируя при этом ее помощь. Он вообще никогда ее не благодарит.

Если она замечает у него ошибку, то он оправдывается, говоря, что это секретарь, вне сомнения, неверно записала. Анни же делает вид, что всему верит, избегая выяснений.

Он все более окружает тайной свое расписание, свою жизнь и работу. Анни случайно узнает от друзей, которые его поздравляли, что Бенжамен значительно продвинулся по службе. Он ей постоянно лжет, говоря, что возвращается из деловой командировки таким-то поездом, в то время как выпавший случайно билет указывает, что это вовсе не так.

При людях он остается очень дистантным. Однажды на коктейле он её представляет кому-то и жмет ей руку: «Мадемуазель X, которая по профессии такая-то и» и тут же отходит в сторону, оставляя ее одну. Когда после этого она требует объяснений, он что-

то бормочет вроде того, что был очень занят. Он упрекает ее в расточительности, хотя она сама себе зарабатывает на жизнь. Он хотел бы, чтобы у нее почти ничего не было в шкафу и заставляет её даже тапочки складывать, словно маленькую девочку. Он насмехается при всех над ее баночкой с кремом в ванной: «Я не знаю зачем ты накладываешь себе на лицо все эти штучки». Анни спрашивает себя, как можно быть сердечной и ласковой с человеком, который все высчитывает: деньги, слова, поступки. Он не выносит, если речь идет о какой-нибудь супружеской паре, считая, что слово «супруги» звучит нелепо. Он отказывается признавать себя связанным обязательствами по отношению к ней. Однажды на улице их останавливает клоун, желая показать какой-то фокус, он говорит Бенжамену: «Это ваша жена, не так ли?». Бенжамен, ничего не ответив, пытается скрыться из виду. Мнение Анни об этом таково: «Он и не мог ничего ответить, потому что не размышлял по этому поводу. Я не являюсь ни его женой, ни невестой, ни подружкой. Ничего нельзя сказать по этому поводу, потому что это слишком тяжело».

Если она настаивает на том, чтобы поговорить об их отношениях, он отвечает: «Ты полагаешь, что настал подходящий момент поговорить об этих вещах?!».

Другие темы его столь же травмируют, как, например, ее желание иметь ребенка. Когда они встречаются друзей с детьми, она старается особо не восторгаться малышами, так как это могло бы навести Бенжамена на мысль о том, что ей тоже хочется иметь детей. Тогда она говорит спокойно-нейтральным тоном, будто это не столь важно. При этом Бенжамен требует полного подчинения от Анни. С одной стороны он хочет, чтобы она была от него финансово независима, а с другой, - чтобы она от него зависела, иначе его охватывают страх и тревога.

Во время обеда, когда она что-то говорит, он смотрит в потолок с видом растерянного удивления. Вначале она себя убеждает: «Конечно, я говорю глупости!», становясь всё более самокритичной в своих высказываниях.

Тем не менее, с самого начала психотерапии, она не могла принять того, что он заранее критикует все, что бы она не сказала, даже если это приводит к натянутости в их отношениях. Между ними нет дискуссий, одни только споры, если чаша ее терпения переполняется. В этом случае нервничает только она, Бенжамен же делает удивленный вид и говорит: «Ну вот, опять ты меня упрекаешь!» или: «Конечно, для тебя я всегда виноват!». Она пытается оправдаться: «Я не говорю, что это по твоей вине, мне хотелось бы только

поговорить о том, что «не так!». Он делает вид, что не понимает и ему всегда удается заставить ее сомневаться в себе, приводя ее к самообвинению. Спросить о том, что «не так», - это как бы сказать: «Это происходит по твоей вине». Он не хочет этого слышать и закрывает всякую дискуссию, чаще пытаясь избежать ее ещё до того, как она начинается с помощью всяческих уловок. «Я предпочла бы, чтобы он мне прямо сказал, что именно ему во мне не нравится, ведь это хотя бы дало повод какому-то обсуждению!».

Мало-помалу они перестали говорить даже о политике, а так как она всегда аргументировала свои суждения, то он жаловался на то, что она всегда другого мнения. Они перестали также обсуждать профессиональные успехи Анни: Бенжамен плохо переносил все, что могло его «затмить».

Анни осознает, что она отказалась от собственного мнения и индивидуальности оттого, что боится: дальше будет еще хуже. Это кончается тем, что она постоянно прилагает усилия для того, чтобы ежедневная жизнь была сносной.

Иногда она реагирует адекватно, угрожая уйти, но супруг удерживает ее двойным контраргументом: «Хочу, чтобы наши отношения продолжались, но сейчас не могу дать тебе большее». И Анни настолько на него надеется, что при малейшем признаке сближения у нее вновь появляется надежда.

Анни прекрасно сознает, что подобные отношения ненормальны и, потеряв всякие ориентиры, она чувствует себя обязанной защищать и извинять все, что бы он ни делал. Она знает, что он никогда не переменится: «Я или приспособлюсь, или уйду». В интимной жизни дела обстоят не лучше. Бенжамен больше не испытывает желания физической близости. Иногда она пыталась об этом сказать: «Так больше продолжаться не может!» - «Ну нельзя же этим заниматься как по команде»; «Что с этим делать? Что от меня зависит?» - «Все не так просто. Ты хочешь командовать во всем».

Когда она подходит, чтобы нежно обнять его, он в шутку лижет ей нос, как собачка. Если она протестует, он замечает в ответ, что ей не хватает чувства юмора.

Что же удерживает Анни? Если бы Бенжамен был абсолютным монстром, все было бы проще, но ведь раньше он был нежным возлюбленным: «Если он стал таким, как сейчас, то это значит, что ему со мной плохо; значит, он может измениться, если она сумеет его изменить». Она вся в ожидании перемены, в ней не гаснет надежда, что однажды этот узел развяжется и они смогут, наконец, нормально общаться. Она чувствует себя ответственной за эту

перемену в Бенжамене, так как тот не выносит ее подавленного состояния. Она чувствует себя также виновной в том, что внешне недостаточно привлекательна. Однажды он шутил со своими друзьями по поводу асексапильной одежды Анни, потом критиковал ее за то, что она недостаточно щедра, наконец, намекнул, что ей не хватает великодушия, чтобы сделать его, Бенжамена, счастливым.

Она говорит себе, что оставаться с ним вдвоем в неудовлетворительных отношениях лучше, чем пребывать в одиночестве, потому что Бенжамен часто повторяет: «Если мы расстанемся, я-то сразу кого-то себе найду, а вот ты со своей любовью к одиночеству останешься одна!» И она в это поверила, даже зная, что гораздо более общительна, чем Бенжамен. Анни воображает себе, что оставшись одна, будет подавленной и переживать неудачу. Она знает также, что ее родители были такой же неудовлетворенной парой, оставаясь вместе только из чувства долга. Дома у них насилие присутствовало постоянно, но было замаскированным, так как в их семье не принято было вещи называть своими именами.

Отказ от ответственности в развале супружеской пары часто является причиной превратных действий. Индивид, имеющий сильный идеал супружества, может сохранять видимость нормальных отношений со своим партнером до той поры, когда ему предстоит выбор между этими отношениями и своей новой встречей. Чем выше идеал супружества, тем большим будет перверзное насилие и жестокость перверза, неспособного принять ответственность за разрыв: потому она должна быть полностью перенесена на другого. Если ушла любовь, то партнер делается за это ответственным из-за ошибки, которую он якобы совершил, но которая не называется. **Нелюбовь** чаще всего проявляется в действиях и словесно никак не выражается.

Осознание манипуляции собой приводит жертву в состояние глубокой тоски, от которой ей трудно избавиться, ибо некому открыться. Кроме гнева, жертва на этой стадии испытывает стыд за то, что её не любят, за перенесенные унижения и все пережитое.

Иногда речь идет не о каком-то временном превратном действии, а о разоблачении до сих пор скрываемого превратного отношения. Замаскированная ненависть проявляет себя подобно бреду преследования. Роли при этом перевернуты, агрессор становится «жертвой», а вина остается, как всегда, на стороне жертвы агрессии. Для того, чтобы дело выглядело правдоподобно, перверзу необходимо

сбивать авторитет другого провокациями и намеками на «предосудительное поведение».

Анна и Поль, - оба архитекторы, встречаются на работе. Очень скоро Поль принимает решение жить у нее. Но в своих чувствах он продолжает сохранять дистанцию, чтобы не оказаться по-настоящему связанным обязательствами.

Он отказывается ей в ласковых словах и нежности, прилюдно насмехаясь над влюбленными, «держаящимися за ручку». Поль испытывает трудности, когда ему нужно лично сказать что-нибудь о себе. Он оставляет впечатление человека, который постоянно шутит, над всем иронизирует и сводит все к шутке. Эта стратегия помогает ему держаться в тени и ни во что активно не вмешиваться.

Для него характерны также чрезвычайно женоненавистнические высказывания типа: «Все женщины ничтожны, невыносимы, однако без них не обойтись!».

Анна принимает холодность Поля за сдержанность, суровость - за силу, намеки - за его особое знание жизни. Она не уверена, что ее любовь способна смягчить его нрав и обрести уверенность и покой в семейной жизни, он станет менее жестким. Между Анной и Полем установилось негласное правило, согласно которому нельзя чересчур проявлять свои чувства. Анна принимает это правило, находит ему оправдание и, как следствие, играет в эту игру. Так как она сильнее Поля желает установления более теплых отношений, то именно она должна прикладывать все усилия, чтобы отношения продолжались. Поль оправдывает свою жесткость трудным детством. Сохраняя некий налет таинственности, он сообщает ей разрозненную и даже противоречивую информацию: «Никто не занимался мной, когда я был маленьким, если бы не моя бабушка, которая меня приняла...», «Возможно, мой отец вовсе и не мой отец!».

Выставляя себя таким образом жертвой, он стремится к тому, чтобы Анна жалела его и проявляла к нему больше интереса и снисходительности. Поскольку она и сама нуждалась в роли душевной целительницы, она быстро согласилась утешать «маленького мальчика».

Он был из тех, кто всегда все знает, имея радикальное мнение обо всем на свете: о политике, о будущем мира, о том, кто негодяй, а кто нет, что надо делать и чего делать не следует. Чаще всего он довольствуется тем, что просто молча кивает или начинает фразу, не заканчивая ее, внушая всем, что знает нечто больше остальных.

С большим искусством он играл роль зеркала неуверенной Анны. Она была как раз тем человеком, который всегда во всем сомневается. Не будучи уверенной в себе, она и других не осуждает: напротив, чтобы они не делали, всегда находит смягчающие обстоятельства. Она старается всегда придать различные оттенки своим суждениям, но Польш называет это «усложнять себе жизнь». Мало-помалу Анна ведёт себя в присутствии Поля согласно всем особенностям его характера, дабы соответствовать его ожиданиям. Избегая настаивать на чем-либо, она изменяет своим привычкам. Их встречи строятся, таким образом, по принципу: он все знает, она же только сомневается. Она находит себе успокоение в опоре на уверенность другого человека. Он же чувствует ее покорность и готовность принять его уверенность. С самого начала их отношений Польш проявлял бóльшую критичность в отношении Анны. Он действует маленькими дестабилизирующими уколами, как правило, прилюдно, именно в тот момент, когда она не может ему возразить. Когда она пытается поговорить об этом позже, он холодно отвечает, что она злопамятна и любит раздувать истории из-за пустяков. Начинается все с какой-нибудь безобидной вещи, чаще личного свойства, которую Польш преувеличенно описывает, беря в качестве союзника кого-либо из присутствующих: «Вы не находите, что Анна любит слушать отвратительную музыку?», «Знаете ли вы, что она расходует деньги на крем для укрепления груди, которая у нее практически отсутствует!», «Она этого не поняла, а ведь это в пределах понимания любого и каждого!».

Если на выходные они едут с друзьями, он выставляет сумку Анны напоказ, говоря: «Она думает, что я переезжаю, а почему бы нам не захватить и ванну?».

Если Анна протестует: «Разве тебе не все равно, ведь я сама несу свою сумку», Польш отвечает: «Да, но если ты устанешь, мне придется ее нести, иначе я рискую быть похожим на неотесанного мужлана. Ни к чему тебе три тюбика губной помады и две смены белья!».

Затем он муссирует идею о женском двуличии, которое приводит к тому, что мужчины обязательно должны во всё вмешиваться, чтобы тем самым «помогать». Главным для него было поставить Анну в затруднительное положение. Она чувствует затаённую враждебность с его стороны, но не вполне в этом уверена, потому что Польш говорит все нейтральным тоном или же делает вид, что шутит. Его враждебность не замечается окружающими, а сама Анна не может ответить, рискуя выглядеть человеком, лишенным чувства юмора.

Поль тем более критичен, если Анна находится в положении превосходства, например, когда кто-то ей делает комплименты. Она хорошо знает, что его задевает ее непринужденность в обществе, а также тот факт, что она достигла больших профессиональных высот, да и больше зарабатывает. Когда он ее критикует, то всегда добавляет: «Это не упрек, а всего лишь констатация факта».

Его жестокость и насилие усиливаются, когда Поль решается на свободные отношения с молодой коллегой. Его маневры, направленные на то, чтобы вывести Анну из себя, становятся все откровеннее...

Свое постоянно плохое настроение он оправдывает организационными и финансовыми проблемами. Возвращаясь вечером, чаще накануне прихода Анны, он устраивается в кресле с бокалом вина у телевизора. Когда Анна возвращается, он не отвечает на ее приветствие и вопрошает, не поворачивая головы: «Что есть будем?». Это пример классического способа передачи плохого настроения другому. Не упрекая прямо, он роняет безобидную фразочку, высказанную тоном упрека. Если Анна пытается объясниться, он избегает этого, отрицая всякие агрессивные намерения. А то вдруг начинает называть ее «бабулей». Когда она на это жалуется, он меняет насмешливое прозвище на «толстую бабулю», говоря при этом: «Поскольку ты вовсе не толстая, можешь на меня хоть за это не обижаться!».

Пытаясь высказать свое страдание, она натывается на стену непонимания. Он замыкается в себе, она настаивает и тогда он становится еще жестче. В конце концов, она нервничает и тогда Поль ей доказывает, что она всего лишь агрессивная мегера. Ей никак не удастся предотвратить его непонятную жестокость. В отличие от классических семейных сцен, никаких схваток не происходит, но и примирение невозможно. Поль никогда не повышает голоса, он проявляет только холодную враждебность, которую отрицает, если его в ней уличают. Из-за невозможности наладить диалог, Анна начинает нервничать и кричать. Тогда он насмехается над ее гневом: «Успокойся, цыпоська!» и тогда она чувствует себя еще более смешной. Подлинное общение происходит взглядами: ненависти со стороны Поля и упрека, страха со стороны Анны.

Единственная конкретика - это отказ Поля от близких отношений. Когда Анна хочет об этом заговорить, то это всегда неподходящий момент: вечером он крайне устал, утром спешит, а днем у него дела.

Тогда Анна решает «припереть его к стенке», пригласив в ресторан, где начинает рассказывать о своем страдании. Поль тут же ее гневно прерывает ледяным тоном: «Ты же мне сейчас не будешь

устраивать сцены в ресторане и особенно в ресторане! Ты совсем не умеешь себя вести в обществе!».

Анна начинает плакать, что вконец выводит Поля из себя: «Ты всего-навсего депрессивная личность, которая все время ноет!». Позже Поль оправдывается иначе: «Как я могу быть близок с тобой, ведь ты кошмарная, - настоящая мегера!».

Позже он опустил до кражи профессиональных записей, очень важных для отчетности. Анна начинает поиски, затем спрашивает у Поля, - не видел ли он их: ведь никто другой не входил в комнату, где она их оставила. Поль отвечает, что не видел, однако ей необходимо привести в порядок свои бумаги. Его взгляд был настолько полон ненависти, что она почувствовала себя ошеломленной и буквально оледела от страха. Понимая, что на самом деле это он выкрал ее бумаги, она испугалась открытого проявления насилия и жестокости, если она будет настаивать на своём. Самое ужасное, то, что она не совсем понимает и пытается выяснить: хочет ли он только причинить ей неприятности или навредить, завидует ли он ей или ему всего лишь необходимо проверить, насколько она работает больше, чем он сам? Или же он надеется найти в записях какой-то недочет, который использует потом против неё? То, что она чувствует вне всякого сомнения, так это злобную недоброежелательность Поля. И мысль эта настолько ужасает, что она гонит её, отказываясь в нее верить. Страх перерастает в чувство физической тоски всякий раз, когда она встречается взглядом с Полем. На этой стадии Анна четко осознает, что Поль пытается ее уничтожить. Не так, как в английских детективах, - малыми дозами мышьяка в кофе, - он пытается сломить ее психически. Чтобы не чувствовать страданий Анны, он превратил ее в вещь, смотря на нее холодно и без эмоций. При этом ее слезы кажутся ему смешными, как и вообще все то, что чувствует Анна: сама она просто не существует в глазах Поля. Ее страдания, слезы не могут быть услышаны. Точнее, они просто для него не существуют. Невозможность наладить диалог вызывает у нее приступы гнева, который, не получая выхода, преобразуется в тоску. Тогда она пытается сказать, что предпочтет расстаться, нежели ежедневно страдать. Но на эту тему можно говорить только в кризисные моменты, когда по-любому, что бы она не говорила, он ее не слышит. Всё остальное время она даже сдерживает дыхание, боясь напряженности в моменты, когда жизнь с ним кажется ещё сносной.

Тогда Анна пишет Полю письмо, пытаясь описать ему свои страдания в сложившейся ситуации и желая найти выход. Когда в первый раз она положила письмо на стол Поля, она ожидала, что он

первый заговорит о нём. И так как он ничего не отвечает, она осмелилась спросить, что Поль об этом думает. Тот холодно отвечает: «Мне нечего тебе на это сказать!». Анна подумала, что, по-видимому, она выразилась недостаточно ясно. Тогда она пишет ему еще более длинное письмо, которое находит на другой день в мусорной корзине для бумаг. Она нервничает и пытается получить объяснение. Он же отвечает, что не желает реагировать на требования такой взбалмошной личности, как она. Что бы она ни делала, Анну не слушают – может быть, дело в ее языке, который не совсем точен? Начиная с этого дня, она делает ксерокопии всех писем, которые ему адресует.

Поль непроницаем к страданиям Анны, он даже её не замечает. Для Анны это нестерпимо, и она тоскует, совершая всё новые промахи. Ее ошибки интерпретируются как пороки, которые нужно искоренять, что лишней раз оправдывает его жестокость: Анна становится просто опасной для него, следовательно, должна быть сломлена.

В результате такой «взаимной» жесткости, реакцией Поля становится самоустранение, а Анна по-прежнему пытается наладить диалог. Наконец, она принимает решение расстаться с Полем. - «Если я правильно тебя понял, ты без гроша выставляешь меня за дверь?». - « Я не выставляю тебя за дверь, я говорю тебе, что больше не могу выносить эту ситуацию. Ты далеко «не без гроша», работаешь, как и я, а когда мы организуем раздел имущества, то получишь половину нашего имущества». « - А куда я пойду? Ты и в самом деле злая. Из-за тебя я буду обязан жить в трущобах!».

Анна во всём обвиняет себя, думая, что жестокость Поля объясняется тем, что он страдает от разлуки с детьми. После расставания, возвращаясь со своих первых прогулок в выходные вместе с отцом, она встречает детей на улице. Они говорят, что хорошо провели день вместе с Шейлой, коллегой их отца. В этот момент она видит на лице Поля триумфальную улыбку, причины которой она поняла не сразу. Дома дети пытаются рассказать ей, до какой степени их папа влюблен и все же он провел с ними целый день.

Не имея смелости прямо заявить Анне, что у него есть подруга, Поль продолжает свои косвенные послания, используя детей. Тем, что он позволил им наблюдать за своими отношениями с Шейлой, он сознательно возбуждает ревность Анны. Но теперь он уже будет на расстоянии и может не опасаться претензий, которые Анна справедливо ему предъявит. Он выставляет детей в качестве амортизатора грусти и горечи матери, не выказывая никакого уважения ни к ней, ни к детям. У Анны постепенно уходит почва из-

под ног: чем больше она отбивается, тем сильнее «проваливается»: она мечется между тоской и чувством возмущения. Не в состоянии что-либо предпринять или сказать, она боится натворить глупостей. Оставшись наедине с сильным страданием, она оказывается не способной с ним бороться, идя ко дну подобно лодке, давшей течь.

Друзьям же и родным Поль сообщает, что Анна выставила его за дверь и что это представляет для него материальную и моральную проблему. Отказываясь от навязанной роли злодейки, Анна пытается оправдаться, используя неэффективный, но испытанный прием, – пишет ему письма, где объясняет свои чувства. Не нападая на Поля прямо, она всю вину перекладывает на его возлюбленную Шейлу, которая воспользовалась ситуацией мужчины в кризисный период его супружеской жизни с тем, чтобы его соблазнить. С таким подходом она попадает в ловушку Поля, который пытается держаться вне пределов досягаемости ее гнева и ненависти. Он скрывается, оставляя соперниц лицом к лицу вместо того, чтобы нести всю ответственность за сложившуюся ситуацию. Анна остается по-прежнему послушной защитницей и не обвиняет Поля. Единственный раз она осмелилась прямо его атаковать: она идет к нему в дом и говорит все то, чего у нее не было возможности высказать до сих пор. Это была ее единственная по-настоящему семейная сцена, как и единственная открытая конфронтация с Полем. - «Да ты сумасшедшая, а с такими не стоит разговаривать!». Когда Поль хочет силой заставить ее выйти, она его царапает, затем убегает вся в слезах. Конечно, эта сцена немедленно используется Полем против Анны и она получает замечание от адвоката. Поль теперь рассказывает всем подряд, какая Анна жестокая и сумасшедшая. Она выслушивает упреки от матери Поля: «Милая Анна, вам надо успокоиться, ведь ваше поведение недопустимо!» Адвокаты Анны и Поля ведут переговоры, чтобы урегулировать раздел имущества. Анна выбирает адвоката, который, как ей известно, не склонен к полемике, полагая, что надо прежде всего успокоить Поля, чтобы тот не ввязался в долгие тяжбы. В своем желании примириться она не дискутирует и кажется ему даже контролирующей ситуацию, а, следовательно, более опасной. В то время как уже был оговорен раздел имущества, Анна вдруг узнает, что незадолго перед каникулами Поль опустошил общий дачный домик, оставив только часть мебели, принадлежащей семье Анны, да ещё детские кровати. Она бездействует, полагая, что после решения материального вопроса Поль прекратит все нападки. Однако Поль на этом не останавливается.

Анна начинает получать корреспонденцию, касающуюся ее детей и содержащую косвенные замечания Поля, которые ставят под сомнение ее порядочность. Первое время она оправдывается, объясняя, что все уже было обсуждено в присутствии адвокатов и заверено у нотариуса. Потом она понимает, что все это ни к чему не приведет, так как ему надо, чтобы она всегда была в чем-то виновна. Однажды один из её детей сказал: «Папа всем рассказывает, что ты у него все забрала, может это правда? В чем ты поступила неправильно?».

Из этого клинического случая следует, что Поль не способен взять на себя ответственность за разрыв. Он действует так, чтобы Анна сама взяла на себя инициативу развода: Анна «прогоняет» его и остается, таким образом, ответственной за развал семьи. В любом случае она всегда виновна во всем, являясь «козлом отпущения», оставляя все действия Поля вне сомнения. Анна могла бы реагировать гораздо более адекватно, но в этом случае ее поведение было бы квалифицировано, как насилие. Когда она рыдает, то её подозревают в безумии, считая её глубоко депрессивной личностью. В любом случае, именно её считают виновной. А поскольку она не поддается на провокации и не проявляет чрезмерной реакции, остается только один способ ее очернить, - злословием и клеветой.

Необходимо убедить Анну - что бы она ни делала, она всегда будет объектом ненависти Поля, а также в том, что она ничего не сможет сделать, чтобы изменить его отношение к себе. Необходимо заставить Анну осознать свое бессилие. Следовательно, достаточно того, чтобы Анна имела положительный образ самой себя и чтобы нападки Поля не угрожали целостности ее личности. Если она прекратит бояться своего агрессора, она тем самым выйдет из игры и может нейтрализовать его агрессию. Что же касается Поля, то похоже на то, что для того, чтобы кого-нибудь любить, ему надо обязательно кого-нибудь ненавидеть. В каждом из нас сидит импульс разрушения. Одно из средств избавиться от него состоит в том, чтобы направить его на кого-то другого. Некоторые личности практикуют, таким образом, раскол между «добрыми» и «нехорошими». Чтобы идеализировать новый объект любви и поддерживать любовную связь, перверсу необходимо «сбрасывать» все, что есть в нем плохого, на предыдущего партнера, который становится, таким образом, «козлом отпущения». Все, что представляет собой преграду новой любовной связи, должно быть уничтожено, словно мешающий предмет. Так, ради новой любви им необходима ненависть к другому объекту, и новое любовное отношение строится на ненависти к предыдущему партнеру.

Во время разрывов такой процесс далеко не редкость, но чаще всего ненависть постепенно утихает по мере того, как гаснет идеал нового партнера. Но Поль, для которого очень важен имидж супруга и семьянина, напротив, акцентирует этот процесс в целях защиты новой семьи. Шейла сознательно или неосознанно чувствует, что эта ненависть защищает ее связь с Полем и ничего не предпринимает, чтобы положить этому конец. Возможно, она сама даже усиливает этот защитный феномен в интересах сохранения пары.

Анна по природной наивности верит, что самого факта быть влюбленным достаточно, чтобы быть счастливым, великодушным, «лучшим». Однако она не понимает, что Поль любит иначе. Она только думает, что если Поль ее отвергает, то лишь оттого, что она недостаточно «хороша» для него, т.е. недостаточно соответствует его ожиданиям. Однако у извращенных перверзов, напротив, любовь должна быть «расщеплена» и окружена ненавистью.

Разрыв отношений

Перверсные способы отношений обычно используются во время разводов или разрывов отношений. В этом случае речь идет о защитной реакции, которую нельзя однозначно считать патологической; это повторяющийся и односторонний аспект процесса, имеющий разрушающие последствия.

Во время разрыва перверсные проявления, до сих пор неявные, усиливаются, тайное насилие распоясывается, так как самовлюбленный перверз чувствует, что добыча ускользает из его рук. **Разрыв отнюдь не предполагает прекращения насилия, оно продолжается при помощи различного рода связующих отношений, которые могут продолжаться: если есть общие дети, то такое насилие проявляется через детей.** Ж.Г.Лёмер считает, что «некоторые формы мстительного поведения после разрыва или развода могут пониматься в рамках таких отношений. Индивид, чтобы избежать ненависти к себе, имеет потребность излить всю ненависть на кого-то другого, который был раньше «как бы частью его самого» (Лёмер, *Супружеская пара: ее жизнь и смерть*. Париж, 1979).

Это представляет собой то, что американцы называют словом «сталкинг», то есть моральное преследование, когда бывшие возлюбленные или супруги **не хотят упускать свою жертву или «добычу».** Они навязывают экс-супругам свое присутствие,

поджидают при выходе с работы, звонят днем и ночью, прямо или косвенно угрожая.

Сталкинг воспринимается очень серьезно в некоторых странах, в которых предусмотрены статьи по защите права граждан. Такое же законодательство существует для фактов прямого насилия в супружеских парах, так как было установлено, что этот вид преследования независимо от реакции жертвы, способен привести к физическому насилию.

Развод со самовлюбленным перверзом, независимо от инициатора разрыва, почти всегда носит жестокий и сутяжнический характер. Перверзы поддерживают отношения при помощи различного рода уловок в виде заказных писем, адвокатов, работников юстиции. О паре, которая уже не существует, продолжают говорить в течение долгих судебных разбирательств. Чем сильнее выражено стремление к захвату влияния, тем более явны гнев и злоба. Жертвы защищаются особенно плохо, если сами верят в свою виновность в разрыве, как это нередко бывает. Чувство вины толкает их демонстрировать своё великодушие в надежде избежать преследований.

Жертвы редко способны злобствовать, в то время как **агрессор, очень близкий по своему складу к параноидальному типу, всегда может проделывать обеляющие его действия. Во Франции вина за развод теоретически может сниматься, если существуют перверзные действия одной из сторон.** Но как учесть малозаметные действия, имеющие целью опорочить другого? Требующий развода обязан привести факты в качестве доказательства своих действий. Но как доказать манипуляции перверза?

Нередко перверзы, провоцируя своего партнера на какой-то промах, пользуются им, чтобы добиться развода в свою пользу. В принципе, развод может быть получен в случае исключительной вины одной стороны, если эта вина объясняется поведением другого. В реальной жизни, из опасения, что ими будут манипулировать и не зная, кто из экс-супругов действительно манипулирует, судьи осторожничают и не учитывают названные ситуации насилия.

Цель действий перверсов состоит в дестабилизация другой личности, чтобы заставить ее и окружение засомневаться в жертве. Для этого все средства хороши – недосказанность, ложь, клевета. Чтобы не попасться на уловку этих впечатлений, необходимо, чтобы партнер несколько не сомневался в себе и действиях, которые необходимо предпринять и не обращать никакого внимания на агрессию. Однако это его обязывает быть всегда настороже, контактируя с экс-супругом. Приведём еще один пример из практики.

Элиана и Пьер расстались через 10 лет, имея троих общих детей. На развод подала Элиана, жалуясь на насилие мужа. Пьер заявляет судье то, что станет плачевной реальностью следующих лет: «Отныне моей единственной целью в жизни будет досаждать Элиане!».

С этого дня он отказывается от любого прямого общения. Обмен происходит заказными письмами или посредством адвокатов. Если звоня детям, он попадает на нее, то говорит только: «Позовите мне детей!». Если они с Элианой случайно встречаются на улице, он не только не отвечает на ее приветствие, но смотрит сквозь нее, будто она стеклянная. Отказываясь ее замечать, он дает понять Элиане, что она для него не существует, что отныне она «никто». Как часто бывает в супружеских парах такого типа, **коварное моральное преследование** начинает осуществляться через общение с детьми, организации их каникул, здоровья и школьных дел. Каждое письмо Пьера является маленькой агрессией, внешне безобидной, но выводящей из себя.

На письмо Элианы, извещающее о пересмотре алиментов, он отвечает: «Учитывая твою обычную непорядочность, позволь мне поговорить с твоим адвокатом». Когда же она отправляет заказное письмо (на другое он не отвечает): «Нужно быть безумным или непорядочным, чтобы отправлять заказные письма каждую неделю».

На письмо, содержащее вопрос о планировании майских выходных, он отвечает: «выходные 7 и 8 мая, действительно, первые выходные в мае. Учитывая то, что произошло, мой адвокат посоветовал мне официально предупредить тебя, что я вынужден буду предъявить жалобу в случае твоего запрета на общение с ребенком, если ты не будешь последовательно пунктуальна с датами».

Получая эти письма, Элиана каждый раз спрашивает себя: «Что же я такого сделала?» Даже если она считает, что ей не в чем себя упрекнуть, то, тем не менее, она старается найти факты, которые она не заметила, но Пьер был бы способен дурно истолковать. Поначалу она оправдывается; Элиана реагирует адекватно, когда осознает, что чем больше оправдывается, тем больше кажется себе виновной за эту косвенную агрессию. Но так как Пьер находится в пределах недосягаемости, все происходит перед детьми, которые видят, как мать плачет или кричит, как безумная.

Элиане не в чем себя упрекнуть. Однако для Пьера она виновна абсолютно во всем и даже всё равно в чем. Она стала своего рода

«козлом отпущения», т.е. ответственной за разрыв и все его последствия, а её оправдания звучат, как жалкие и бесполезные усилия.

На все оскорбления Пьера Элиана не в состоянии ответить, так как она не знает, к чему они относятся. Любое её оправдание невозможно: она виновна в чём-то таком, что прямо не называется, но, как предполагается, они оба в курсе дела. Когда она говорит о его злонамеренности в обмене почтой с семьёй или друзьями, те реагируют банально и советуют ей: «Успокойся, это не так уж страшно!».

Пьер отказывается от прямого общения с Элианой. Если она ему пишет, чтобы сообщить нечто важное, касающееся детей, то он не отвечает. Если она ему звонит, он вешает трубку: «Не желаю с тобой разговаривать!» или оскорбляет в бранных выражениях. А если она принимает решение, заранее не проинформировав Поля, то он немедленно даёт ей знать заказным письмом или через своего адвоката, что не согласен с принятым решением и всё устроивает так, что аннулирует принятое решение, оказывая на детей давление. Таким образом, Пьер парализует Элиану в решениях, касающихся детей. Ему кажется мало показать, что она плохая жена, он должен всем доказать также, что она плохая мать. Ему неважно, что действуя подобным образом, он дестабилизирует и общих детей. При каждом важном решении, касающемся детей, Элиана не знает, каким способом спросить мнение Пьера так, чтобы это не вызвало конфликт. Затем она отправляет письмо, в котором взвешивает каждое слово: он не отвечает. Тогда она сама принимает решение. Позже приходит заказное письмо: «Это было сделано по твоей просьбе, без моего ведома и предупреждения. Необходимо тебе напомнить, что я имею равные родительские права по отношению к нашим троим детям, следовательно, ты не можешь принимать решения, не посоветовавшись со мной!» Точно такие же вещи происходят и при детях. Как правило, все её планы, представленные таким образом, терпят крушение.

Спустя несколько лет после разрыва, ей надо принять важное решение, касающееся одного из детей. Она пишет и, как обычно, не получает ответ. Тогда она решается позвонить и сразу же узнает, что ничто не изменилось - «Ты читал мою корреспонденцию, ты согласен?».

- «С такой матерью, как ты, ничего не поделаешь, не стоит и пытаться, ведь ты все равно всё сделаешь так, как решила. Ты всегда делаешь только то, что хочешь и дети делают то, чего ты сама хочешь. В любом случае, ты не способна к самосовершенствованию,

ты воровка, лгунья, которая проводит время в оскорблениях отца своих детей. Тебя интересует только это, ты только это и делаешь и больше ничто тебя не интересует и больше ничем ты не способна заниматься, как этим!».

- «Но в письмах я же тебя не оскорбляю, я спокойно спрашиваю, можем ли мы что-то вместе сделать касательно детей?!».

- «Ты еще этого не сделала, потому что тебе не представился случай, но это не замедлит сказаться. Ты меняешься, но не изменишься; ты негодяйка, хочешь - не хочешь, но это так, и у меня для тебя нет других слов».

- «Это ты меня оскорбляешь!».

- «Я всего лишь говорю правду, а именно то, что ты остановилась в своем развитии, ты не способна сомневаться в себе. Не может быть и речи, чтобы я согласился с твоим решением. Я совсем его не одобряю, впрочем, я не одобряю и то, как воспитаны мои дети, мне не нравятся люди, которые их воспитывают. Не одобряю я и то, как они одеты».

- «Что бы ты обо мне не думал, речь идет о детях, о наших детях. Что ты предлагаешь?»

- «Я ничего не предлагаю, потому что с тобой ничего не поделаешь. Ничто не изменится, потому что ты сама не изменишься. Я думаю, что важно говорить с людьми, но не с тобой, короче, ты остановилась в своём развитии. Ты даже не способна осознавать то, что говоришь, а говоришь ты все время неизвестно что!».

- «Но надо же принять решение касательно наших детей».

- «Ну что же, обращайся к Господу Богу, чтобы разговаривать с равными!»

- «У меня нет его координат, потому что у меня нет привычки ему звонить!»

- «Мне больше нечего тебе сказать. Я подумаю и, может статься, дам ответ. Но в любом случае это бесполезно, потому что это не то, что тебе надо. А ты делаешь только то, чего сама хочешь. В любом случае, так дело не пойдет».

- «Но ты заранее все обрекаешь на неудачу!»

- «Да, потому что с тобой каши не сварить. А впрочем, я и не хочу с тобой спорить, ты меня не интересуешь, и меня не интересует, что ты хочешь сказать. До свидания, мадам!».

Видя, какой оборот принимает дело, Элиана записывает общение, ушам своим не веря. Затем со своей записью она идет на лечение к психотерапевту. Ей трудно понять: либо она сошла с ума, чувствуя

его насилие или же это Пьер, спустя пять лет после разрыва, имеет все такое же безумное желание ее уничтожить.

Элиана правильно сделала, записав эту беседу. Это дало ей чувство отстраненности, ибо подобно всем жертвам насилия, она не способна понять, как можно до такой степени ненавидеть без особой причины. В этом диалоге хорошо видно, что для Пьера все средства хороши, чтобы заблокировать ситуацию: оскорбления, сарказм, издевательство. Он пытается доказать ничтожность Элианы, делая ее заранее ответственной за провал в любом деле. Таким же способом он блокирует любое изменение, включая те, что делаются ради детей. Несомненно, что эти перемены дестабилизируют прежде всего его самого: явно видно, что **им движут зависть и ревность**. Он завидует Элиане в инфантильной манере, воображая её всесильной, как и всех матерей («дети делают всё, что ты захочешь»). Притом настолько всесильной матерью, что она соседствует с богами. Когда он говорит такие вещи, то это не столько риторические фигуры, сколько проявления его бреда и безумия. Прослушав эти жесткие речи, сказанные ледяным тоном, я смогла лишь посоветовать Элиане быть настороже, зная, что его ненависть никогда не прекратится. Речь идет об автономном процессе, который однажды начавшись, продолжается до бесконечности, множа череду других безумных предубеждений.

Причина и рассуждения при таком порядке вещей никогда не меняются. И только вмешательство закона может ограничить жестокость действий, ибо **самовлюбленный перверз всегда старается сохранить видимость приличия и законности**. Конечно, записи не имеют особого юридического значения, так как запрещено записывать частные беседы без согласия заинтересованного лица. И это досадно, так как перверзная жестокость чаще всего выражается устно по телефону: нет ни взгляда, ни физического присутствия, **агрессор может пользоваться своим любимым оружием – словами, ранящими, не оставляя следа**.

Отказ от прямого общения, - основное оружие перверза. Другая сторона обязана делать запросы и давать ответы. Приближаясь к сути, жертва агрессии, конечно, совершает промахи, которые затем используются агрессором, чтобы доказать виновность и «никчемность» жертвы. Заказные агрессивные письма, содержащие намеки, являются ловким маневром с целью незаметной дестабилизации. Сторонний наблюдатель, психолог, судья могут увидеть в этих примерах всего лишь банальный язвительный обмен между супругами. А ведь речь идет не просто об обмене, - налицо явно

односторонняя агрессия, при которой нападающий мешает нападаемому адекватно реагировать и защищаться.

Подобные перверсные виды агрессии дестабилизируют всю семью. Детям и свидетелям невозможно себе представить, чтобы подобная недоброжелательность возникла без причины. В случае с Элианой, даже если у нее прекрасные отношения с детьми, каждое письмо приносит напряженность или агрессивность в отношения с детьми: «Надоело, мама, ты всегда в плохом настроении, когда получаешь заказное письмо от папы!». В то же время, дети всегда сами в напряжении при получении заказного письма, словно посылки, начинённой взрывчаткой и несущей зло на расстоянии. Агрессор может сказать, что он тут ни причем, что его руки чисты и что это вина его бывшей жены, которая безумна и не способна контролировать себя и правильно воспитывать собственных детей.

История Элианы и Пьера на этом прерывается, это история без конца и края, потому что **настоящий перверз никогда не оставляет свою жертву. Он убежден в своей правоте и не имеет угрызений совести.** Люди, являющиеся мишенью, вообще должны быть без недостатков, иначе будут постоянно жить под угрозой новых нападков со стороны перверзов.

Элиана долго не могла понять, что эта ситуация вовсе не результат череды недоразумений или эмоционального разрыва. Эта ситуация является следствием патологического поведения Пьера, которое вызывает ответную реакцию Элианы. Исходя из того, что между ними невозможен диалог, оба они вовлечены в порочный круг, разрушающе действующий как на них самих, так и на детей. На этой стадии необходимо вмешательство извне, чтобы приостановить разрушительный процесс. Элиана долго задавалась вопросом: «Чем я вызвала к себе такое отношение - своим поведением или просто-напросто одним своим существованием?» Теперь-то она понимает, что Пьер всего лишь воспроизводит то, что сам претерпел в своем детстве, то, свидетелем чего он был в семье своих родителей. Ей было очень трудно оставить роль утешительницы, уготованной ещё в детстве. Она была привлечена именно этой его стороной - свойством «маленького несчастного мальчика-Пьерро», которого надо было все время утешать. Теперь же она оказалась в капкане того, что раньше казалось привлекательным.

Глава II

2

Насилие в семье

Превратное насилие в семье представляет собой адский механизм, который трудно преодолеть: он имеет тенденцию передаваться из поколения в поколение. Речь идет о психологически грубом обращении, зачастую незаметном для окружающих, которое может постепенно приобретать все более разрушительный характер.

Иногда такое грубое обращение принимает **личину воспитания**. Алиса Миллер, автор книги *«Это для твоего же блага»* (Париж, 1984), говоря о **чёрной педагогике**, выявила пороки традиционного воспитания, которое имеет целью сломить волю ребенка, чтобы сделать из него покорное существо. Дети не могут реагировать, учитывая то, что «давление и сила авторитета взрослых делает их безмолвными и даже может довести до потери сознания», как указывает психолог Ференчи (*Коммуникационное непонимание взрослых и детей// Психоанализ IV, пер. с фр. Париж, 1985*).

Международная конвенция по правам ребенка считает в качестве жестокого обращения с детьми:

- словесное насилие;
- садистическое поведение;
- эмоциональную отстраненность;
- чрезвычайную требовательность или требования, не соответствующие возрасту ребенка.

Непрямое насилие

Такой вид насилия чаще направлен на супруга, однако по причине его отсутствия, зачастую переносится на детей. Дети являются жертвой, поскольку они находятся рядом и не отказываются от поддержки родителя – объекта нападков. Они испытывают агрессию в качестве детей ненавистного экс-супруга. Взятые в качестве свидетелей конфликта, который их не касается, они получают предназначенную другому родителю недоброжелательность, во всей её полноте. Атакуемый партнер, не имея возможности выразить свою реакцию

агрессору, ответную агрессию изливает на детей, не умея выказать ее иначе. Перед лицом постоянной дискредитации со стороны родителей, дети имеют только один выход – самоизоляция, иначе они находятся под угрозой потери всякой способности к самовыражению и свободному мышлению.

Каждый несет свою долю страданий, которую затем **воспроизводит в другом месте при невозможности самому найти решение проблемы.** Речь идет о **переадресованной ненависти и разрушении.** Агрессор не может остановить свою болезненную страсть к уничтожению. Его ненависть переходит с экс-супруга на его детей, которые в таком случае становятся его мишенью.

Вплоть до своего развода, родители Нади имели привычку настраивать своих детей против своего партнера, используя для этого «подпольное» насилие. В этой семье «моют грязное белье» на публике, при этом скрыто - коварным образом. Как никто другой, мать умела использовать недоброжелательные фразы и оскорбления; своими косвенными нападениями она оставляла губительный след в сознании детей.

После отъезда мужа женщина живет вместе с младшей дочерью Леей, а в других своих детях видит «отцовских сообщников». Вокруг матери сплетена сеть огромного «заговора», центр которого – Лея, она же является как бы частью её самой. Когда от сестры Нади приходит подарок Лее ко дню рождения, то мать отвечает: «Спасибо от имени твоей сестры и от меня лично!». Она передает Лее свою горечь и недоверие, изолируя ее от остальных членов семейства, да так, что она даже возмущается тем фактом, что братья и сестры продолжают видеться с отцом.

Мать постоянно жалуется на своих детей. Она то хвалит, то опровергает только что сказанное. Она постоянно плетет паутину с тем, чтобы создать видимость своей победы и возводит целую систему скрытых обвинений, более или менее работающую, судя по реакции её детей.

Когда Надя дарит ей к Новому году платок, она отвечает: «Спасибо тебе за платок, который будет длиннее тех, что у меня уже есть!» или же: «Твой подарок – первый, который я получила от своих детей!». Когда зять покончил с собой: «В любом случае, он был слабаком и для него было лучше уйти из жизни!». Наде кажется, что она грезит, когда видит или слышит свою мать; каждая агрессия воспринимается ею, как вторжение. Она чувствует, что должна защищаться, чтобы сохранить свою психическую целостность. С

каждой новой атакой возрастает ее собственное насилие и желание уничтожить мать до такой степени, чтобы она утратила всемогущество и способность ко всеобщему обвинению. Ситуация вызывает у нее боли в желудке и кишечные спазмы. Будучи даже на расстоянии, через почту или по телефону, она ощущает как бы протянутую к ней руку матери, желающую причинить ей боль.

Каковы бы ни были причины такого поведения, оно неприемлемо и непростительно, так как перверсная манипуляция способна вызвать серьезные нарушения как у детей, так и у взрослых. Как можно здраво мыслить, когда один из родителей говорит одно, а другой – другое с точностью до наоборот?! Если подобное смятение не снимается рассуждением третьего здравомыслящего взрослого, то оно может привести ребенка или взрослого к фатальному саморазрушению. Часто отмечено, что у взрослых или детей, бывших жертвами одного из перверзных родителей, так же, как и у жертв incesta, бывают чередования анорексии с булимией или другие виды патологического поведения.

Намеки и перверзные замечания обуславливают негативные последствия «промывания мозгов». Дети не жалуются на претерпеваемое плохое обращение, даже напротив, они постоянно стараются заслужить маловероятное расположение отвергающего родителя. Внутренне усвоив собственный негативный образ («я полный ноль!»), они воспринимают это как нечто заслуженное.

Стефан осознал, что задолго до своего депрессивного состояния он чувствовал себя опустошенным и неспособным к каким-либо действиям без сильного воздействия извне. Особенно трудно удавалось ему задействовать свои реальные профессиональные качества. Чтобы заглушить тоску и опустошенность, он регулярно принимает наркотическое вещество, утверждая при этом, что оно ему вовсе не приносит удовольствие.

Вплоть до своей зрелости Стефан был разговорчивым и веселым шутником и хорошим учеником. В десять лет после развода родителей он утратил свою естественную весёлость. Начиная с этого момента, он испытывает ощущение отверженности в обоих домах. Поскольку его брат решил остаться с матерью, Стефан почувствовал себя обязанным перейти к своему отцу, отныне став заложником развода.

Его отец – человек холодно-отстраненный, всегда усталый и все время недовольный. Он не проявлял теплых чувств к ребенку; у него всегда наготове были ирония, сарказм и ранящие слова. Он не испытывает радости от жизни и не прощает этого другим. Стефан никогда не

делится своими планами с отцом. Рядом с ним он лишь тень самого себя и когда тот от них ушел, он сказал себе: «Мне стало легче, все произошло к лучшему».

Повзрослев, Стефан все еще боится гнева своего отца: «Если бы я был единственным, кто на него так реагирует, то я подумал бы, что у меня бред. Но с ним все до одного избегают спорить или что-либо рассказывать, чтобы не вышел конфликт». Он всегда занимает оборонительную позицию, а если отец заходит слишком далеко в своих оскорблениях, то он и сам способен взорваться. Стефан признает, что вообще склонен легко подчиняться власти, не вынося любых конфликтов. Он знает, что даже в его возрасте, если он перестанет подчиняться отцу, то это приведет к их тяжелому разрыву. В настоящий момент он еще не чувствует в себе достаточно сил для подобного противостояния.

Один из родителей имеет живой объект в своем распоряжении, который можно подвергать унижениям, ранее испытанным им самим в детстве или тем, которые он продолжает испытывать. Любая детская радость для него невыносима; к ребенку придираются, что бы он ни делал и что бы он ни говорил. Существует нечто вроде потребности заставить платить за страдания, пережитые когда-то самим отцом.

Мать Даниэля не выносит, когда ее дети выглядят счастливыми, в то время как сама она в супружестве несчастна. Она повторяет налево и направо: «Жизнь, - это бутерброд с г..., который надо есть понемногу и каждый день!». Она поясняет, что дети мешают ей жить и что хотя это ей не особо интересно, всё же она обязана жертвовать собой ради детей.

Она постоянно пребывает в плохом настроении и отпускает каждому мелкие ранящие фразы. Её изобретение - семейная игра, предназначение которой – сделать детей более жесткими. Состоит «игра» в том, чтобы за обедом систематически над кем-либо насмеяться. При этом объект всеобщего внимания должен сохранять довольную мину. Всё представляет собой повторяющиеся уколы, недостаточно болезненные, чтобы о них можно было упоминать. Впрочем, дети не уверены, что все эти мелкие уколы делаются умышленно: возможно, все происходит от простой неловкости. Её дни проходят в злословии то об одном, то о другом, не прямо, а косвенным образом. Она неприязненно высказывается то о брате, то о сестре, поддерживая, таким образом, их соперничество или недопонимание.

О Даниэле она говорит с удрученным видом, что тот никуда не пригоден и ничего не сможет добиться в жизни. Ее язвительные речи не подвергаются сомнению, а его самого грубо одергивают, когда он высказывается иначе. Уже в зрелом возрасте Даниэль продолжает опасаться тех слов, которые его мать могла бы произнести. Перед ней он беззащитен: «Как можно быть агрессивным по отношению к собственной матери!». Он отмечает появление у себя повторяющихся сновидений, в которых он спрашивает мать, тряся её за плечи: «За что ты так меня ненавидишь?!».

Детями манипулировать очень просто, так как они всегда оправдывают тех, кого любят. Их терпимость беспредельна, они готовы всё прощать своим родителям, брать на себя их вину, понимать и пытаться узнать, чем недоволен один из них. Одним из часто используемых средств манипуляции детьми является шантаж страданием.

Селин сообщает отцу о том, что над ней совершено насилие и что она подаст жалобу в суд. Насильник был привлечен к ответу благодаря выдержке Селин, и скоро состоится процесс. Первой реакцией отца было: «Будет лучше, если ты матери об этом ничего не скажешь. Это ей, бедной, только прибавит хлопот!».

Мать Виктуар постоянно жалуется на боли в животе, что служит ей предлогом, чтобы проводить в постели большую часть дня, избегая близости с мужем. В качестве объяснения своему уединению она говорит сыну: «Ты был таким крупным младенцем, что порвал мне всё чрево!».

Партнер супруга-агрессора, будучи сам под прессингом, редко бывает способен помочь собственным детям. Выслушивая жалобы, он оправдывает своего партнера, становясь в позицию адвоката. Дети очень быстро обнаруживают перверзное, извращенное обращение с ними, однако, находясь в большой зависимости от своих родителей, не могут прямо об этом заявить.

Дело осложняется в том случае, когда другой родитель, желая защитить себя, отдаляется, оставляя отвергаемого ребенка один на один с жестоким и презрительным отношением к себе перверза.

Мать Агаты привыкла обвинять своих детей во всех своих несчастьях. Одновременно она себя обеляет и стирает любые следы своей виновности. Все это она произносит спокойным тоном, уверяя, будто агрессия с ее стороны была всего лишь плодом воображения.

Ничто не называется своим именем в этой семейной магне: «Но нет, ничего не случилось, это с тобой что-то не так!».

Случаи насилия стираются из памяти и от них не остается ничего, кроме расплывчатого воспоминания, а если о чем-то и говорят, то никогда напрямую. Мать Агаты уклоняется от откровенного разговора. Она убеждает своих детей быть с ней единого мнения и жалуется на оставившего её мужа. Дестабилизированная Агата сомневается в собственных чувствах. Дети знают, что мать хранит под кроватью коробку, полную фотоснимков их раннего детства, утверждая при этом, что давно их выбросила. Однажды Агата осмелилась спросить у матери, что стало с этой коробкой. Заговорить о ней означало выйти из подчинения и осмелиться высказать сомнение в правдивости «истин», навязанных матерью. Но та ответила: «Не знаю, сейчас посмотрю... Может быть!».

Агата чувствует себя сиротой при живых родителях. Однако с ними у неё не ладится. Ей неизвестно, что значит опираться на плечо любящего человека, она должна постоянно защищаться от ударов извне, при этом все время оправдываясь.

Прямое насилие

Прямое насилие является признаком сознательного или неосознанного отторжения ребенка одним из родителей, который оправдывает себя тем, что действует в воспитательных целях и в интересах самого ребенка. Однако реальность такова, что на деле ребенок в тягость и тогда полагают «необходимым» разрушить его изнутри в эгоистичных интересах собственной безопасности.

Никто не может заметить этого, кроме самой жертвы, однако воздействие такого уничтожения вполне реально. Субъективно ребенок несчастен, но объективно ему не на что пожаловаться. Если он и жалуется, то на казалось бы, обычные слова и действия. В таком случае говорят всего лишь, что ему не по себе. Тем не менее, существует вполне реальная решимость уничтожить ребенка морально.

Обычно ребенка, с которым плохо обращаются, называют надоедливым. О нем говорят, что он разочаровывает родителей, принося лишь одни неприятности: «Это трудный ребенок, он не упускает случая, чтобы всё разбить или наделать глупостей, стоит только отвернуться!». На деле этот «разочаровывающий» ребенок не вписывается в рамки представлений своих родителей.

Беспокоит он либо оттого, что занимает особое место в списке родительских проблем (нежеланный, в ответе за создание семьи поневоле), либо потому, что он отличается от других детей (физический недостаток или задержка умственного развития). Такой ребенок – мишень для «выправления» недостатков и пороков во имя того, «чтобы у него была прямая дорога».

Бернард Лемперт в своей книге *«Нелюбовь»*, изданной в Париже в 1989 году, очень хорошо описывает это неприятие, которое подчас обрушивается на ни в чем не повинную жертву: *«Нелюбовь – это система разрушения, которая в некоторых семьях обрушивается на ребенка, желая его гибели; это не простое отсутствие любви, а ее подмена постоянным насилием, которое ребенок не просто терпит, но к тому же внутренне усваивает до такой степени, что происходит двойной эффект воздействия: жертва пытается сменить насилие, совершаемое над ней, своим собственным поведением, направленным на саморазрушение»*.

Итак, мы оказываемся втянутыми в спираль абсурда: ребенка бранят за то, что он неловок и делает всё не так, как положено. Он становится всё более неловким и всё более отдаляется от родительского желанного идеала. Это происходит не оттого, что ребенок неловок и потому его обесценивают, как личность, а оттого, что его обесценили и потому он вырос неловким. Родитель, отвергающий ребенка, ищет и обязательно находит оправдание своему насилию (ночное недержание мочи, плохую оценку в школе), однако на деле само существование ребенка, а не его поведение, приводит в действие механизм насилия.

Самое банальное проявление подобного насилия перверзным, т.е. извращенным образом, - это наделить ребенка каким-нибудь смешным прозвищем. Даже по прошествии пятнадцати лет Сара не может забыть того, что в детстве родители обзывали её «мусорным ящиком», поскольку, имея хороший аппетит, она ничего не оставляла на своей тарелке. Имея лишний вес, она не соответствовала идеалу ребенка, о котором мечтали родители. Вместо того, чтобы помочь ей отрегулировать аппетит, её старались еще больше сломить.

Случается также, что ребенок от Бога наделен чем-то более, чем его отец или мать: он слишком одарён, слишком чувствителен, слишком любознателен. В таком случае стараются не замечать лучшего в ребенке, чтобы не видеть собственных недостатков, а утверждения родителей более походят на пророчества: «Ты ни на что не годен!». В конце концов, ребенок становится несносным, слабоумным или же акцентуированной личностью, так что у родителя теперь имеются все «основания» грубо с ним обращаться. Под предлогом воспитания у

собственного дитя гасят искорку жизни, саму по себе еще слабую. Волю ребенка ломают, способность критически мыслить уничтожают и всё для того, чтобы в итоге он не мог осуждать своих родителей.

Во всех случаях дети четко ощущают, что не соответствуют желаниям своих родителей или просто потому, что они не были желанными детьми. Они виновны в том, что разочаровывают, в том, что родители их стыдятся, что они для них недостаточно хороши. За это они просят прощения, ибо хотели бы искупить самовлюбленный нарциссизм своего родителя - напрасный труд!

Ариэль совершенно не уверена в себе, даже зная о своем профессиональном таланте. Помимо прочего, она испытывает болезненное состояние, связанное с головокружением и тахикардией, которые она охотно приписывает своим приступам тоски.

Ей всегда трудно давалось общение со своими родителями, а особенно с матерью Элен, с которой у нее сложные отношения. Последняя оставляет у дочери впечатление, что её не любят, но Ариэль извиняет мать и приписывает всё тому, что по старшинству ей больше от неё «достаётся».

О своих отношениях с матерью Ариэль говорит, что они проходят под знаком парадокса. Она получает от неё информацию, которую не понимает и не знает, как от неё защищаться. Кто-то ей однажды сказал, что она явилась причиной родительских разногласий. Тогда она почувствовала себя виновной и даже написала родителям, чтобы оправдаться.

У неё было постоянное ощущение того, что мать оказывает на неё негативное воздействие, нечто вроде «промывания мозгов» с целью её унижить. С помощью особого языка с искаженным смыслом, где каждое слово содержит подвох, мать создает западню дочери. Так, Элен ловко использует третье лицо для придания конфликту эффекта бумеранга. Она говорит о чем-то так, словно она одна все знает. С помощью намеков она уверенно подводит Ариэль к чувству собственной вины. Та же всегда находится как бы в стороне, спрашивая себя о том, все ли она делает как надо, чтобы угодить матери. Однажды она находит приколотую к туалетному столику матери открытку, отправленную ко дню её рождения. Дата подчеркнута и прокомментирована: «Пришла днем позже!» Из всего этого Амели заключает: «Что бы я ни сделала, я всегда виновна!».

Перверзия, или моральное извращение, наносит семьям значительный урон. Она разрушает связи и убивает всякую

индивидуальность, делая это порой безотчетно и неосознанно. Перверзвы умеют настолько ловко фальсифицировать свое насилие, что зачастую им удаётся сохранить свой положительный имидж. Процесс обесценивания может быть запущен ещё более извращённым способом с помощью третьего лица, чаще всего – другого родителя, самого находящегося под гнётом и не отдающего себе в том отчета.

Артур – желанный ребенок своей матери Шанталь, но не для собственного отца Винсента. Тот предоставляет жене одной заниматься их ребенком: «Это чисто женское занятие!». Если же она слишком много времени уделяет ребенку, то отец иронизирует: «Всё нежничаете со своим поросёнком?!». Эта вполне безобидная фраза произносится таким тоном, что Шанталь чувствует на себе вину, даже если отделяется репликой, что это вполне нормально.

В другой раз, когда она меняла Артура пеленки, напевая и целуя его в животик, Винсент с порога провозгласил, что во многих случаях матери ведут себя как при икстесте, возбуждая сына с колыбели. Шанталь в шутку возражает, что это замечание неуместно, но начиная с этого дня она утрачивает естественность в общении с сыном при Винсенте.

У Винсента очень строгие воспитательные принципы: не следует обращать внимания на детские капризы: если дети накормлены и сухи их пеленки, то можно позволить им поплакать. Не следует менять что-либо в обстановке ради ребенка, он сам должен научиться ничего не трогать: достаточно лишь хорошего шлепка по рукам. С маленьким Артуром и без того послушным и нетрудным ребенком, часто обращаются резко и грубо.

Когда Артур вырос прекрасным толстоцекиим карапузом, отец стал часто обзывать его «куском сала». Шанталь это приводит в бешенство. Несмотря на все её мольбы и просьбы, он продолжает его так называть, добавляя при этом разные ласковые слова: «Это тебе неприятно, но посмотри на него, его это вовсе не волнует, он улыбается!». И хотя окружающие, члены семьи или друзья, тоже протестуют, насмешливое прозвище становится привычным в устах Винсента.

Затем у Артура были некоторые проблемы с приучением к чистоте: он пилсал в штанишки вплоть до детсада, а позже и ночью в постель. Это нервирует Винсента, который упрекает сына, шлепая его. Особенно он выказывает свое отчаяние при Шанталь, которая, опасаясь бешеного гнева Винсента, также придаёт этому особое значение, срываясь, в свою очередь, на сыне. В конечном итоге, она

также начинает наказывать сына, впоследствии чувствуя свою вину и упрекая Винсента за излишнюю суровость по отношению к Артуру. На что Винсент холодно роняет: «Но ведь ты сама избивала малыша, это ты проявляешь насилие!». Шанталь идёт в комнату сына, берет его на руки и утешает, успокаиваясь при этом сама.

При невозможности физически уничтожить ребенка, с ним поступают так, будто ничего особенного не происходит, но уничтожают его психологически.

Таким образом, можно сохранять себе доброе имя, даже если со временем ребенок теряет всякое представление о ценности собственной личности. В случаях семейной тирании и отчаяния отдельной личности, смерть достигает своей цели: приходит ощущение небытия. Живя в социуме, перверзу невозможно телесно уничтожить ребенка, ему необходимо иметь «легальное прикрытие». Чтобы сохранить свой положительный имидж – являющийся основной целью двуличия, - они организуют **психическое убийство**: делают так, будто ребенок – ничто. Здесь мы наблюдаем некую константу: нет следов насилия, нет крови и трупа. «Убитый» жив и все вроде «нормально» (B.Lempert, *L'Enfant et le Désamour, Editions L'Arbre au milieu*, 1989).

Даже если родительское насилие явное, всё же юридически невозможно в нем обвинить, так как оно всегда трудно уловимо.

*Хотя, по мнению обоих родителей, **Жюльетта** и была желанным ребенком, но сразу как-то оказалось, что она «не должна» существовать: она мешает и с ней не хотят общаться. Сколько она себя помнит, она в ответе за всё, что «не так»: если она неразумна, - в этом её вина, если уют в доме недостижим, - это тоже её вина. Что бы она ни делала, за все её бранят. Если она плачет, её упрекают за слезы и шлёпают. «Теперь уже будешь знать, почему плачешь!», а если она не реагирует: «Впечатление такое, что тебе наплевать на то, что тебе говорят!».*

Её отцу так хотелось бы, чтобы она не существовала, что когда ей было девять лет, Жюльетту «позабыли» в лесу на пикнике; нашли её крестьяне, о чём и предупредили полицию. Отец говорил в своё оправдание: «Что вы хотите, это невозможная девчонка, она всё время убегает!».

Жюльетту не бьют в открытую, она накормлена и прилично одета, иначе социальная служба взяла бы её под свою опеку. Тем не менее, каждое мгновение выходит, что её как бы не должно быть на свете. Её мать, находясь в подчинённом положении у «всемогущего» мужа,

старается компенсировать ситуацию, беря дочь под свою защиту. Она, как может, оказывает сопротивление, время от времени угрожая уехать вместе с ребёнком. Однако у неё нет средств и она остается прикованной к этому тяжёлому человеку.

Несмотря на претерпеваемое насилие, Жюльетта любит своего отца и когда у неё спрашивают, как дома дела, она говорит иногда: «Мама всё время что-то придумывает и грозитя уехать!».

У детей, являющихся жертвой перверзной агрессии, нет другого выхода, кроме механизмов защитного «сцепления» и они оказываются, таким образом, носителями умертвляющего психического стержня. Всё, что не было верно усвоено в детстве, продолжает «отыгрываться» в различных эпизодах зрелого возраста.

Даже если все дети, с которыми плохо обращались, не обязательно становятся такими же плохими родителями, в их детстве уже было положено начало витку разрушительной спирали. Каждый из нас может прийти к воспроизводству на другом индивиде своего внутреннего насилия. Так, Алиса Миллер в своей книге *«Молчаливое страдание ребенка»* (пер. на фр., Париж, 1988) показывает, что со временем дети или жертвы насилия забывают претерпеваемую ими жестокость, для этого достаточно парализовать их волю осознать эту жестокость, - однако в дальнейшем они её воспроизводят на себе или других.

Родители не только передают детям такие позитивные свойства, как честность и уважение к другому, но они могут научить также недоверию и нарушению законов, правил под видом «находчивости» и «расторопности»: это закон хитрейшего. В семьях, где перверзность стала правилом, в роду нередко нарушители закона, тайно известные в роду, но имеющие статус «героя» из-за своей беззастенчивой хитрости. А если такого и стыдятся, то не оттого, что он переступил черту, а за то, что оказался недостаточно ловким, чтобы увернуться от наказания.

Скрытый инцест

Наряду с извращенной жестокостью, которая состоит в разрушении индивидуальности ребенка, встречаются семьи, где царит нездоровая атмосфера, состоящая из подозрительных взглядов, беглых прикосновений, неприличных намеков. В таких семьях граница между поколениями носят расплывчатый характер и отсутствуют границы между обычным и неприлично-сексуальным. Речь идет не о собственно

инцесте, а о том, что психоаналитиком Ракамье названо инцестуальностью: «*Инцестуальность, - это атмосфера, климат, где веют ветры инцеста при отсутствии его самого*» (П.-С. Ракамье, *Инцест и инцестуальность*, Париж, 1995). Это то, что я назвала бы вместо инцеста «soft». Нет ничего юридически уязвимого, но перверзное насилие присутствует без явных признаков.

К примеру, это мать, которая просит свою четырнадцатилетнюю дочь осмотреть её гениталии, чтобы узнать, нет ли там покраснения: «В конце концов, мы знаем друг друга, мы обе женщины!». Это отец, который соблазняет подруг своей восемнадцатилетней дочери, лаская их в её присутствии.

Такие отношения порождают климат нездорового сообщничества. Барьеры между поколениями при этом не соблюдаются; детям не предоставляется их законная роль ребенка. Напротив, они подключаются в качестве свидетелей в сексуальную жизнь взрослых.

Такой эксгибиционизм часто выдается за современный образ жизни, «крутизну». Жертва не способна защититься: если она возмущается, то над ней смеются: «Какая же ты отсталая!». Поэтому жертва чувствует себя обязанной отказаться от своих убеждений и перенять считавшиеся ранее вредными принципы, под угрозой потери психического здоровья. Самым парадоксальным образом может случиться так, что такое попустительское отношение может сосуществовать со строгими принципами воспитания, к примеру, неукоснительное соблюдение девственности дочери. Осуществление жестокого морального прессинга мешает жертве ясно видеть происходящее, а значит, положить этому конец.

Если перверзный тип отношений является определяющим в супружеской паре, где партнеры сами избрали друг друга, то на предприятии он не лежит в основе отношений. Однако при всём различии условий речь идет, тем не менее, о сходном процессе. Следовательно, можно руководствоваться моделью внутрисемейных отношений для того, чтобы понять определенный тип отношений и поведения, сложившийся на предприятии.

На предприятии имеет место совпадение жажды власти и перверзно-превратной натуры, в результате которого проявляются жестокость и моральный террор. Там редко встречаются крупные, разрушающие личность перверзии (извращенное поведение), однако мелкие ежедневные перверзии - дело вполне обычное.

В трудовой среде, в университетах и учреждениях способы морального террора намного более стереотипны, нежели в частном секторе. От этого их характер не менее разрушителен, даже в случае,

когда жертвы подвергались моральному террору в меньшей степени по своей длительности. В целях сохранения здоровья работники порой предпочитают уйти добровольно (по больничному листу или в отставку). Впервые об этих способах «выживания» сотрудника заговорили в сфере публичной жизни (рабочей среде, политике, ассоциациях) сами жертвы насилия, которые объединились, подобно рабочим Maryflo, чтобы рассказать, насколько нестерпимо всё то, что им пришлось пережить.

1.2. Моральный террор на служебном месте

О чем идет речь?

Под моральным террором на служебном месте следует понимать любое противозаконное поведение, конкретно проявляющееся в поступках и поведении, словах, делах, жестах и в письменном виде, наносящее урон личности, её достоинству, физической и психической неприкосновенности, угрожающие занимаемой должности в связи с ухудшением обстановки на работе.

Хотя моральный террор на работе - явление столь же древнее, как и сам труд, лишь в начале 90-х годов XX века оно получает оценку не только в качестве явления, разрушающего нормальную обстановку на работе и ухудшающего продуктивность труда, но и как фактор, влияющий на работоспособность из-за психологической травмы. Этот феномен исследован в основном в англоязычных и североевропейских странах, где его квалифицируют как «mobbing» от «mob»: «толпа», «плебс», передающие идею «надоедать, придирается, не давать покоя». Хайнц Лейман, шведский исследователь в области психологии, провел в течение десяти лет расследование различной профессиональной среды на предмет того, что он назвал «психотеррор». Теперь во многих странах этот феномен начал интересовать профсоюзы, специалистов по охране труда, страховые кассы по поводу потери трудоспособности.

Во Франции на предприятиях и СМИ речь шла в основном о сексуальном типе преследования, - единственном, учитываемом французским законодательством. Это всего лишь один из видов террора и преследования в широком смысле этого слова.

Психологическая война на рабочем месте объединяет два явления:

- злоупотребление властью, которое быстро разоблачается, поскольку, разумеется, работники не желают с ним мириться;
- извращенное, перверзное обращение, осуществляемое более скрыто, замедленно и наносящее значительно больший ущерб.

Неотступное преследование начинается вроде безобидно, но коварно и незаметно растет и ширится. Поначалу затронутые им люди не обижаются и не воспринимают всерьез уколы и проявления несправедливости. Затем эти нападки учащаются и жертва уже притесняется регулярно. Её ставят в унижительное положение, подвергают враждебным и унижающим козням в течение длительного времени.

От всей этой агрессии в прямом смысле слова не умирают, однако реально теряют часть себя: если каждый вечер возвращаешься изнуренным, оскорбленным, обруганным, то бывает трудно прийти в себя и восстановить силы.

В любой группе появление конфликтов нормально. Ранящее замечание в момент, когда нервничаешь или в плохом настроении, ничего не значит при условии последующего извинения. Но именно повторяемость притеснений, унижений без малейшего намёка на извинения и составляет феномен, направленный на разрушение другого.

Когда появляются признаки неотступного преследования, в ход запускается механизм, способный все перемолоть. Речь идет о жестоком процессе, бесчеловечном, бездушном и не знающем жалости. Профессиональное окружение из трусости, подлости, эгоизма или страха предпочитает держать позицию стороннего наблюдателя.

Если на работе уже существует такой асимметричный и разрушающий тип отношений, то он будет идти по нарастающей, если энергично не вмешается кто-либо со стороны. Обычно в кризисные моменты имеется тенденция к усилению уже имеющихся качеств. Так, строгое предприятие становится еще более жестким; служащий, находящийся в упадке сил, становится еще более депрессивным, ну а агрессор еще более агрессивен: усиливается то, что есть в каждом. Конечно, кризисная ситуация может послужить положительным стимулом для некоторых индивидов, чтобы показать себя с лучшей стороны и найти правильное решение. Однако ситуация превратного насилия способна привести жертву к потере чувства меры и с этого момента она может показать себя с далеко не лучшей стороны.

Речь идет о феномене порочного круга: бывает трудно вспомнить, с чего начался конфликт. Цепочка заранее продуманных и предпринятых поступков со стороны агрессора имеет целью вызвать

тоску и тревожное ожидание жертвы. Ведь страх – это ожидание зла! Ситуация принуждает жертву занять защитную позицию, порождающую, в свою очередь, новую агрессию. После некоторого периода развития конфликта возникает взаимная фобия. Один только вид ненавистной персоны вызывает холодное бешенство агрессора-перверза, а у жертвы вид обидчика вызывает безотчетный страх и неприятие; это уже рефлекс, обусловленный положением агрессора и защищающегося от него лица. Страх вызывает неадекватное поведение жертвы, которое служит алиби для дальнейшего оправдания совершаемой агрессии. Чаще всего жертва реагирует бурно и сбивчиво-неопределенно. Что бы она ни предпринимала, что бы ни делала, всё преследователи оборачивают против неё самой. Цель всего манёвра состоит в том, вывести жертву из себя, приведя её в состояние тотального смятения и чувства вины.

Даже если неотступное преследование носит горизонтальный характер (коллега преследует коллегу), иерархическая верхушка, как правило, не вмешивается. Она отказывается всё замечать и пускает дело на самотек. Иногда начальство вполне сознает проблему лишь тогда, когда жертва реагирует «чересчур» явно (нервный срыв, слезы...) или в случае частой неявки на работу. Конфликт затягивается, если предприятие отказывается в него вмешиваться: «Вы не малые дети и сами можете разобраться в собственных проблемах!».

В итоге жертва не чувствует себя защищённой; иногда ей даже кажется, что её обманывают те, кто не вмешиваясь, являются свидетелями агрессии. Чаще всего их реакция сводится к фразам типа: «Поживем - увидим!». В лучшем случае проблема решается переводом на другую должность без согласия заинтересованного лица. Однако, если на каком-то этапе способен найтись человек, реагирующий здраво и должным образом, то процесс травли прекращается.

Кого избирают мишенью?

В противоположность тому, в чем пытаются убедить агрессоры, жертвы не являются личностями с какой-либо патологией или особо слабыми. Напротив, очень часто неотступное преследование происходит в случае, если жертва адекватно реагирует на властного шефа и отказывается находиться у него в рабском подчинении. Именно способность сопротивляться властолюбивому руководству порождает мишень агрессии.

Неотступное преследование и моральный террор становятся возможными, поскольку им предшествовало «обесценивание» личности жертвы. Оно предпринимается, а затем обеспечивается группой лиц с помощью извращенно-агрессивного перверза. Это обесценивание оправдывает жестокость отношения к мишени и приводит к мысли о том, что жертва вполне заслуживает того, что над ней совершается.

Однако жертвы не обязательно являются легкой добычей. Напротив, среди них встречается немало добросовестных личностей, которые до крайности ответственны. Это служебные перфекционисты, целиком отдающие себя работе, желающие быть во всём безупречными. Они допоздна задерживаются на работе, без колебаний приходят работать в выходные и идут на работу, даже болея. Американцы используют термин «workaholic», «трудоголик», чтобы ясно показать, что речь идет о форме зависимости. Такая зависимость не обязательно связана с характерологической предрасположенностью жертвы; она в большой степени является следствием всепоглощающего влияния предприятия на служащих.

Из-за перверзно-извращенного желания сохранить персонал предприятия (когда беременная служащая не может быть уволена), - процесс преследования развязывается, когда такая служащая, до сих пор полностью отдающая себя работе, объявляет о своей беременности. Для работодателя это означает отпуск по беременности, ранний уход по вечерам с работы, чтобы успеть в ясли за ребенком, отсутствие по болезни малыша... Короче, работодатель опасается того, что эта до сих пор образцовая служащая перестанет находиться в его полном распоряжении.

Когда запускается моральный террор, жертве цепляют позорное клеймо: говорят, что с ней трудно, что у неё плохой характер или же что она безумна. Её личности приписывают все то, что является следствием, а не причиной развязанного конфликта, забывая о том, какой она была до сей поры или кем действительно является она в другом контексте. Доведённая до крайности, жертва нередко становится тем, кого хотел из неё сделать мучитель: загнанный и преследуемый человек, неспособный продемонстрировать максимум своих способностей. Он невнимателен, неэффективен и дает поводы для критики качества работы. И тогда становится проще от него избавиться из-за некомпетентности или какого-либо профессионального промаха. Особый случай представляют различные параноики, которые выдают себя за жертву, но это не опровергает существование настоящих жертв преследования. Первые являются

личностями тиранического и негибкого склада характера и легко вступают в конфликт с окружающими, отвергая малейшую критику и сразу же чувствуя себя отвергнутыми. Им далеко до настоящей жертвы. Это потенциальные агрессоры, легко вычисляемые по своей характерной негибкости и отсутствию чувства вины.

Кто нападает на кого?

Поведение целой группы не определяется в виде простой суммы поведения составляющих её членов. Группа, - это новая общность, у которой свои особенности поведения. Фрейд допускает растворение индивидуальности в толпе и видит в этом двойную самоидентификацию: отождествление по горизонтали со всей группой и по вертикали – со своим начальством.

Агрессор - коллега

Группы обычно имеют тенденцию к уравниванию своих членов и плохо выносят какое-либо различие (женщина в группе мужчин, мужчина в группе женщин, гомосексуальность, расовое, национальное, религиозное или социальное отличия). В некоторых традиционно мужских профессиональных кланах нелегко заставить уважать себя вновь прибывшей женщине. Могут последовать грубые шутки, непристойные жесты, презрение ко всему сказанному ею, отказ всерьёз принимать во внимание её работу. Это похоже на обряд посвящения новичков: все смеются, в том числе и присутствующие женщины, не имея иного выбора.

Кэти стала полицейским инспектором по объявленному конкурсу. Даже при том, что женщины составляют всего одну седьмую часть полицейского персонала, она надеется, что ее возьмут, чтобы впоследствии добиться руководства в работе с несовершеннолетними. При первом же разногласии с одним коллегой, тот подвел черту: «Ты всего лишь ходячая дырка!». Это немало насмешило других коллег, которые и от себя кое-что добавили. Кэти не смирилась и с возмущением выразила свой протест. В дальнейшем она подвергалась изоляции и попыткам обесценивания в сравнении с другими женщинами-инспекторами: «Вот они-то компетентны и не ломаются, как ты!». Когда происходит какая-нибудь профессиональная

акция, то все суеются и ничего ей не объясняют. Тогда она спрашивает: «Как, где, когда, в каком юридическом формате?». Ей «отвечают»: «Всё равно ты ничего не смыслишь! Лучшие оставайся варить нам кофе».

Ей не удалось добиться приёма вышестоящего начальства. Как озвучить вещи, о которых никто и слышать не хочет? Оставалось либо подчиняться, либо противостоять всей группе. Это клеймо стало вроде консервной банки, которую она волочила за собой во всех своих переводах по службе.

Однажды вечером по окончании службы она оставила, как обычно, свое оружие в ячейке, закрывающейся на ключ. На следующий день ящик обнаружили открытым, за что Кети получила предупреждение. Она знает, что только один человек мог его открыть и просит встречи с комиссаром с тем, чтобы всё выяснить. Тот вызывает её и подозреваемую коллегу и объявляет дисциплинарное взыскание. Во время беседы комиссар «забывает» сказать о проблеме, ради которой они собрались и довольно расплывчато критикует её работу. Впоследствии её рапорт был «затерян».

Несколько месяцев спустя она обнаружила своего напарника по работе с пулей в голове: он покончил с собой, однако никто не пришёл, чтобы посочувствовать ей. Напротив, над ней посмеивались по поводу её чувствительности, когда она взяла несколько дней отпуска по болезни: «Мы живем в мужском мире!».

Многие предприятия оказываются вообще неспособны обеспечить минимальные права человека и потворствуют процветанию расизма и дискриминации по национальному или половому признаку.

Иногда моральный террор вызван завистью к тому, кто обладает тем, чего нет у других (красота, молодость, богатство, умение контактировать). Это также случай, когда молодые высококвалифицированные специалисты находятся в служебном подчинении у того, кто не получил соответствующего уровня профессиональной подготовки.

Сесиль – красивая и крупного телосложения женщина сорока пяти лет, замужем за архитектором, имеет троих детей. Профессиональные трудности мужа привели к тому, что ей самой пришлось искать работу, чтобы оплатить жилье. В силу своего буржуазного воспитания она сохранила привычку одеваться «с шиком», изящно изъясняться, прекрасные манеры. И всё же, не имея диплома по специальности, она вынуждена занимать непрестижное

место, где основное занятие - рутинная сортировка. С приходом на предприятие коллеги начали сторониться её и отпускать колкости: «Как с твоей зарплатой ты позволяешь себе подобные наряды?». Приход на работу новой начальницы, женщины суховатой и завистливой, только ускорил этот процесс: Сесиль лишили последних обязанностей, представляющих малейший интерес, низведя её до уровня служебного лакея. Когда она пытается протестовать, то слышит о себе в третьем лице: «Мадам очень требовательна, она не хочет заниматься низкой работой!». Сесиль, которая всегда была неуверенной в себе, не совсем понимала происходящее. Вначале она пыталась выказать добрую волю, берясь за самую неблагодарную работу. Затем она занялась самообвинением: «Это все из-за меня, наверное, где-то я допустила оплошность!». В редких случаях, когда она возмущалась, ее начальница холодно делала замечания типа того, что у неё тяжелый характер.

Тогда Сесиль замолкает и впадает в депрессию, дома муж не понимает ее жалоб, поскольку работа дает ей всего лишь скромную дополнительную оплату. Терапевт, которому она описывает свою усталость, уныние и потерю интереса, быстро «отмечает» проблему, назначив ей успокоительное. Затем врач, сам удивлённый неэффективностью лечения, не найдя выхода, рекомендует ей обратиться к психиатру.

Агрессия со стороны коллег может происходить из-за личной неприязни, проистекающей из истории личных взаимоотношений каждого из противников или из-за соперничества, если один из коллег старается возвыситься за счет другого.

В течение ряда лет у Дениз складывались плохие отношения с коллегой по работе, которая ранее была близка с ее экс-супругом. Эта дискомфортная ситуация приводит её к первичной депрессии. Чтобы избежать с ней встречи, она просит перевести ее в другой отдел, но её просьба не была удовлетворена.

Три года спустя, вследствие служебных перестановок, она оказывается под непосредственным начальством этой персоны. Последняя ежедневно ее унижает, дисквалифицируя ее работу и насмехаясь над её промахами. Она даже ставит под сомнение способность Дениз писать, считать или пользоваться компьютером. Находясь с ней лицом к лицу, Дениз не смеет защищаться и замыкается в себе, увеличивая количество промахов. Дело кончается тем, что её работа оказывается под угрозой. Она пытается выйти

на контакт с вышестоящим начальством, чтобы получить перевод по службе. Ей отвечают, что будет сделано все, что нужно, однако ничто не меняется.

Из-за депрессии Дениз выходит в отпуск по больничному. Вне служебного окружения ее состояние улучшается, но как только рассматривается возможность ее выхода на прежнее место, она вновь заболевает. Выходы на работу чередуются теперь с пребыванием на больничном в течение двух лет. Лечащий врач делает все возможное, чтобы «разблокировать» ситуацию, но дирекция и знать ничего не желает. Из-за ее жалоб и многочисленных неявок на работу по болезни Дениз рассматривают как психологически неустойчивую личность. Принятие решения становится для неё невозможным а прекращение работы по болезни может привести Денизу к полной потере трудоспособности. Однако по данным экспертизы врач-консультант социальной службы признает её способной продолжить работу. Чтобы не возвращаться в бюро, где ей очень плохо, Дениза намеревается уволиться. Но какая у неё будущность в сорок пять лет и без квалификации? И вот она уже начинает заговаривать о самоубийстве.

В конфликте между коллегами бывает трудно разобраться на предприятиях, представители которых выказывают в этом деле полную несостоятельность. Случается, что поддержка вышестоящего лица может только усилить негативный процесс, если начинаются пересуды о фаворитизме или мужской благосклонности.

Чаще всего процесс усиливается из-за некомпетентности низшего руководства. На деле подавляющее большинство вышестоящей администрации не являются грамотными психологами и менеджерами. Ведь обычно главным в группе назначают самого компетентного в профессиональном плане, а не того, кто сможет лучше всех руководить. Даже будучи очень компетентными, многие ответственные работники не понимают как увлечь команду и не отдают себе отчета в решении человеческих проблем, входящим, между прочим, в их прямые обязанности.

Хотя даже если они это осознают, то зачастую опасаются принимать определенное решение. Некомпетентность в этом вопросе является усложняющим фактором в случае морального террора. Если агрессором является один из коллег, то первым ограничителем опасности должен быть ответственный работник высшей ступени администрации. Если же отсутствует климат взаимного доверия, то

просить помощи у начальства становится невозможным из-за некомпетентности, равнодушия и обычной трусости, когда каждый привык прятаться за чужими спинами.

Агрессия со стороны подчиненных

Это случай более редкий. Обычно он происходит с человеком «со стороны» или тем, чьи методы не одобряются группой, а также если этот служащий не прилагает усилий, чтобы адаптироваться или добиться всеобщего признания. Это может случиться с бывшим коллегой, который получил повышение без согласования с остальными служащими. В любом случае приходится признать, что руководство недостаточно учитывало мнение персонала, которым придется руководить.

Мюриэль вначале была помощником секретаря управляющего большой группой. После упорной работы и посещения вечерних курсов в течение нескольких лет, она добивается ответственного поста в той же группе.

Когда же она заняла новый пост, то тут же стала мишенью враждебности со стороны секретарей, с которыми она ранее работала несколько лет. Те не приносили ей корреспонденцию, теряли досье, прослушивали ее частные телефонные разговоры, не передавали сообщений. Наконец, Мюриэль жалуется вышестоящему начальству, которое возражает, говоря, что если она не способна заставить уважать себя даже секретарей, то это означает, что у нее нет данных быть руководителем. В итоге ей была предложена менее ответственная должность.

Подчиненный, как объект нападок вышестоящего лица

Эта ситуация в настоящее время очень распространена, особенно в ситуации, которая заставляет бюджетных госслужащих переносить все, лишь бы сохранить за собой рабочее место. Предприятие или учреждение позволяет индивиду руководить подчиненными тиранически и перверзно-коварным образом, так как это их вполне устраивает или полагается неважным, несмотря на возможные очень тяжелые последствия для подчиненного:

- это может быть простое **злоупотребление властью**: начальник непомерно гордится занимаемым положением и тиранит своих подчиненных в страхе потерять над ними контроль. Обычно так ведет себя мелкое начальство;

- это может быть также **перверзный маневр персоны, которая нуждается в подавлении других для самовозвышения** или же оттого, что ей всегда необходимо уничтожать какого-либо индивида, «намеченного» в качестве козла отпущения. Далее мы увидим, как с помощью перверзных методов можно загнать в западню самого обычного служащего.

Как жертве помешать адекватно реагировать

Одним страхом перед безработицей не объяснишь подчинение жертвы в случаях неотступного преследования, или морального террора.

Патроны и мелкое начальство, сознательно или неосознанно применяющие перверзные методы в целях собственного всевластия, психологически связывают жертвы, мешая им реагировать должным образом. **Те же методы, напоминающие ловушки, использовались в концентрационных лагерях и ныне продолжают быть в ходу при тоталитарном режиме.**

Чтобы сохранить власть и контроль над другими, используются внешне вполне безобидные приемы, которые усиливаются при сопротивлении служащего. **Вначале его лишают всякой критичности до такой степени, что он уже больше не понимает, кто прав, а кто виноват. Его подвергают стрессу, его критикуют, за ним следят, засекают время присутствия для того, чтобы он постоянно был настороже. В особенности ему не говорят того, что помогло бы ему понять происходящее. Работника загоняют в безвыходное положение. Ему достается все сильнее, а он не может даже рассказать, как это невыносимо. Какова бы ни была исходная точка и кем бы ни был агрессор, приёмы всегда одни и те же. Проблема не называется, действуют исподтишка, чтобы устранить самого человека, вместо того, чтобы вместе найти правильное решение. Этот процесс идет вширь из-за группы, взятой в свидетели или же активно участвующей в процессе.**

Неотступное преследование на предприятии или учреждении проходит затем различные этапы, для которых характерен отказ от прямого общения.

Отказ от прямого диалога

О конфликте не говорится, но ежедневно осуществляется тактика обесценивания. Агрессор отказывается объяснять жертве своё поведение. Этот отказ парализует жертву, которая не способна защищаться, что делает возможным продолжение агрессии. Отказываясь озвучить конфликт и обсудить его, агрессор препятствует любому разъяснению, позволившему бы найти выход. В реестр коммуникации перверза входит мешать жертве думать, понимать и реагировать.

Уход от диалога – очень ловкий способ осложнить конфликт, перекладывая вину на другого. Это способ сказать без слов, что человека как бы не существует. А так как ничего не объясняется, то и упрекать можно в чем угодно.

Дело усложняется, если жертва склонна к самобичеванию и поискам своей вины: «Что я сделал не так? В чем меня могут упрекнуть?».

При этом упреки, как правило, расплывчаты и оставляют место множеству интерпретаций и недоразумений. Они выказываются подчас в парадоксальной форме с целью избежать ответной реплики: «Милая, я вас очень ценю, но ведь вы абсолютный нуль!».

Все попытки добиться объяснений в который раз заканчиваются упреками неопределенного свойства.

Признание неподходящим

Агрессия, как правило, не совершается в открытой форме, что могло бы повлечь за собой ответную адекватную реакцию. Она практикуется втихую, в регистре невербальной коммуникации: картинно-преувеличенные вздохи, пожимания плечами, презрительные взгляды, смешки или же невысказанные, но подразумеваемые намеки, дестабилизирующие или недоброжелательные, неприятные замечания. Таким путем можно целенаправленно подвести окружающих к сомнению в профессиональной компетенции работника, подвергая критике всё, что бы он ни делал или говорил.

Чем более косвенный характер носят все эти нападки, тем труднее защититься: возможно ли описать взгляд, полный ненависти или передать невысказанные намёки?! Жертве и самой приходится сомневаться в правильности своего восприятия, она уже не уверена в

том, что не преувеличивает своих ощущений. Жертву доводят до того, что она уже начинает сомневаться в самой себе. Стоит только исходящему негативу резонировать с недостатком у работника уверенности в себе, как он утрачивает её остатки и отказывает себе даже в праве на самозащиту.

Дисквалификация, или обесценивание личности, проявляется также в том, когда не смотрят, не здороваются, не разговаривают, будто она предмет (с вещами ведь не общаются!) или, например, говорят кому-либо в присутствии жертвы: «Ты видел, это какой надо быть вешалкой, чтобы носить подобную одежду!». Это означает непризнание присутствия жертвы и с ней вообще перестают общаться. Пользуются, к примеру, её выходом из бюро на пять минут, чтобы положить на её стол досье с Post-it вместо того, чтобы взять у неё самой выполненную работу.

Это также косвенная критика под видом шуток, насмешек, саркастических замечаний. Ведь потом всегда можно сказать: «Это всего лишь шутка, а от них ещё никто не умирал!» Иногда используют «перевернутый» язык, где каждое слово скрывает недоразумение, недосказанность, остриё которых направлено против намеченной жертвы.

Дискредитация

Для этого достаточно посеять сомнение в головах других людей: «Тебе не кажется, что...?». Затем фальшивыми рассуждениями, состоящими из намеков и недосказанностей, можно «соорудить» недоразумение, а затем использовать его в свою пользу.

Чтобы перехитрить кого-либо, намеченную жертву высмеивают, унижают язвительными замечаниями до такой степени, что он/она теряет всякую уверенность в себе. Могут также давать смешные прозвища, высмеивать физические недостатки или какую-либо оплошность на работе. В ход идут обычно клевета, ложь и недоброжелательные намеки. Все это устраивается так, чтобы жертва о них знала, но никак не могла бы при этом защититься.

Обычно к такими маневрами прибегают завистливые коллеги, чтобы самим найти выход из трудного положения или чтобы переложить вину на другого. Это может исходить также от руководителей, которые полагают, что бесконечная критика и унижения способны стимулировать подчинённых.

Когда жертва сломлена, нервничает или подавлена, то одно это как бы оправдывает неотступное преследование: «Я ничему не удивляюсь, ведь этот человек всегда был ненормальным!»

Изоляция

Когда а priori принято решение психологически уничтожить работника, то для того, чтобы он не мог защититься, необходимо его изолировать и разрушить возможные связи с другими людьми. Ведь в одиночку намного труднее оказывать сопротивление, особенно если вокруг заверяют, что против вас настроены абсолютно все.

С помощью клеветы или откровенных предпочтений провоцируют ревность, настраивая людей друг против друга и сея разногласия. Подобная работа по дестабилизации проводится завистливыми коллегами, а подлинный агрессор всегда может сказать, что он здесь ни при чем и нет доказательств его участия.

Когда отстранённость исходит от коллег, то это означает питание в столовой в одиночестве, не приглашения на обед вскладчину и т.п.

Когда же агрессия исходит от начальства, то до намеченной жертвы постепенно перестаёт доходить любая информация. Терроризируемый находится в изоляции и больше не приглашается на собрания. Он узнаёт о своем положении на предприятии только по служебным формулярам. Позже следует еще бóльшая изоляция и помещение в служебный «чулан»: не дают работы, в то время, как другие коллеги ею перегружены. Тем не менее, при этом не разрешено чтение газет или ранний уход.

На одном крупном национальном предприятии произошло так, что руководящего штатного работника, от которого хотели избавиться, поместили без согласования с ним в прекрасное бюро, но поодаль, без поручений, контактов и отключенным телефоном. Пробыв в этом непривычном режиме некоторое время, этот руководитель предпочел уйти из жизни.

Полная изоляция более способна привести к стрессу, нежели перегруженность работой и такая изоляция очень быстро становится разрушительной. Порой руководство находит удобным использовать такую систему, чтобы заставить уйти в отставку того, в ком больше не нуждается.

Подвергать издевательствам

Эта метода состоит в том, чтобы давать жертве бесполезные или унижающие её поручения. К примеру, Соня, имеющая магистерскую степень, вынуждена клеить конверты в непроветриваемой пристройке.

Это означает также ставить недостижимые цели, заставляя задерживаться допоздна и работать по выходным дням только для того, чтобы видеть свой «срочный» отчет в мусорной корзине.

Это могут быть также непрямые виды физической агрессии, вследствие небрежности, приводящие к несчастным случаям, такие как тяжелые предметы, как бы «случайно» падающие на ноги жертве.

Подтолкнуть другого к ошибке

Другое искусное средство для дисквалификации кого-либо заключается в том, чтобы подтолкнуть его к ошибке, а впоследствии за неё же унижать и критиковать, а также с тем, чтобы работник сам изменил к себе отношение. Очень легко привести импульсивную личность презрительным или провокационным поведением в состояние гнева или агрессивного поступка, заметное окружающим, а потом можно будет сказать: «Вы сами видели, эта персона - сумасшедшая и не дает нам спокойно работать!».

Сексуальное преследование

Этот вид преследования - всего лишь следующая ступень морального террора. Он касается обоих полов, но большинство описанных или обсуждавшихся в суде случаев относятся к женщинам, пострадавшим от мужчин, как правило, из вышестоящего начальства.

Речь идет не столько о получении благосклонности сексуального плана, сколько о доказательстве их власти, при которой женщина рассматривается всего лишь как сексуальный объект. Домогаемая женщина полагается агрессором как бы в его распоряжении и обязана не только соглашаться с ролью «избранницы», но даже быть ею

польщённой, повышая тем самым свой статус. Преследователю и в голову не приходит, что вожденная женщина способна на отказ. Впрочем, если она и делает это, то взамен получает унижения и агрессию. Нередко агрессор утверждает, что она сама обольстила его кокетством, что она сама была согласна и даже «напросилась» на близость.

В специальной литературе есть описание различных типов **насильников**. Им всем свойствен идеал доминирующей мужской роли наряду с негативным отношением к женщине. Им также присущи различные виды сексуальной агрессии, определяемые в работах Fitzgerald, “Sexual Harassment”: “the Definition and Measurement of a Construct, in M.A.Paludu”,ed., Ivory Power: Sexual Harassment on Campus, State University of New Press, Albany.

Дискриминация по половому признаку состоит в том, что к женщине относятся иначе только потому, что она женщина и сочетается это обычно с сексистскими репликами и поведением, которое включает:

- соблазняющее поведение;
- сексуальный шантаж (единственный, подлежащий юридической ответственности во Франции);
- нежелательные сексуальные знаки внимания;
- сексуальное принуждение;
- сексуальное нападение.

Начиная с 1976 года, американская юридическая система признает сексуальное преследование как сексуальную дискриминацию. В то же время во Франции такое преследование рассматривается в качестве нарушения, если только совершается под угрозой увольнения.

Согласно проведенному в США опросу, от 25% до 30% студентов сообщают, что явились жертвой, по крайней мере, одного инцидента сексуального преследования в университете со стороны преподавателей. К нему относятся сексистские комментарии, недвусмысленные взгляды, неуместные прикосновения и замечания сексуального характера.

Исходная точка морального террора

Ярко выраженные перверзы редко встречаются на предприятиях. Там они представляют опасность вследствие своей притягательности и «дара» увлекать других за пределы дозволенного.

Борьба за власть вполне легитимна между соперниками только в том случае, если речь идет о конкуренции при равных шансах. Некоторые виды соперничества изначально неравны, как в случаях с вышестоящим начальством. При этом один индивид доводит другого до состояния беспомощной жертвы с тем, чтобы безнаказанно совершать агрессивные нападки.

Злоупотребление служебным положением

Агрессия очевидна, если она исходит от вышестоящего начальства, своей властью подавляющего подчиненных. Чаще всего это способ самовозвышения мелкого начальства. Чтобы компенсировать непрочность своего положения, ему необходимо нам кем-либо господствовать и делается это тем легче, чем более подчиненный боится увольнения, не имея другого выхода, как всё перетерпеть. Тогда так называемая «нормальная» работа предприятия/учреждения всё оправдывает: это сверхурочная работа, которая даже не обсуждается, перегруженность срочной работой, непоследовательность указаний.

Заметим однако, что подвергать систематическому давлению своих подчиненных – весьма неэффективный и нерентабельный стиль руководства. Чрезмерный стресс приводит к профессиональным ошибкам и выходу на больничные. Гораздо более продуктивно доброжелательное отношение к «рабочим ресурсам». И все же мелкое начальство или даже дирекция питают иллюзию, что таким образом они добьются максимума результатов.

В принципе злоупотребление властью направлено не на конкретного человека: речь идет об уничтожении слабого работника более сильным. На предприятиях и учреждениях оно идет каскадом, с высшей ступени иерархии до самого мелкого начальства.

Злоупотребление властью начальства существовало всегда, но сейчас оно носит более замаскированный характер. Руководители говорят своим подчиненным о самостоятельности и духе инициативы, но при этом не в меньшей степени требуют от них покорности и подчинения. Бюджетники соглашаются с этим, поскольку неотвязно думают о своём выживании на предприятии и грозящей перспективе увольнения. Им часто напоминают о чувстве долга, а следовательно, возможной вине.

Ева год работает в художественном семейном бизнесе в качестве учётчицы. Ритм работы напряжённый и дополнительные часы не

учитываются. Когда по выходным дням устраиваются выставки с отчётами, тем не менее, от служащих ожидают прибытие на работу в понедельник в восемь утра.

Патрон тираничен и вечно недоволен. Все должны ему мгновенно подчиняться. Если персонал не совсем исполнительен, он начинает кричать и на него нет никакой «управы»: «Если не доволен, можешь убираться!». Эти словесные выпады буквально парализуют Еву. С каждым разом ей становится плохо и она должна принимать успокоительные и желудочные средства. Крайне устав, она пытается восстановить силы, отсыпаясь по выходным, но её сон тревожен и не приносит желанный отдых.

После периода особой загруженности работой, её все чаще охватывает тоска и тревога, она способна расплакаться по пустякам, почти не ест и не спит. Лечащий врач выдает ей больничный по поводу депрессии. Через два месяца, наконец, она вновь в состоянии приступить к работе. На работе возвращение Евы холодно принято коллегами, полагающими болезнь мнимой. Она не находит на прежнем месте ни стола, ни компьютера. Возобновляются атмосфера прежнего террора, несправедливые упреки, выкрики, унижительная, не соответствующая её уровню компетенции работа, систематическая критика сделанного.

Она не смеет возражать, только тайком от всех плачет в туалете. К вечеру она чувствует себя опустошенной. Утром, приходя на рабочее место, сразу же ощущает себя виновной, даже если она не совершила оплошностей: на предприятии каждый всегда начеку и следит друг за другом.

Ева называет свою работу фабрикой стресса. Все коллеги жалуются на психосоматические симптомы стресса: головные боли, колиты, боли в спине, экземы, однако подобно испуганной детворе, никто не смеет открыто пожаловаться на патрона, который, разумеется, всегда выйдет сухим из воды.

Через шесть месяцев после отпуска по больничному, Ева получает приглашение на беседу по поводу предстоящего увольнения. Это случилось как раз после её дневного отсутствия на выставке, где ей стало плохо. Это уведомление явилось для неё спусковым крючком: впервые она по-настоящему испытала сильный гнев. Почувствовав в полной мере несправедливость и злонамеренность шефа, она твердо решила не отступить, несмотря на свою «виновность». – «Я спрашиваю себя, в какой мере я всё это заслужила». Она начала действовать: последовав совету, пошла на собрание по извещению в сопровождении независимого эксперта по делам служащих.

Официальным поводом к собранию была утрата ею доверия, так как она многократно и без предупреждения отсутствовала на работе. Эксперт отметил, что в последний раз её не было на воскресной выставке, а с патроном связаться было невозможно. Ничто из обвинения, выдвигаемого патроном, не может служить серьезным мотивом для увольнения. Патрон обещал подумать над этим, имея достаточно времени до отправки уведомления об увольнении.

Для того, чтобы эффективно защищаться, надо полностью быть уверенным в своей правоте. Ева навела справки о своих правах, а также знала, какие ошибки допускать не следует. Если бы она не явилась в сопровождении эксперта на предварительную беседу, то патрон терроризировал бы её, как обычно, а потом покровительственным тоном пообещал бы ей «снова дать шанс».

Ева ждет уведомления об увольнении, которое всё не приходит. Она продолжает не без удовольствия выполнять свою работу, но стрессовая обстановка вновь лишает её сна и она опять чувствует себя изнуренной. После беседы у патрона ситуация становится еще более неловкой. Ежедневно факсом она получает мелкие замечания. Коллеги говорят ей: «Ты не должна была этого делать, этим ты только ещё больше его больше разозлила!». Ева должна постоянно оправдываться и из осторожности делает ксерокопии важных торговых обменов. Ей приходится следить за тем, чтобы не совершить ошибку и не дать застать себя врасплох. В обеденные часы она уносит с собой свои личные записи, даже если её коллеги посмеиваются над ее навязчивым состоянием: «Ты идешь обедать словно школьница со своим ранцем!». Некоторые из её коллег молча швыряют ей дела на стол. Если она протестует, её спрашивают: «У тебя что, проблемы?». Ева старается быть незаметной, чтобы не вызывать насмешек. Патрон избегает встреч, передавая распоряжения только в письменном виде. Через месяц он возобновляет процедуру увольнения, поскольку, по его словам, «поведение Евы не изменилось к лучшему». На этот раз было установлено, что у него нет мотивов для увольнения, кроме того, что он её просто не выносит. Тогда эксперт по делам работников обговаривает для нее экономически выгодное увольнение. Опасаясь, что Ева обратится в примирительную комиссию, патрон подписывает протокол о согласии на увольнение.

Уже после ухода Ева узнает, что пятеро ее коллег, из них трое штатных сотрудников, также собираются покинуть работу. Один

нашел лучшее место, но четверо других оставили работу безо всякого объяснения и экономической компенсации.

Приемы и махинации перверсов

Когда перверзная особа приходит в какую-либо группу, она старается сплотить вокруг себя наиболее покорных членов группы, которых она «обольщает». Если какой-то человек не позволяет себя завербовать, то группа от него отворачивается и тогда он становится козлом отпущения. Так образуется социальная связь между членами группы через общую критику изолированной личности, через сплетни о ней и пересуды. Группа находится под влиянием лидера-перверза, его цинизма и отсутствия уважения к человеческой личности. Каждый индивид, взятый по отдельности, ещё не настолько утратил нравственное чувство. Однако, находясь в зависимости от человека, лишённого угрызений совести, группа теряет всякое критическое мышление.

Стэнли Мильгрэм, американский психосоциолог, изучал в 1950-1963 годах феномен подчинения авторитету (S.Milgram, *Soumission à l'autorité*. trad. fr. Calmann – Lévy, Paris, 1974).

Его метод был следующим: «Человек приходит в психологическую лабораторию, где его просят выполнить серию действий, которые постепенно вступают в конфликт с его совестью. Вопрос в том, чтобы узнать, до какой конкретной точки он будет следовать инструкциям экспериментатора, прежде чем откажется от выполнения конкретных действий». В заключение он приходит к выводу, что «обычные люди, лишённые всякой враждебности, могут выполнять черную миссию, становясь участниками жестокого разрушительного процесса». Констатация этого факта была использована Кристофором Дежур (C.Dejours, *Souffrance en France*, Seuil, Paris, 1998), который говорит о банализации зла в обществе. Действительно, существуют индивиды, которые нуждаются в превосходящей власти, чтобы достичь душевного равновесия. Перверзы с выгодой используют эту покорность, чтобы навязать страдания другим.

Цель любой перверзной особы, - добиться власти и удержаться в ней любой ценой и очень часто, чтобы замаскировать свою профессиональную некомпетентность. Для этого им просто необходимо избавиться от того, кто представляет собой препятствие его восхождению к власти или того, кто слишком ясно видит способы её достижения. Не довольствуясь простым нападением на того, чьи

позиции слабее, как это бывает при злоупотреблении властью, они «формируют» эти более слабые позиции, чтобы помешать другому защищаться.

Страх порождает послушное поведение, а именно – подчинение не только со стороны являющегося мишенью агрессии, но также послушание коллег, позволяющих всему происходить, не замечая творящегося вокруг. Это царство индивидуализма, где «каждый сам за себя». Окружающие боятся, что если они выкажут свою солидарность, то и на них положат позорное клеймо и теперь уже наступит их черед оказаться «в корзине» увольняемых. Из логики их рассуждений следует, что «не стоит поднимать волны на предприятии», следует «блюсти дух единого дома» и «не выпячиваться».

Американский фильм «Swimming with Shark» режиссера Жоржа Хуанга (1995г.) описывает унижения и ментальные пытки, которым эгоцентричный и садистический патрон подвергает честолобивого служащего, готового вынести все, лишь бы преуспеть. Показывается, как шеф бранит весь персонал, бессовестно лжет, дает непоследовательные указания, круглосуточно держит в своем распоряжении служащего, постоянно меняет установленный распорядок с тем, чтобы тот постоянно был настороже. Персонал предупреждён: «Бить ниже пояса не только не возбраняется, но даже поощряется!». Всё это происходит на фоне «неназойливого» заманивания нового члена группы: «Сделай милость: молчи, слушай и запоминай. У тебя нет мозгов. Твое личное мнение не в счет. Что ты думаешь, не представляет никакого интереса. Ты в моем полном распоряжении. Ты здесь только для того, чтобы защищать мои интересы и отвечать на мои нужды... Я не хочу тебя мучать. Я хочу тебе помочь, потому что если ты будешь хорошо делать свою работёнку, если будешь слушать и запоминать, тогда у тебя появится возможность получить, всё, что не пожелаешь!».

Перверзу легче действовать на предприятии или учреждении, если оно дезорганизовано, плохо структурировано, находится в униженно-«депрессивном» состоянии. Ему достаточно найти в нём брешь и сделать к ней подкоп, чтобы утолить собственную жажду власти.

Техника для этого всегда одна и та же: использовать слабости другого, доводить его до потери уверенности в себе, чтобы не допустить возможности защищаться. При коварно-скрытой дисквалификации, т.е. «обесценивании», жертва постепенно теряет уверенность в себе. Человек находится в таком замешательстве, что даже способен признать правоту своего агрессора: «Я, действительно, полный нуль, у меня ничего не получается, я не на высоте!». Таким

образом, деструкция происходит чрезвычайно тонким, подпольным образом, так что жертва сама начинает сомневаться в своей правоте.

Мириам работает дизайнером в одном рекламном процветающем заведении. В принципе, она одна отвечает за свою продукцию, но все координируется через директора, который напрямую связан с генеральным директором. Чувствуя ответственность за свою работу, она вкладывает в неё всю душу и работает без оплаты даже по выходным, проводя бессонные ночи. Но как только она начинает открыто демонстрировать свою независимость и беспокойство о будущем своих проектов, её тут же одергивают.

Когда она сдает свой проект, то её директор, не будучи специалистом-дизайнером, поправляет сделанное, изменяет его как хочет и без предупреждения. Если она просит объяснить, ей беззастенчиво отвечают с широкой улыбкой: «Что вы, Мириам, это не имеет никакого значения!». Мириам ощущает внутренний гнев, который трудно описать: «Я работаю три дня над этим проектом, а он за несколько секунд стирает все, не давая себе труда дать хотя бы какие-нибудь объяснения. Хотят, чтобы я стремилась что-то создать для того, кто вообще не ценит моей работы!».

Описать все это невозможно: все ясно и без слов. Перед директором никто из служащих не смеет выказать свое мнение, ибо все опасаются его приступов ярости. Единственно возможное решение – постоянно избегать с ним контактов. В группе воцаряется недоверие; каждый задается вопросом, к чему клонит патрон. С помощью насмешек руководитель добивается того, что каждый поступает не вопреки, а согласно его ожиданиям. Когда он приходит, тут же все чувствуют напряжённость, как если бы их застали врасплох. Чтобы избежать неприятностей, большинство служащих решают ситуацию в пользу взаимной критики.

Поскольку объем работы увеличился, директор соглашается, чтобы Мириам взяла себе новую сотрудницу в качестве помощницы. Шеф сразу же старается сделать их соперницами. Когда Мириам говорит о порученном ей проекте, он ее даже не слушает и, поворачиваясь к ассистентке, спрашивает, пожав плечами: «Ну а у вас, конечно, есть идея получше?».

Он просит Мириам делать всё больше и как можно скорее. Если он просит сделать нечто несообразное и она отказывается, он обвиняет Мириам в том, что она тяжелый человек. В конце концов, она соглашается.

Когда она оказывает сопротивление, это вызывает такой стресс, что она испытывает спазмы в желудке. На рабочем месте у неё постоянное ощущение нехватки воздуха и чувство выживания в катастрофе.

Директор Мириам хочет все контролировать и не собирается ни с кем делить свою власть. Из зависти он приписывает себе все созданное Мириам. Этот стиль руководства делает патрона всемогущим. Некоторые люди приспосабливаются к такому положению «взрослого ребенка». Конфликты между коллегами становятся тогда чем-то вроде внутрисемейной ссоры. Мириам сопротивляется, но не осмеливается идти до конца, так как не хочет потерять работу. Она больно задета и утратила всякую мотивацию: «Теперь я начинаю понимать, как от такого подумывают об убийстве! Ведь я ощущаю жуткое внутренне напряжение, будучи при этом совершенно беспомощной!».

Одни служащие обращаются со своими подчинёнными, как с малыми детьми, другие же подчас видят в них объекты манипуляции. Если речь идет о творческом процессе, то это является ещё большим посягательством на личность: в работнике гасится всё, что есть в нём новаторского, любая инициатива. Тем не менее, если служащий полезен или необходим, то, чтобы он не ушел, его необходимо зафиксировать, мешать ему мыслить, ощущая себя неспособным работать в другом месте. Надо заставить его поверить, что он не заслуживает большего, чем работы на этом предприятии; в случае же сопротивления его изолируют.

Это означает, что при встрече с ним не здороваются и не смотрят в его сторону, игнорируют его советы, отказываются от любого контакта с ним. Затем следуют резкие и обидные замечания и если это кажется недостаточным, следуют жестокость и насилие.

Если жертва сопротивляется, то скрытая недоброжелательность уступает место прямой враждебности. И вот тогда начинается фаза подлинного морального разрушения, которая квалифицируется, как психотеррор. Тут уже все средства идут в ход, включая физическое насилие, ради уничтожения «меченой» личности. Это может привести её к психическому уничтожению или суициду. В этом насилии интерес предприятия или учреждения не учитывается агрессором; ему нужно только одно – гибель своей жертвы.

В основе механизма перверзии лежат не только жажда власти, но и наслаждение от использования другого в качестве предмета или марионетки. Агрессор низводит другого до состояния **полного**

бессилия с тем, чтобы затем его полностью безнаказанно уничтожить. Для достижения желаемого он без колебаний использует все средства, даже делая это во вред другим. Принизить окружающих ради завоевания всеобщего расположения перверзу представляется вполне законным, ибо у него нет никакого уважения к другой личности. Что больше всего поражает, так это почти животная злоба без границ по ничтожному мотиву, а также тотальное отсутствие сострадания к людям, поставленным в безвыходное положение и в невыносимой ситуации. Тот, кто навязывает другому жестокое обращение, полагает его вполне заслуженным, как и отсутствие у жертвы прав на жалобы. Жертва для него не более, чем мешающий предмет. Сама её личность отрицается: за ней не признается права на чувства и выражение эмоций.

Перед лицом агрессии, причины которой она не понимает, жертва оказывается одна, поскольку, как и во всех перверзных, извращенных ситуациях, существует трусость и потворство окружающих, которые опасаются стать мишенью, в свою очередь; некоторые же даже получают садистическое удовлетворение от наблюдения за расправой.

При нормальных отношениях всегда есть возможность **положить конец полновластию другого**, если нужно, через конфликт, - чтобы восстановить равновесие сил и справедливость. Однако манипулирующий перверз, не терпящий малейшей оппозиции своей власти, преобразует любые конфликтные отношения в ненависть, доходящую до желания уничтожить своего партнера-соперника или коллегу.

Люси работает в течение десяти лет коммерческим служащим на малом семейном предприятии. Будучи участницей создания этого предприятия, она очень к нему привязана. Поначалу это была настоящая спортивная гонка в поисках клиентов. Патрон всегда вёл себя чарующе-деликатно в наставлениях по-отечески, но как только предприятие начало быстро развиваться, он выказал себя настоящим тираном и деспотом. Приходя на работу и здороваясь, он даже не смотрит в сторону своих служащих. Отдавая указания, он требует, чтобы двери всех бюро были постоянно настежь открыты, проводит инструктаж за пять минут до собрания и т.д. Все эти мелкие детали истощают силы, сотрудников, заставляя их постоянно быть настороже и чувствовать себя в напряжении. Чтобы легче было манипулировать, он поддерживает сплетни, конфликты, хвалит наиболее покорных и оказывает противодействие тем, кто ещё способен к сопротивлению. Чтобы противостоять тому, что она воспринимает как узурпацию власти, Люси предпочитает держаться

в стороне, что расценивается как бунтарство. Всё «буксует», когда он нанимает другую коммерческую служащую. С самого начала вновь прибывшую возносят на пьедестал исключительно благосклонным обращением, для всех очевидным. При виде явной несправедливости, выглядящей как сомнительная попытка подкупа, у вновь прибывшей возникают подозрения и она предпочитает уйти. Патрон же её возвращает, переубеждает и дает понять, что вся эта мелодрама разыгралась только из-за ревности Люси.

Делая из обеих женщин соперниц, патрон полагает, что они будут враждовать и тогда ему будет легче их контролировать.

Начиная с этого дня, Люси изолирована: информация к ней уже не поступает, ее работа больше не признается, все теперь сделано «плохо». Повсюду распространяются слухи о ее некомпетентности. Даже зная себя, как опытного коммерческого сотрудника, она пришла к тому, что засомневалась в своих способностях. Под влиянием стресса, пребывая в смятении, она старается этого не показывать, так как чувствует, что это может быть использовано против нее же. Другие сотрудники держат по отношению к ней дистанцию, поскольку те, кто с ней поддерживает дружеские отношения, тут же подвергаются обесцениванию.

Подобно многим другим жертвам морального террора, Люси промедлила с ответной реакцией оттого, что неосознанно наделила своего патрона отцовской позицией.

В день, когда она услышала его оскорбительные слова в свой адрес при одной из коллег, она потребовала от него аудиенции.

- Вы меня оскорбили, в чем вы можете меня упрекнуть?

- Я не боюсь никого и ничего. Можете уходить.

- Я не уйду до тех пор, пока вы мне не скажете, в чем меня упрекаете.

Тогда патрон теряет свое обычное самообладание: «Вы ни на что не годны, я сыт по горло вашими злобными выходками!».

Не понимая, что она не уступит, патрон разыгрывает карту устрашения. Он переворачивает роли и ставит себя в положение жертвы агрессивной служащей.

Люси, которая долгое время испытывала ощущение, что он ее защищает, теперь не способна понять гнев и презрение в его глазах. Но физическое насилие ей служит спусковым крючком, и она решает подать жалобу. Коллеги пытаются её разубедить: «Перестань, у тебя будут одни неприятности. Увидишь, скоро он сам успокоится!». Люси стоит на своем и звонит адвокату, чтобы узнать, какая процедура её ожидает. Дрожа и вся в слезах, она относит

жалобу в полицию, а затем идет к врачу, который выдает ей бюллетень ВПН (временная полная нетрудоспособность, что юридически соответствует приостановке трудовой деятельности) на неделю. К концу дня она снова заходит в бюро за сумкой.

Подать жалобу является единственным способом положить конец психотеррору. Для этого надо иметь смелость или действительно дойти до предела, поскольку этот поступок предполагает окончательный разрыв с предприятием. Кроме того, нет уверенности ни в том, что жалоба будет принята к рассмотрению, ни в том, что начатая процедура приведет к позитивным результатам.

Ни во что не вмешивающееся предприятие

Перверзное воздействие возможно только в случае, если предприятие закрывает на всё глаза или же само поощряет к подобным действиям. Есть управленческие аппараты, умеющие принимать авторитарные меры, если наёмный работник некомпетентен или его КПД недостаточен. Но они не способны одернуть одного служащего, неуважительно относящегося к другому служащему. Они уважают «право на частную жизнь», ни во что не вмешиваясь и полагая, что служащие достаточно взрослые люди, чтобы могли сами во всем разобраться. Но при этом есть одно «но»: не соблюдается право на уважение человеческого достоинства.

Если предприятие или учреждение потворствуют перверзии, то появляются конкуренты, сами по себе не являющиеся перверзами, но они теряют ориентиры в нарушении норм. И теперь их больше не шокирует жестокое обращение с другим сотрудником. Отныне не существует границ между тем, что называется «бранить кого-либо, чтобы держать его в форме» и моральным террором по отношению к этому человеку. Всем известны границы уважения к другому, но в контексте соревнования забываются многие моральные ориентиры и даже сам смысл этих терминов, содержащихся в Декларации Прав Человека.

Угроза безработицы позволяет использовать цинизм и высокомерие в качестве одного из методов менеджмента. В системе ожесточенной конкуренции холодность и жестокость стали правилом. Соревнование считает нормой при любых методах его ведения, когда проигравшие оказываются за бортом. Люди, опасющиеся лобового столкновения с противником, не используют прямые способы прихода к власти. Они манипулируют другими исподтишка или садистически с тем, чтобы

добиться их подчинения, повышая собственный имидж за счет унижения другого человека.

В подобном контексте личность, рвущаяся к власти, может пользоваться окружающей смутой и беспорядком для уничтожения своих потенциальных соперников, творя бесчинства при полной безнаказанности.

Существует некий набор характеристик предприятия, который облегчает применение психотеррора. Так, ни один специалист не оспаривает того факта, что конфликты легче появляются в рабочей группе, находящейся под прессингом. Новые формы работы, имеющие своей целью преобразование предприятий, не учитывают человеческий фактор и порождают стресс, создавая, таким образом, питательную среду для расцвета перверзии.

Изначально стресс являлся физиологическим феноменом адаптации организма к какой бы то ни было агрессии, - это была своеобразная реакция выживания в животном мире. Перед лицом агрессии у животных есть выбор между бегством или сражением. Для наёмного работника или служащего такого выбора не существует. Его организм, подобно организму животного, реагирует тремя последовательными фазами: тревогой, сопротивлением, а затем - истощением. Однако этот физиологический феномен сменил свой первоначальный смысл физиологической подготовки на социальную и психологическую адаптацию. От служащих требуют работать слишком много, в жестких временных рамках и быть многопрофильными. Медики по трудовой сфере из г.Бург-ан-Бресс, в своем годовом отчёте проанализировали последствия подобной «податливости» наёмных рабочих на бойнях: «Действительно, существуют определенные экономические обязательства, которые сильно довлеют в этом виде деятельности, - пишут они. Однако если посмотреть внимательнее, то можно констатировать, что на некоторых бойнях существует перебор по отношению к «обычным» обязательствам. Конкретно он выражается в более сжатых сроках, перегруженном и нетиповом расписании в сочетании с неслыханным неуважением к работникам сферы».

Стресс на работе и экономические потери от его последствий на здоровье все еще недооцениваются во Франции как феномен. Стресс не признается ни в качестве профессиональной болезни, ни как прямая причина нетрудоспособности. Тем не менее, врачи по безопасности труда и психиатры констатируют увеличение психосоматических заболеваний, злоупотребление алкоголем или психотропными веществами, связанные со слишком большим прессингом на рабочем месте.

Дезорганизация какого-либо предприятия или учреждения всегда порождает стресс, идет ли речь о плохом распределении ролей (неизвестно кто и что делает и кто за что отвечает), нестабильном организационном климате (кого-то назначают на пост, но неизвестно, как долго он там продержится) или же об отсутствии согласованности (решения принимаются без согласования с заинтересованными лицами). Тяжеловесная неповоротливость некоторых управленческих аппаратов и сложная иерархичность предприятий/учреждений позволяют некоторым индивидам, жаждущим власти, ожесточенно и безнаказанно совершать нападки на других лиц в этот период.

Некоторые предприятия являются настоящими «соковыжималками». Они играют на струнах привязанности своих служащих, используя их вовсю и требуя от них все большего совершенства в работе. Когда выработанный служащий больше не нужен, от него без сожаления избавляются. Мир работы вообще чрезвычайно любит манипулировать. Даже если в принципе, эмоциональная сторона прямо не учитывается, нередко ради мотивации персонала предприятие налаживает тип отношений, намного превосходящий обычный по контракту, который можно иметь со своим работодателем. От служащих требуют вкладывать в работу всего себя, в систему, которую Николь Обер и Винсент де Гольжак квалифицируют как воображаемый менеджмент, превращающий, таким способом, своих служащих в «позолоченных рабов» (N.Aubert et V. de Gaulejac, *Le Coût de l'excellence*, Seuil, Paris, 1991). С одной стороны, от них требуют слишком много со всеми вытекающими последствиями от стресса, а с другой – нет никакой признательности за их усилия, как личностей: работники становятся взаимозаменяемыми пешками.

Впрочем, на некоторых предприятиях делается так, чтобы служащие недолго оставались на своем посту, где они могут стать слишком компетентными. Их постоянно держат в состоянии неведения и приниженности. Всякая личная оригинальность или инициатива наказуемы. «Обламываются» все порывы и устремления, отказывается в любой ответственности и подготовке. Со служащими обращаются, как с недисциплинированными лицеистами. Они не смеют рассмеяться или иметь непринужденный вид, - их тут же призывают к порядку. Иногда от них требуют самокритику во время еженедельных собраний, преобразуя, таким образом, рабочие группы в **публичное унижение**.

Процесс осложняется тем, что в настоящее время значительно возросло количество мелких служащих, имеющих равный или превосходящий вышестоящее начальство уровень подготовки. Тогда начальство оказывает давление на своего подчиненного до такой

степени, чтобы тот не мог выполнять свои обязанности или допустил оплошности. Экономические обязательства приводят к тому, что от наемных служащих требуют все больше, при этом относясь к ним со все меньшим уважением. **Происходит обесценивание личности и ее знаний.** Человек уже не в счет; история его жизни, его достоинство, его страдания ничего не значат.

Перед лицом подобного овеществления, или «роботизации» индивидов, большинство служащих частных компаний остро чувствуют шаткость своего положения и способны лишь внутренне протестовать, склонив голову в ожидании лучших дней. Когда стресс предстает в сопровождении всего кортежа - бессонницы, усталости, раздражительности, то нередко служащий избегает выхода на больничный, предлагаемый лечащим врачом из опасения репрессий по возвращении на работу.

Существует несколько способов, чтобы избавиться от нежелательного служащего, даже если его не в чем упрекнуть:

- реорганизация службы влечет за собой ликвидацию должности: в этом случае увольнение возможно по экономическим соображениям;
- работнику дают трудное задание; в нем выискивают слабости, чтобы затем уволить из-за совершённой ошибки;
- работника можно также морально терроризировать, чтобы он не выдержал жестокостей и («почему бы нет») - довести его до подачи заявления об уходе.

Даже если всё делается неосознанно, моральное преследование начинается в случаях душевного истощения служащего из-за внешних причин. Если человек создает впечатление того, что он не находится в полном распоряжении предприятия по семейным обстоятельствам (например, развод), то его начинают исподволь упрекать в вещах, за которые никогда не упрекали прежде по поводу и без повода. То, что раньше принималось, уже не терпят, так как замечют, что человек потерял осторожность. Подстрекатели этого морального преследования искренне убеждены в своей правоте, как и в том, что указанный человек действительно некомпетентен.

В мире бизнеса и политики широко используется и даже ценится способность пользоваться слабостями другого. Считается за доблесть преуспеть в «корзинке с крабами» или «в мире акул».

Оливье является мажоритарием в главном кабинете советника мэрии. С момента своего создания этот кабинет намного расширился и еще вчера молодые дипломированные специалисты туда прибывали в надежде на скорое продвижение. Франсуа, другой мажоритарий из

группы, его давний друг, иногда занимается темными делами. Оливье не участвует в его махинациях, не одобряя их, но и не хочет подвергать испытанию дружеский союз, являющийся для него залогом успеха.

Однажды он узнает от своих коллег, что по слухам кто-то роет ему яму и что ему предстоят неприятности с недовольными наёмными рабочими по поводу юридической тяжбы, затеянной Франсуа. Он спрашивается об этом у Франсуа, но тот резко отвечает ему: «Хочешь уйти - можешь уходить. Я ничего об этом не знаю!».

Оливье давно известно, что этот человек никого не уважает. Он пользуется другими, чтобы показаться во всем блеске власти и устраивает все так, чтобы разжигать конфликты между младшими коллегами в целях упрочения своего положения. В его бюро царит нездоровая атмосфера подпольной конкуренции. Чувствуя это, один из молодых сотрудников предпочитает уйти, так как ему стало известно, что при сокращении наиболее пострадают сотрудники, недавно поступившие на работу .

Для того, чтобы вывести Оливье из душевного равновесия, Франсуа блокирует его досье и поручает его дела своим более «лояльным» сотрудникам. Поначалу Оливье защищается слабо. Ему верится с трудом, что его давний однокурсник, теневые стороны которого, впрочем, ему были хорошо известны, - смог с ним так поступить. И только когда Оливье констатирует факт съема Франсуа без предупреждения денег с их общего счёта, он реагирует должным образом, проводя стратегию защиты.

Поощрение предприятием перверзных методов

Предприятие само по себе может стать перверзной системой, если там верят в то, что «цель оправдывает средства» и если оно готово на всё, вплоть до уничтожения людей, чтобы решать свои задачи. На уровне организации труда, в таком случае, ложь служит приведению в действие порочного механизма перверзии.

В экономической системе, основанной на соревновании, многие руководители не способны устоять и удерживаются только с помощью деструктивной системы защиты, отказываясь принимать во внимание человеческий фактор. Они избегают всяческой ответственности и руководят с помощью лжи и страха. Тогда порочные методы одного из индивидов могут сознательно использоваться предприятием, надеющимся извлечь из этого наибольшую выгоду. Именно это

произошло на заводе Maryflo, небольшом предприятии по производству готовой одежды города Морбиган.

На этом заводе весь персонал только женский, включая само руководство. Директор - единственный мужчина в заводе. Этот руководитель мелкого звена презирает, унижает, ранит своей бранью персонал во имя прибыли. В его арсенал входят неотступное преследование работниц, чтобы ускорить ритм работы, хронометраж перерывов, оскорбления, - и всё это делается с согласия генерального директора, которому хорошо известны используемые методы управления.

Работницы в конечном итоге устраивают забастовку. Еще до того, как разразился конфликт, длившийся полгода, камеры одной из телепередач канала Франция-3 сняли завод, сфокусировавшись на директоре. Тот, зная, что его снимают, ничего не изменил в своих унижающих методах, поскольку считал их легальными, не сомневаясь в том ни мгновение. Когда разразилась забастовка, 85 из 105 служащих вышли на забастовку и потребовали отставки директора. Им удалось этого добиться, но 64 рабочих было уволено, а директор, несмотря на обнародование СМИ его пагубных методов, вскоре получает должность на вдвое большем заводе.

Власть представляет собой грозное оружие, если она находится в руках перверзного индивида или системы.

Клеманс – молодая красивая женщина, имеющая диплом за третий курс маркетинга коммерческой школы. По окончании учебы она нашла работу только по контракту, а затем познала безработицу. Для нее было большим облегчением, когда её наняли в качестве ответственной за маркетинг и коммуникацию в одной процветающей фирме, генеральный директор которой до этого исполнял в ней обязанности. Клеманс оказалась единственной женщиной в штате, вначале под руководством помощника, который предпочел уйти, а затем – под непосредственным руководством президента фирмы.

Начиная с этого момента тот стал с ней грубо обращаться: «Ты практически ничего не сделала! Можно подумать, что ты ничего не мыслишь в маркетинге!». До этого с ней никто и никогда не говорил в подобном тоне, но она не посмела возразить из страха потери поста, к тому же представлявшего для неё интерес.

Когда она высказывает какие-либо соображения, он присваивает их себе, отпуская едкие замечания, что она ни на что не годна, так как ей не хватает инициативы. Если она протестует, он нервничает: «Умолкни и выполняй!». Он никогда не говорит прямо о работе, зато

швыряет на её письменный стол папку с заданием. Он никогда не поздравляет с хорошими результатами и не ободряет её.

Служащие коммерческого предприятия, как правило, мужчины, равняясь на президента компании, тоже начинают её избегать и плохо с ней обращаться. Поскольку в бюро нет перегородок, все следят за всеми и бывает намного труднее себя защищать. Однажды она рискнула поговорить с президентом напрямую. Он ничего не ответил, как бы не слушая её, глядя вдаль, а когда Клеманс настаивает на его внимании, он разыгрывает непонимание: «Я вас не понимаю!».

Поскольку её профессия, - это прежде всего коммуникация, то ей запрещают «беспокоить» людей и общаться с ними напрямую: «Общайтесь только по электронной почте!».

В этой компании телефоны и компьютеры «запираются» на код. Через несколько дней после своего возвращения с больничного она обнаруживает, что ее коды сменили и она должна была дождаться секретаря президента компании, чтобы получить доступ к своей почте. Она протестует: - «Ты могла бы всё сделать как было, если бы пользовалась моим компьютером!»,- «Не надоедай! Я не знаю, за кого ты себя принимаешь, но твоя паранойя всем известна!».

Впоследствии она узнает, что важные телефонные звонки были перехвачены той же секретаршей по приказу президента компании. Затем последовала электронная переписка между секретарем и Клеманс, сопровождающаяся копиями президенту. Решительно игнорируя Клеманс, президент довольствовался тем, что успокоил секретаря, не желавшего его тревожить.

Мало-помалу Клеманс теряет уверенность в себе. Она подвергает сомнению свое поведение: «Что я такого сделала, что они относятся ко мне подобным образом?» Будучи лучшей из выпуска школы, она вдруг начинает сомневаться в собственной профессиональной компетентности. Она плохо спит, испытывает беспричинный страх в понедельник по утрам, когда ей снова идти на работу. Ее мучают головные боли и душат слезы, когда вечером она рассказывает мужу о том, как прошёл её рабочий день. Она теряет всякий энтузиазм и у неё больше нет желания выходить из дому, чтобы повидать своих друзей.

Предприятия потворствуют злоупотреблениям в отношении некоторых индивидов в тот момент, когда им выгодно и не выказывают своего возмущения, в то время как они могли бы способствовать

расцвету личностей, но предприятия зачастую только разрушают специалистов.

В фильме *«Преследование»* Барри Левинсона мы видим, как на предприятии осуществляется попытка разрушения одной личности с «помощью» другой. История разворачивается на одном из предприятий Сиэттла, которое специализируется на выпуске электронных микропроцессоров. Во время слияния с фирмой-изготовителем программ появилась необходимость назначить ответственное лицо. Мередит, в исполнении Деми Мур, получает это неожиданное повышение в ущерб Тому (в исполнении Майкла Дугласа), у которого, тем не менее, больше опыта, профессионализма и компетентности для этого поста. Можно подумать, что соперница спокойно наслаждалась своей победой... Но это далеко не так, ей также нужна «голова своего соперника», так как она завистлива к счастью других. Том – душевно здоровый человек, он счастлив со своей нежной женой и двумя очаровательными детьми. Мередит, ранее бывшая с ним в отношениях, хочет лишиться его семейного счастья и собирается уничтожить Тома. Для этого она в качестве орудия использует свою сексапильность. Он отвергает сделанные ею авансы и тогда она мстит, обвиняя его в домогательстве. Сексуальная агрессия, - всего лишь средство унижить другого, обращаясь с ним, как с предметом, с единственной целью окончательно его уничтожить. Если названного унижения кажется недостаточно, находят другие средства, чтобы поразить жертву.

В этом фильме мы видим схватку за власть, которая обычно сопровождается вспышками агрессии самовлюбленного перверза, а также стремлением присвоить, а то и разрушить счастье других. Для этого используют любые человеческие слабости, а если их недостаточно, то их вымышляют.

Является ли точкой отсчета межличностный конфликт или же он бывает порожден плохой организацией предприятия, - всё же именно оно должно принять правильное решение. Ведь если идёт процесс морального террора, то это значит, что его допускают! В таком процессе всегда существует момент, когда предприятие могло бы вмешаться и найти правильное решение. Однако, несмотря на существование должности начальника по кадрам, на предприятиях/учреждениях за редким исключением учитывается человеческий фактор и еще менее – психологический масштаб роли отношений на работе.

И всё же предприятие не должно пренебрегать экономическими последствиями морального террора. Ухудшение атмосферы труда неизбежно приводит к существенному снижению его эффективности

или падению рентабельности рабочей группы или отдела/департамента. Участие в конфликте становится основной заботой и агрессоров, и людей, терпящих агрессию, а иногда даже свидетелей, которые не могут сконцентрироваться на своих задачах по работе. Потери для предприятия могут принимать внушительные размеры: с одной стороны, страдает качество работы, а с другой – увеличиваются расходы по содержанию неработоспособных сотрудников.

Впрочем, может произойти и обратное явление, когда само предприятие становится жертвой людей, которые им управляют: на нем паразитируют хищники, единственная забота которых – удержаться в той системе, которая искусственно повышает им цену.

Моральный террор всегда происходит из-за конфликта. Остается разобраться, происходит этот конфликт из-за характера участвующих сторон или же он является следствием способа функционирования предприятия. Далеко не все конфликты перерастают в моральную травлю. Чтобы это произошло, необходимо совпадение многих факторов: дегуманизация рабочих отношений, властность администрации предприятия, терпимость или сообщничество по отношению к перверзному индивиду.

Именно ответственные лица (главы предприятий и учреждений, крупное и мелкое кадровое руководство) на своих рабочих местах обязаны следить за тем, чтобы не было попустительского отношения к травле человеческой личности и она уважалась бы независимо от уровня служебной иерархии. Даже если пока нет закона, преследующего за моральный террор, в обязанность администрации входит признать право людей на уважение и исключить расизм, национализм и дискриминацию по половому признаку на предприятии. Надо, чтобы профсоюзы, роль которых состоит в защите работников, имели бы своей задачей эффективную защиту от морального террора и других посягательств на личность.

Не следует банализировать моральный террор, полагая его фатальной неизбежностью общества. Это не обязательный результат современного экономического кризиса, это отклонение от нормы в результате организационного примиренчества и преступной терпимости.

Глава II

Перверсное отношение и его главные действующие лица

3. Превратное обольщение

На основании описанных клинических случаев можно понять, что моральное преследование налаживается в течение двух фаз: одной - обольщения перверзом намеченной жертвы и другой - фазы перехода в открытое насилие.

Первая фаза, которую психоаналитик П.-К.Ракамье назвал «Промывание мозгов» (Р.-С. Racamier, «*Pensée perverse et décervelage*», in «*Seerels de faire et pensée perverse*», Gruppo № 8, éditions Apsygée, Paris, 1992), может длиться несколько лет. Она выстраивается постепенно с момента знакомства с помощью процесса «обольщения». Это подготовительная фаза, в течение которой жертва теряет душевное равновесие и постепенно утрачивает уверенность в себе.

Вначале перверзу требуется обольстить и «очаровать» свою жертву, а затем оказывать на неё влияние с тем, чтобы в дальнейшем полностью взять её под свой контроль, отнимая последнюю частицу свободы.

Обольщение состоит в создании непреодолимого влечения к себе, что в юридическом смысле означает сломать и повелевать. Обольститель постепенно уводит жертву от реальности, действуя тайно и неожиданно. Никогда не идя в лобовую атаку, он воздействует скрыто, улавливая желание того, кто им восхищается и отзеркаливает его прекрасное «эго».

Перверз пользуется защитными инстинктами другого человека. «Очарование» перверза носит нарциссический характер: речь идет о поиске в другом объекта влияния собственного обаяния и узнавания в другом своего приятного образа. Таким односторонним обольщением

самовлюбленный перверз старается завлечь без особой самоотдачи. Согласно Ж.Бодрийяру (J.Baudrillard, *De la séduction*, Denoël, Paris, 1939), обольщение отгоняет реальность, манипулируя лишь видимостью вещей. Оно не имеет духовной силы, это нечто из разряда знаков и ритуалов, используемых во зло. Нарциссическое обольщение оставляет в некой растерянности, стирая грань между тем, что есть ты сам и тем, что есть другой. Это не имеет отношения к краткому умопомешательству, с которым можно сравнить любовную идеализацию, где ради поддержания страсти отказываются видеть пороки или недостатки другого. Скорее, это можно сравнить с внедрением в психику другого в целях разрушения его личности. Присутствие другого воспринимается при этом как угроза, а не как важное дополнение.

Влияние состоит в том, чтобы без аргументов заставить другого думать, решать и вести себя иначе, чем он делал бы это самостоятельно. Личность как мишень влияния а priori не может пойти на что-либо добровольно. Процесс влияния продуман в соответствии с наиболее чувствительными и уязвимыми чертами личности и происходит, главным образом, за счет обольщения и манипуляций. Как в любой манипуляции, первый этап состоит в том, чтобы заставить поверить собеседника в то, что он свободен, даже если речь идет о коварном поступке, лишаящем свободы тех, кто в нём замешан. Речь идёт не о том, чтобы убеждать на равных, а о том, чтобы навязать свою волю, помешав другому осознать этот процесс, помешать что-либо обсуждать или возражать. При этом у жертвы отнимается способность к самозащите и критическому мышлению и устраняется, таким образом, всякая возможность бунта и возмущения. Так происходит во всех ситуациях, когда один человек оказывает чрезмерное вредоносное влияние на другого вне его согласия. В обыденной жизни нами постоянно манипулируют, выводя из душевного равновесия и доводя до смятения. Всякий раз мы бываем в гневе на того, кто нас ловко провёл, но особенно нам бывает стыдно за самих себя. Ведь здесь речь идет не о материальном мошенничестве, а о мошенничестве морального свойства.

Захват влияния, - это интеллектуальное или моральное господство в подчиненных отношениях. Власть увлекает другого следовать за собой из-за зависимости, требуя «присоединения», что предполагает тайные угрозы или запугивания. Речь идет об ослаблении другого, чтобы лучше осуществить свои замыслы. Заставить силой кого-либо с чем-то соглашаться означает не признавать другого себе равным. Захват влияния может идти вплоть до присвоения разума другого, как это

бывает в случае настоящей промывки мозгов. К явлениям, способствующим распаду личности, согласно международной классификации психических заболеваний, относят длительное идеологическое наставление и принудительное убеждение подневольных людей.

Захват влияния происходит только на уровне взаимоотношений: это интеллектуальное или моральное господство, авторитет или влияние одного индивида на другого (R.Dorey, «*La relation d'emprise*», Nouvelle Revue de psychanalyse, № 24, Gallimard, Paris, 1981). Жертва как бы попадает в сети паука, находясь в его распоряжении. Будучи психологически связана, утратив чувствительность, она не отдаёт себе отчёта в том, что произошёл своего рода «взлом» её психики.

Существует три основных измерения сферы влияния:

- действие «экспроприации» другого;
- установление власти, когда другой находится в состоянии подчинения и зависимости;
- измерение «отпечатка», когда на другом хотят оставить свой «след».

Поскольку захват влияния нейтрализует желания другого и отрицает любые проявления его индивидуальности, то он непременно содержит разрушительную составную.

Мало-помалу жертва замечает, что её сопротивление и возможность противостоять постепенно истощаются. Она теряет любую способность к критическому мышлению. Ей мешают реагировать, она чувствует себя буквально ошарашенной и становится сообщником своего поработителя. Это никоим образом не представляет собой согласие: жертва стала вещью; она больше не может иметь собственного мнения, она обязана думать, как агрессор. Она уже целиком и полностью *другой*, она больше не alter ego, второе «я», всё терпя без согласия, а значит, участия.

Следуя порочной стратегии перверза, вначале ему не следует уничтожать другого, лишь постепенно подчиняя и держа его в своем распоряжении: для него важнее сохранять власть и контролировать. Козни носят пока безобидный характер, но могут усиливаться, если другая сторона оказывает сопротивление. Если же противник излишне покорен, то игра не волнует и не возбуждает перверза. Надо, чтобы было оказано достаточное сопротивление для того, чтобы у перверза оставалось желание продолжать отношения, но оно не должно быть слишком сильным, дабы перверз не чувствовал себя в опасности. Он один должен вести игру, а другой является лишь объектом, который

должен оставаться на месте в качестве используемого предмета, а не интерактивного субъекта.

Жертвы подобного насилия все до одной описывают, как трудно сосредоточиться на своей деятельности, если преследователь находится рядом. Стороннему наблюдателю может показаться, что у перверза совершенно невинный вид. Между тем ощущается огромный разрыв между кажущимся душевным комфортом перверза и болезненным состоянием страдающей жертвы. На этой стадии она жалуется на ощущение удушья, нехватки воздуха и неспособности что-либо выполнять самостоятельно. Жертвы описывают это состояние, как отсутствие свободного пространства, чтобы дышать и мыслить.

Вначале они подчиняются, чтобы доставить удовольствие своему партнеру или подбодрить, так как у него «несчастный» вид. Позже они начинают подчиняться уже из страха. У детей, особенно поначалу, подчинение воспринимается, как проявление благодарности: она предпочтительнее заброшенности. Так как *перверз сам даёт мало, а требует много*, то здесь присутствует «скрытый» шантаж или, по крайней мере, скрытое предположение: «Если я буду более послушен, наконец-то он начнёт меня любить и ценить». Поиск этот бесконечен, так как «другой» никогда не бывает доволен. Напротив, подобный поиск любви и признательности способен развязать садизм и ненависть в нарциссическом перверзе.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что перверзы тем сильнее борются за расширение своего влияния, чем больше они желают побороть страх власти над собой другого. И страх этот почти навязчивый в случае, когда они чувствуют другого **выше себя**.

Фаза захвата влияния, - это период, когда жертва насилия относительно спокойна и проявляет покорность, то есть позволяет втянуть себя в **паучью паутину зависимости**. Это уже процесс установления скрытого насилия, которое может постепенно трансформироваться в насилие явное и прицельное. Во время захвата влияния изменение ситуации не происходит, сохраняется status quo. Страх каждого из действующих лиц по отношению к другому продлевает эту неудобную ситуацию:

- перверз-насилник заблокирован либо из-за внутренней лояльности, связанной с его собственными неприятностями, мешающими ему прямо перейти к действию, либо из страха к другому;
- жертва насилия заблокирована захватом влияния и вытекающим отсюда страхом, а также отказом поверить в то, что она отвержена, как личность.

В течение этой фазы агрессор поддерживает напряжение в другом, равносильное постоянному стрессу. Обычно захват влияния незаметен при внешнем наблюдении, даже при явной очевидности окружающие находятся как бы в ослеплении. Дестабилизирующие намеки не кажутся таковыми тем, кто не знаком с подтекстом. Именно на этой фазе нарастает процесс изоляции. Вынужденная защитная позиция жертвы приводит ее к поступкам, раздражающим окружающих: жертва поневоле становится бранчливой или постоянно жалующейся, навязчивой. В любом случае она утрачивает свои обычные естественные поведение и состояние, а окружающие ее не понимают и формируют о ней негативное суждение.

В этом процессе используется особый способ коммуникации, основанный на противоречивых отношениях, лжи, сарказме, насмешках и презрении.

4. Перверзная коммуникация при насилии

Захват сферы влияния предполагает использование таких способов, которые создают всего лишь иллюзию коммуникации. Это особый вид общения, цель которого - не установить отношения, а вывести коммуниканта из круга общения и помешать диалогу. Такая аномалия в общении ставит целью использование других для того, чтобы их запутать и привести к непониманию происходящего; необходимо словесно манипулировать окружением. Отсутствие реальной информации существенно для того, чтобы привести жертву в беспомощное состояние.

Даже не будучи словесно выраженным, скрываемое и приглушаемое насилие обнаруживает себя через недосказанности, намеки, многозначительное молчание, что служит источником постоянного напряжения.

Отказ от непосредственного общения

С перверзами никогда не происходит прямое общение, поскольку они полагают, что «с вещами не стоит что-либо обсуждать».

Если же им ставят прямой вопрос, то перверзы от него увиливают. Поскольку говорят они мало, им приписывают величие или мудрость. Мы вступаем в мир безмолвного общения, в котором существуют лишь дестабилизирующие замечания. Ничто прямо не называется, всё лишь подразумевается: довольно одного вздоха и пожимания плечами.

Жертва пытается понять: «Что я ему (ей) сделала? В чем он(а) может меня упрекнуть?». А так как ни о чём конкретно не говорится, то упрекнуть жертву можно в чём угодно.

Отказ от объяснений и конфликта с агрессором парализует жертву, которая не способна себя защитить. Агрессия совершается через отказ озвучить происходящее, обсудить его, найдя совместное решение. Если бы речь шла об открытом конфликте, то была бы возможна дискуссия и могло быть найдено решение. Однако в планы коммуникации насильника входит прежде всего помешать другому думать, понимать и реагировать. Уклонение от диалога - ловкий способ усугубить конфликт, обвиняя при этом другого человека. Жертве отказывают в праве быть услышанной. Ее версия фактов не интересует перверза, который отказывается даже выслушать свою «мишень».

Отказ от диалога является одним из способов косвенно и без «лишних» слов признать, что другой человек его не интересует и что его как бы и нет. Любому другому собеседнику в случае, если что-то не ясно, еще можно задать вопросы. С перверзом же разговор извилист и каверзен, вопросы не подлежат ответам. Всё это приводит к взаимному отчуждению, так как происходит на фоне разнообразной интерпретации.

При отказе от коммуникации жертва насилия нередко прибегает к переписке. Она пишет письма, чтобы потребовать объяснений по поводу замеченного неприятия. Затем, не получив ответа, жертва пишет вновь, пытаясь понять, какими же её поступками могло быть вызвано подобное отношение. Случается даже, что дело кончается её извинениями за то, что она, жертва насилия, не вполне осознавая, могла совершить - и всё это с целью оправдать позицию агрессора.

Оставленная без ответа корреспонденция иногда используется агрессором против «мишени». Так, после сцены насилия, где жертва упрекала мужа в лживости, её письмо с просьбой о прощении очутилось в документации комиссариата по делам семейного насилия: «Смотрите, она сама же признаётся в собственном насилии!».

На некоторых предприятиях жертв, отправляющих заказные письма в целях самозащиты, квалифицируют как параноидальных любителей судебных тяжб.

Ответ же, если его достаивают, как правило, безличен на взгляд стороннего наблюдателя. В одном из писем, где жена пишет мужу: «Скажи, что во мне настолько невыносимого, что ты так ненавидишь меня, и на устах у тебя только презрение, оскорбления и плевки? Почему ты разговариваешь со мной одними упреками, констатациями, а не открытым диалогом... », на что был дан хитроумно-

изобретательный ответ, без намёка на какие-либо сантименты: «Я объясняю тебе: эти факты просто не существуют и это можно проверить: тому нет ни справок, ни очевидных доказательств... ».

Отказ от общения происходит на всех уровнях выражения чувств. Перед своей жертвой агрессор всегда держится натянуто, корпус его напряжен и неподвижен, взгляд ускользает; вот, например, описание: «Мой патрон с самого моего прихода на предприятие, смотрит на меня так, что мне всегда становится не по себе и я начинаю спрашивать себя, что я сделала не так».

Исказить язык

У перверзов при общении со своей жертвой голос холодно-бесстрастный, монотонный и невыразительный. Это голос, не окрашенный никакими чувствами, который леденит душу и тревожит, позволяя заметить даже во внешне безобидных речах презрение или насмешку. Сама тональность даже для нейтральных наблюдателей предполагает намеки, неявные упрёки или завуалированную угрозу.

Тот, кто однажды побывал мишенью превратного перверза, сразу же распознает этот холодный тон, который его настораживает, вызывая безотчётный страх. Слова не имеют значения, важна сама скрытая угроза. Дети – жертвы родителя - морального перверза, очень хорошо описывают этот тон, предшествующий агрессии: «Иногда во время обеда, когда отец, казалось, любезно общался с моими сестрами, голос его внезапно становился бесцветным и резким. Я тут же понимал, что сейчас он обратится ко мне, чтобы сказать нечто обидное».

Даже во время обмена резкостями тон не повышается, чтобы заставить нервничать и дестабилизировать другого, как бы говоря ему: «Ты всего-навсего истерик, который постоянно кричит!».

Зачастую перверз не прикладывает усилий, чтобы чётко произносить слова и он что-то едва бормочет, когда другой человек находится в соседней комнате. Это вменяет последнему в обязанность перемещаться, чтобы хорошо расслышать и находиться в положении просителя, обращаясь с просьбой повторить. После чего легко сделать замечание, что он не внимательно слушает.

Содержание сказанного перверзом неопределенно и расплывчато и порождает смятение и чувство неловкости, так что он вполне может сказать: «Я этого никогда не говорил», чтобы избежать любого упрека. Используя намеки, он может передавать различные сообщения, себя не компрометируя себя.

Выдавая речи без особой логической связки, он поддерживает существование противоречивых высказываний.

Перверз может также не закончить предложения, давая возможность разного рода толкованиям и недоразумениям. Он способен, к примеру, высказывать неясные идеи, а затем отказываться их пояснять. Так, зять в ответ на просьбу о незначительной услуге отвечает теще: «Нет, это невозможно!

- Почему же?

- Вы сами должны это знать!

- Но я вас не понимаю!

- Так постарайтесь же!».

Эти речи агрессивны, но произнесены они *нормальным тоном*, спокойно и почти расслабленно. Агрессивный ответ этим заранее нейтрализован и у собеседника создаётся впечатление неадекватности тона. При таком оскорбительном отношении вполне логичен поиск того, что было сделано или сказано не так и начинают заниматься самообвинением или, по крайней мере, сердятся или вступают в конфликт. Эта стратегия не приводит жертву к успеху, ибо трудно избежать самообвинений, если только ты сам не моральный перверз.

Дестабилизирующие намеки не всегда очевидны. Такова мать, говорящая дочери, безнадежно пытающейся зачать ребенка: «Слушай, я как могу занимаюсь своими детьми, а ты уж займись своими, как того хочешь сама!» Можно предположить обычный речевой ляпсус, если бы за ним последовали замешательство, сожаление или извинение. Но здесь речь идёт об одном из маленьких «камешков» в «чужой огород», бросаемых направо и налево без зазрения совести.

Другая вербальная игра, свойственная перверзам - использование «технического», абстрактно догматичного языка, чтобы завлечь кого-либо в рассуждения, в которых тот ничего не смыслит и о которых не смеет спросить, чтобы не сойти за профана.

Холодные слова чисто теоретического плана имеют своей целью мешать слушающему думать, следовательно, реагировать. Моральный перверз, рассуждающий обо всём с умным видом, создает впечатление, что много знает, даже если он говорит «что попало». Он производит впечатление на аудиторию поверхностной эрудицией, используя книжные слова, но мало заботясь об их смысле. Позже его собеседник скажет: «Он меня «развел», не понимаю, почему я сразу не реагировал!». Что особенно важно в речи перверза, так это форма, нежели содержание, для него важнее казаться, а не быть учёным, умея «заговорить зубы» или «напустить тумана». Так, в ответ на желание поговорить с мужем о судьбе их пары, тот отвечает жене с видом

напускной учёности: «Твои рассуждения типичны для женщин, проецирующих на мужчин своё желание иметь фаллос!».

Эти дикие интерпретации из области психоанализа вполне способны дезориентировать собеседника, который редко в состоянии дать отпор, перевернув ситуацию в свою пользу. Жертвы часто говорят, что аргументы их агрессора настолько бессвязны, что могли бы насмешить, но они приводят в гнев именно из-за своей злонамеренности.

Другой перверзный способ заключается в том, чтобы «знать» намерения другого или «угадывать» его потаенные мысли, будто ему лучше известно то, о чем он думает: «Мне хорошо известно, что ты ненавидишь этих людей и потому стараешься найти способ с ними не встречаться!».

Ложь

Поначалу чаще, чем прямую ложь, перверз использует набор намёков, недосказанностей, предназначенный создать недоразумение, чтобы использовать его затем с выгодой для себя.

В своем трактате *«Искусство ведения войны»*, составленном в V веке до н.э. китаец Шунь Ци поучал: *«Искусство войны, - это искусство обмана, когда показывая видимость, противоположную тому, что есть на самом деле, увеличиваешь свои шансы на победу»* (Sun Tse, *L'art de la guerre*. Paris, 1993).

Неполные и парадоксальные сообщения перверза вызваны страхом ответной реакции другого лица: при этом говорят, ничего не сказав, надеясь, что другой поймет мысль, не называя вещи своими именами. Эти мысли в большинстве своем могут быть декодированы только впоследствии.

Говорить, ничего не сообщая, - ловкий способ удержаться на плаву в любой ситуации.

Эти закодированные послания с виду безобидны, они имеют обобщенный смысл и конкретно не содержат агрессию. Например: «Женщинам нельзя верить!», «Работающие женщины не успевают всё делать по дому!». Затем можно поправиться в случае возражения: «Я не тебя имею ввиду. Какая же ты обидчивая!».

Здесь идет речь о том, чтобы одержать верх в вербальном поединке, где слишком откровенный выпад может привести к разоблачению авторитарного агрессора. Напротив, «техническая» косвенная дестабилизация способна привести к сомнению в реальной агрессивности происходящего.

Другой тип косвенной лжи состоит в расплывчатости ответа или ухода от него, или отвлекающего внимание манёвра. Так, женщине, высказывающей сомнение в верности мужа, парируют: «Если тебе подобное приходит в голову, то наверное, неспроста!..».

Лживость может также цепляться к мелким деталям. Так, муж отвечает жене в ответ на укор по поводу недельной поездки за город с девушкой: «Сама лгунья: во-первых, это было не семь, а девять дней, а во-вторых, речь идёт не о девушке, а о женщине!». Что бы там ни говорили, перверзы всегда оказываются «правы», тем более, что жертва уже успела потерять душевное равновесие и не испытывает особой радости от спора, чего не скажешь о самом агрессоре. Смятение жертвы является следствием постоянного смещения представлений о лжи.

Нарциссические перверзы прибегают к грубой лжи только в деструктивной фазе, как мы убедимся в следующей главе. И тогда это уже наглая ложь, идущая вразрез с очевидным. Особенно и прежде всего речь идет о лжи, способной убедить другого. Какой чудовищной ни была бы ложь, перверз, ухватившись за неё, способен окончательно убедить в ней другого.

Истина или ложь мало имеют значения для перверсов: для них правда то, что они говорят в данный момент. Эти фальсификации истины иногда очень близки к безумным построениям. Всякое неясно выраженное высказывание, даже если в нём сквозит определенный смысл, не должно приниматься в расчет собеседником. И если нет объективных следов, это высказывание не существует. Ложь соответствует необходимости перверза игнорировать всё то, что идет вразрез его нарциссическому интересу.

Именно так мы бываем свидетелями того, как перверзы обволакивают свои истории великой таинственностью, которая убедительно воздействует на другого, хотя почти ничего и не было сказано: *он утаивает, чтобы доказать без слов.*

Сарказм, презрительная насмешка

По отношению к внешнему миру у перверза доминируют презрение и усмешка. Презрение касается ненавистного партнера, того, что он думает и делает, а также его окружение. Презрение, - орудие слабого; это защита от нежелательных эмоций, от которых прячутся за маской иронии.

Презрение и насмешки особенно часто бывают направлены против женщин. Перверзы зачастую игнорируют женский пол. Нарциссические

же перверзы полностью игнорируют женщину как индивидуальность, принимая участие в разного рода шуточках, высмеивающих женщину, что поощряется потворствующими свидетелями.

Во время одного ток-шоу на американской студии ABC молодая пара должна была публично обсуждать следующую проблему: «Он не выносит меня из-за того, что я не топ-модель». Парень объяснял, что его подруга – мать его ребенка – не такова, как он того хотел бы, то есть тонкую и привлекательную; ее зубы и грудь были далеки от совершенства, - вот почему она перестала быть желанной. Любимой его моделью была Синди Кроуфорд. Он вел себя настолько презрительно, что его жена разрыдалась, а он не выказал ни малейшего участия.

Зрителям полагалось высказывать свои мнения. Конечно, присутствующие женщины опротестовали позицию этого человека; некоторые давали советы молодой женщине, как улучшить её внешний вид. Большинство мужчин всё же выказали свое снисхождение и потворство, снова по ходу критикуя внешний вид бедной девушки.

Приглашенный психолог объяснил публике, что достаточно одного взгляда, чтобы заметить несходство женщины с Синди Кроуфорд, однако Бобу достало любви к ней, чтобы зачать с ней ребенка. Никому и в голову не пришлось задаться вопросом о снисходительности аудитории и организаторов и об унижении, которое претерпела молодая женщина.

Насмешка состоит в осмеянии всего и вся. Постоянство такой позиции избавляет от недоверия: этот способ существования порождает неприятную атмосферу и переводит в модальность постоянной неискренности.

Злобные нападки, приносящие боль и клевета порождены зачастую завистью, а она диктует, что:

- красивая девушка, прогуливающаяся с человеком старше её, - шлюха;
- требовательная женщина, - недолюблена;
- известная телеведущая обязательно переспала со всеми членами редакции, чтобы получить это место;
- преуспевающая коллега обязана своему успеху диван-карьере;

Как правило, подобным нападкам подвергаются именно лица женского пола.

Таким способом использующий насмешку ставит себя в позицию «осведомлённого». А значит, он «имеет право» насмеяться над кем-то или над чем-либо, делая из собеседника своего сторонника.

Приём может быть прямым: «Ты разве не знаешь, что...!» или же косвенным: «Ты видел, как он, или она, были...?»

Нередко жертва буквально воспринимает критику перверзом своего окружения и сама уже начинает верить в её справедливость.

Окружающие при этом воспринимают сарказм и язвительные замечания как плату за поддержание отношений с подкупающе-ироничным, но трудным партнером.

Чтобы продержаться на плаву, перверзу необходимо утопить другого. Для этого он пользуется маленькими дестабилизирующими штрихами. В основном играя на публику, перверзы преувеличенно описывают нечто вполне безобидное, иногда личное, приглашая присутствующих в свои сторонники.

Главное при этом - привести другого в замешательство. Чувствуя враждебность, партнер не вполне уверен, что речь идет всего лишь о шутке. Казалось, перверз поддразнивает: он атакует различные недочёты: большой нос, плоскую грудь, трудности с самовыражением и т.п.

Иногда агрессия совершается втихую, с помощью намёков и недосказанного, так что бывает трудно назвать момент, когда она началась и была ли она вообще. Нападающий ничем себя не компрометирует, но часто бывает так, что он полностью переворачивает ситуацию, обвиняя жертву в агрессивных намерениях: «Если ты думаешь, что я тебя задеваю, то всё дело в том, что ты сам - агрессивен!».

Как мы уже отметили, в особых клинических случаях частая практика перверза состоит в навязывании другому смешного прозвища, опираясь на его недостатки: *толстяк, неженка...* Эти прозвища, даже будучи обидными, часто с готовностью и насмешкой подхватываются окружающими.

Любые неприятные реплики ранят, и другие знаки внимания не способны это компенсировать. Оставленный собеседником тяжелый осадок игнорируется или превращается в шутку.

Все вербальные виды агрессии, насмешки и цинизм тоже являются частью злонамеренной игры: это удовольствие от раздора и подталкивание другого к сопротивлению. Нарциссический перверз, как уже было отмечено, любит противоречивые выходки и способен отстаивать одну точку зрения один день, а на другой день – защищать противоположную идею и всё это только затем, чтобы возбудить дискуссию или просто шокировать, делая это, как обычно, в своей непринужденной манере. Если партнер реагирует слабо, то достаточно чуть прибавить провокации. Партнер-жертва насилия реагирует не

сразу, так как склонен, скорее, извинять другого, а также оттого, что насилие совершается лукаво -скрытно.

Случись такое агрессивное поведение внезапно - оно вызвало бы неминуемый гнев, но претворяемое постепенно, оно гасит любую реакцию. Жертва замечает агрессивность посылает только тогда, когда агрессия уже вошла в привычку.

Слова нарциссического перверза находят свою аудиторию, которую удаётся привлечь на свою сторону и эта аудитория равнодушна к унижению жертвы. Нередко агрессор делает людей свидетелями его разрушающего воздействия.

Подводя итоги, скажем, что для выведения другого из душевного равновесия, достаточно:

- строить насмешки над его убеждениями, политическими взглядами, вкусами,
- не говорить с ним,
- высмеивать его на публике,
- дискредитировать в глазах других людей,
- лишать его всякой возможности самовыражения,
- подтрунивать, зубоскалить над его слабостями,
- делать ни к чему не обязывающие намёки без дальнейших объяснений,
- ставить под сомнение его способности иметь суждения и принимать решения.

Воспользоваться парадоксом

Сун Цэ учил также, чтобы выиграть войну, надо разделить вражескую армию до начала сражения: *«Не давая сражений, старайтесь быть непобедимым [...] . До начала сражений древние старались ослабить веру врага в свои силы путем унижений, оскорблений, подвергая его силу воли жестоким испытаниям. Коррумпируйте всё, что есть в нём лучшего подношениями, подарками, обещаниями. Подрывайте доверие, подталкивая лучших из его воинов на совершение подлых и низких поступков и не упускайте момента разглашать это повсюду».*

При агрессии перверза есть попытка поколебать уверенность другого, посеяв в нём сомнение в своих мыслях и чувствах, при которых жертва теряет чувство самоидентичности и ей становится трудно понимать и мыслить. Конечной целью является её полное отрицание, парализующее до такой степени, чтобы было возможно

избежать всякого конфликта. Тогда жертву можно будет атаковать без потерь и она всегда останется в распоряжении перверза.

Всё это совершается в двойном измерении: нечто сказано на вербальном уровне, а противоположное выражено на уровне действий и поступков. Парадоксальность сказанного состоит из скрытого и подразумеваемого посыла, существование которого отрицается агрессором, и это очень эффективный способ дестабилизации другого.

Одна из форм парадоксального посыла состоит в том, чтобы посеять сомнение по поводу более или менее безобидных фактов повседневной жизни. В конце концов, партнёр колеблется и уже не знает, кто прав, а кто виноват. Достаточно, к примеру, сказать, что согласен с предложением другого и при этом мимикой изображая, что это согласие всего лишь формальное. Говорится нечто и тут же опровергается, оставляя след сомнения: «Хотел ли он это сказать или же я сам всё превратно истолковал?». Если жертва пытается озвучить свои сомнения, то её начинают называть параноиком, всё понимающим превратно.

Парадокс чаще всего состоит в расхождении между сказанным и тем тоном, которым всё было произнесено. Этот разрыв приводит к тому, что свидетели могут ошибаться в понимании диалога.

Парадокс заключается также в том, чтобы дать другому почувствовать натянутость и враждебность при том, что ничего конкретного не было сказано в его адрес. Есть и не прямые виды агрессии, при которых перверз «сваливает вину» на вещи и предметы: он может хлопать дверями, швырять вещи, а впоследствии отрицать свою агрессию.

Парадоксальное высказывание часто приводит другого в замешательство. Не будучи слишком уверенным в том, что происходит, он склонен либо карикатурно представлять свое поведение, либо оправдываться.

Парадоксальные послы бывает не так легко обнаружить. Их цель - дестабилизировать другого, приводя его в замешательство, чтобы сохранять над ним контроль и заманить в ловушку противоречивых чувств. Так, могут несправедливо выставить за дверь, уверяя при этом, что это вина «тебя самого». Как уже было сказано, конечная цель всех этих демаршей - контроль чувства и поведения другого до такой степени, чтобы он даже всё одобрял и ронял себя с целью восстановить утраченные позиции.

Зачастую партнеры перверза из духа примиренчества предпочитают буквально воспринимать всё им сказанное, отвергая все противоречивые невербальные признаки: «Когда я угрожаю мужу, что

уйду, мой муж мне говорит, что хочет сохранить наш брак. Даже если он унижает и оскорбляет меня, в чём-то же он прав!».

В отличие от обычного конфликта, нет настоящего столкновения с нарциссичным перверзом, как невозможно и само примирение. Он никогда не повышает голос, выказывая только холодную враждебность, отрицая её в случае замечания. Собеседник же иногда нервничает или кричит: тогда легко посмеяться над его гневом или просто высмеять его.

Даже в случаях явного конфликта реальный виновник раздора никогда не упоминается, так что жертва не вполне уверена в том, что ей кажется. Как можно описать смутные впечатления, предчувствия, ощущения? Ведь никогда нет ничего конкретного.

Эти приемы лишают внутреннего равновесия и если иногда они применяются многими, то у перверза носят систематический характер, исключая любую моральную компенсацию или извинение.

Блокируя общение парадоксальными посылами, нарциссический перверз ставит подвластного ему партнера в положение, когда невозможно адекватно ответить, ведь он не вполне владеет ситуацией. Он изнуряет себя поиском решений, которые в любом случае не подходящие. При любой степени его сопротивления ему не избежать тоскливого состояния или депрессии.

В супружеской паре этот тип коммуникации, имея внутреннюю связь, через некоторое время заканчивается определенной стабильностью. В целях **гомеостаза** все, что может разъединять эту пару, отвергается с обеих сторон, допуская стабильность страдания, но все же какую-то стабильность. В некоторых ситуациях у жертвы нет иного выбора, чем всё терпеть.

Перверзная коммуникация зачастую состоит из мелких посылов, не сразу заметных и не воспринимаемых, как агрессивные или деструктивные, поскольку они смешиваются с другими посылами, получаемыми одновременно. Часто их можно декодировать только лишь после того, как получатель выйдет из-под зависимого влияния.

Обнаружив только в зрелом возрасте открытки, посылаемые отчимом, когда она была еще подростком, она поняла всю их двусмысленность. Речь идет о обнаженных женщинах на пляже. На обратной стороне отчим подписал: «Я часто думаю о тебе!». В ту пору она воспринимала это, как простые знаки внимания, но все же её это сердило. Понимание всего позволило ей осознать и другие послания, которые она раньше не вполне понимала, хотя они оставляли

нехорошее чувство, сродни пристальным взглядам на грудь или непристойным шуткам.

Это пример такого понятия, как «инцестуальность», определенного Ракамье, как расплывчатость границ между нормой и сексуальным извращением. В обоих случаях партнёр используется как предмет. Такое «вправление мозгов» снижает самооценку и роняет достоинство личности, распространяясь на всем окружении, уже не понимающего, кто что сделал или кто что сказал. Кроме самой личности, ставшей мишенью, которую надо парализовать до состояния безгласности, теперь уже вся семья или профессиональное окружение, знакомые, находятся в состоянии крайнего замешательства.

Другое сходство состоит в перемещении вины. В этом феномене вина полностью перекалывается на жертву. Наблюдается самообвинение со стороны жертвы: «Все произошло из-за меня и по моей вине!». Нарциссический же субъект всегда проецирует вину за пределы своей персоны, т.е. на другую личность: «Это случилось по её (его) вине!».

Дисквалификация

Речь идет в непризнании у кого-нибудь любого достоинства, когда говорят и повторяют, что тот ничего не стоит до тех пор, пока он сам не начнет думать так же.

Как мы видели, делается это вначале неприметно, в регистре невербальной коммуникации: презрительные взгляды, тяжелые вздохи, намеки, дестабилизирующие или недоброжелательные аллюзии, косвенная критика под прикрытием шутки, колкости.

До той поры, пока эти виды агрессии остаются непрямыми, представляется затруднительным их рассматривать как таковые, а следовательно, от них защититься. Стоит только этим словам прозвучать подобно эху в хрупкой и неуверенной в себе личности или ребенку, как они ему внедряются в сознание и воспринимаются как истина: «Ты ни к чему не пригоден», «Ты настолько никчем (или неприятен), что никто, кроме меня, не захочет играть с тобой», «Без меня ты останешься совсем один/ одна!». Перверс тащит другого вслед за собой, навязывая ему извращенную картину реальности.

Как только звучит или подразумевается фраза: «Ты полный ноль», как жертва принимает ее как данность: «Я ничтожен/ ничтожна» и

становится, действительно, таковой, поскольку другой уже постановил, что это так.

Дисквалификация, используя парадокс, ложь или другие приемы, простирается от намеченной мишени к его окружению, семье, друзьям и знакомым: «Он/ она общается только с себе подобными!» Эти стратегии рассчитаны на то, чтобы возвысить себя за счет унижения других.

Разделяй и властвуй

Сун Цэ сказал также: «Расшатывайте руководство противников, сейте несогласие вождям, вызывая у них зависть или недоверие, провоцируйте неподчинение, создавайте источник недовольства. Смертельным будет разделение, которым мы стараемся посеять недоверие и подозрительность тенденциозными слухами вплоть до двора вражеского правителя по отношению к своим генералам».

В чем действительно искусен перверс, так это в натравливании одних людей против других, провоцируя соперничество и ревность. Это может осуществляться с помощью намеков и сравнений: «Тебе не кажется, что этот или тот-то и то-то?» или донося слова одних другим: «Твой брат мне сказал, он думает, что ты плохо себя вел», или с помощью лжи настраивая одних людей против других.

Навысшая радость перверса состоит в том, чтобы довершить разрушение одного индивида с помощью другого, присутствуя при этом «сражении», из которого соперники выходят ослабевшими, усиливая тем самым его личное всемогущество.

На предприятии и учреждениях это происходит за счет пересудов, намеков или же привилегий, которыми одаряется один работник вместо другого различными знаками внимания. Это, в свою очередь, также порождает слухи, которые незримо ранят жертву, неспособную определить их первоисточник. В супружеской паре, культивируя сомнение намеками и недоговорками, ловко поддерживают ревность партнера, чтобы тот от него зависел.

Эти косвенные послания «великодушны» и вроде бы неагрессивно безобидны: «Все женщины коварны!», «Работающие женщины не успевают по дому!». Это может быть корректироваться по ходу, в случае протеста: «Это не о тебе. Как ты все близко принимаешь к сердцу!».

Всё ведёт к тому, чтобы одержать верх в словесном поединке. Слишком прямой способ воздействия может привести к разоблачению авторитарной агрессии. Напротив, техника непрямого воздействия

дестабилизирует и приводит к тому, что партнер начинает сомневаться в реальности происходящего.

Другой тип косвенной лжи состоит в манере отвечать неопределенно и как бы в сторону. Так, женщине, выражающей сомнение в верности мужа возражают: «Чтобы говорить такое, надо чтобы было самой в чем себя упрекнуть!».

Ревность невольно поддерживает сомнение, в истоке которого лежит известная мотивация.

Подтолкнуть другого к ревности лежит в основе сюжета пьесы Шекспира «Отелло». В пьесе Отелло по натуре не ревнивец и описывается как благородный и великодушный человек, мало расположенный верить в злобу других людей. Он не мстителен и отнюдь не агрессивен, но становится им из-за ловких манипуляций Яго. Несчастный вначале отказывается верить в вероломство своей жены, веря ей настолько, насколько он доверяет самому Яго. Яго же в своем монологе заявляет, что он любит творить зло из любви к злу. Позднее у него вырывается признание в том, что его шокируют добродетель, благородство, красота в повседневной жизни такого честного человека, как Кассио, а также чистота Дездемоны и что именно сами они побуждают его к разрушению этой добродетели и красоты. В нем упрочились жажда низости и желание замышлять козни, которые его умишко способен успешно осуществлять.

Провоцировать ревность других является для перверса одним из способов держаться вне гнева или ненависти: это нечто, происходящее только с партнером или соперником. Перверс же лишь подсчитывает свои «очки» в этой игре, не марая рук. Доводя другого до ревности, перверс в глубине души всего лишь завистник, низводящий всех до своей планки: «А ты такой же, как и я!».

Замечено и то, что жертва не осмеливается отвечать прямой агрессией своему перверсному партнеру. Ступить на поле ревности, это его своеобразный способ продолжать защиту, избегая прямого столкновения. Жертве бывает легче противостоять третьему лицу, которое перверс также использует в качестве жертвы и очередного трофея.

Навязать свою власть

По логике вещей, злоупотребляющий властью более силен и подчиняет себе другого. Обладание властью совершается словесно. Необходимо создать впечатление знающего больше, обладающего монополией на истину, собственную истину. Речь перверса носит весьма обобщающий характер; им произносятся фразы, кажущиеся универсально истинными. Перверс уверен в своей «правоте» и всячески старается затащить другого на свою территорию, доводя его до принятия его высказываний. Например, вместо того, чтобы сказать: «Мне не нравится такой-то!», он говорит: «Такой-то негодяй. Все это знают, а ты тоже не можешь этого не видеть!».

Затем дается общее толкование сказанному, следуя логике универсально-расплывчатого посыла. Собеседник говорит себе: «Наверное, он прав, у него вид человека, знающего, о чем говорит!». Этим нарциссические перверсы привлекают неуверенных в себе партнеров, имеющих привычку думать, что другие всё знают лучше». Перверсы действуют успокаивающе на более слабых партнеров. Подобный самодостаточный дискурс, где все ставки сделаны заранее, не так уж далек от параноидального безумного бреда. Параноик находит практически в каждой негативные стороны, даже если мотивы дискредитации случайны, а иногда в связи с предоставляемой возможностью, однако чаще по воле случая. Устанавливается процесс главенствования: жертва подчиняется, она покорена, ее контролируют и деформируют. Если она не покоряется, то подчеркивается ее агрессивность и злобное поведение. В любом случае налаживается тоталитарная активность, основанная на подавляющем страхе, имеющая целью добиться пассивного послушания. Другой должен действовать только так, как этого хочет перверс и мыслить согласно лишь его нормам. Не допускается и возможности критического мышления: другой существует только по мере того, как он вписывается в образ копии его самого. Речь идёт об отрицании и уничтожении всякого отличия.

Агрессор устанавливает подобное влияние, исходя из собственной выгоды и за счет интересов другого. Связь с другим человеком устанавливается в рамках зависимости жертвы от перверса. Всякий раз, когда самовлюбленный перверс явно требует подчинения, он устраивает дело так, чтобы не было возможности ему угодить: либо просьба превосходит возможности другого (тогда перверс пользуется этим моментом, чтобы отметить бессилие другого), либо просьба сделана в неподходящий момент.

Он вызывает неприятие, поскольку его «успокаивает» прежнее течение жизни.

Следует отличать перверсное насилие от прямого злоупотребления властью или тирании. Тирания, - это захват власти силой. Здесь явно выражено подавление: один подчиняется другому, наделенному властью. В явном злоупотреблении властью цель одна – доминировать.

Один из примеров жесткого злоупотребления властью дает Эйнштейн, которого «утомило» присутствие первой жены, Милены Марик, матери его двоих детей. Не желая брать на себя инициативу разрыва, он в письменном виде диктует ей draconian и унижительные условия для продолжения совместной жизни (*Le Monde*, 18 ноября 1996):

«А. Вы должны позаботиться о том, что:

- 1) мое личное и постельное белье поддерживалось в чистоте и порядке;
- 2) трижды в день мне подавалась еда в мой кабинет;
- 3) моя спальня и мой кабинет всегда содержались в порядке и чтобы к моему рабочему столу не прикасался никто, кроме меня самого.

Б. Вы откажетесь от любой личной связи со мной, за исключением случаев, касающихся общественного приличия. В частности, вы не будете требовать:

- 1) чтобы я сидел рядом с вами в доме;
- 2) чтобы я путешествовал в вашем сопровождении.

В. Вы обещаете четко выполнять следующие пункты:

- 1) не будете ожидать от меня никакой привязанности и в этом меня не упрекнете;
- 2) вы мне сразу же отвечаете в случае моего обращения к вам;
- 3) вы сразу же выйдете из моей комнаты или кабинета, когда я вас об этом попрошу;
- 4) вы пообещаете никогда не критиковать меня, ни словами, ни действиями в присутствии детей».

Здесь явное злоупотребление властью, даже представленное в письменном виде. У перверса подчинение осуществляется скрытно, иногда под маской мягкой доброжелательности. Партнер не осознает насилия, маскируемого доброжелательной мягкостью. Иногда даже создается иллюзия, что это жертва ведет игру. Никогда не бывает открытого конфликта. Если такого рода насилие протекает скрыто, то происходит это из-за настоящей патологически кривой связи между перверсом и его партнером.

5. Превратное насилие

Сопротивляться захвату властного влияния уже означает стать объектом ненависти. На этой стадии другой, бывший до того объектом полезным, становится объектом опасным, от которого нужно избавиться любыми средствами. Стратегия перверса обнаруживает себя отчетливо, как при свете дня.

Ненависть проявляет себя

Фаза открытой ненависти наступает тогда, когда жертва реагирует, пытаясь позиционировать себя как подневольное лицо, чтобы восстановить хотя бы немного свободы. Несмотря на двусмысленную ситуацию, жертва пытается положить этому конец: как будто срабатывает какой-то механизм, говорящий: «Довольно!» или же нечто извне позволяет ему осознать свое порабощение. В основном так бывает, когда жертва была свидетелем ожесточения своего агрессора против кого-то другого или же если перверс нашел другого потенциального партнера-жертву и пытается подтолкнуть на действия предшественника, усиливая свою агрессию.

В момент, когда жертва создает впечатление того, что ускользает, уходит из-под рук, агрессор испытывает настоящую панику и бешеную ярость одновременно и тогда уже он распоясывается «во всей своей красе».

Когда жертва высказывает свои ощущения, надо заставить ее замолчать. Это уже фаза ненависти в чистом виде, чрезвычайно сильная, состоящая из низких поступков, бранных слов, унижающей ругани, высмеивания всего, чем хорош другой. Панцирь сарказма защищает перверса от того, чего он боится более всего, - общения.

Жертва-партнер выкладывается изо всех сил, желая вернуть все любой ценой. И чем больше он подвергает себя опасности, тем более его атакуют и тем более он страдает. Зрелище этих страданий перверс не выносит и снова усиливает свою агрессию, чтобы заставить жертву умолкнуть. Когда же другой обнаруживает свои слабости, то они тут же используются перверсом против него самого.

Ненависть уже существовала на фазе захвата влияния, но она была скрыта и замаскирована перверсом для того, чтобы сохранять в неизменном виде эти отношения. Все, что уже существовало тайным образом, отныне проявляется наяву. Предпринятое однажды разрушение становится систематическим.

Здесь речь идет не о превращении любви в ненависть, как часто полагают, но о зависти, перешедшей в ненависть. Это не чередование любви – ненависти, которые Лакан называл *hainamoration*, поскольку со стороны перверса никогда не было любви в подлинном смысле этого слова. Можно даже, по примеру Мориса Урни и Джиованни Стол, говорить о ненависти к любви, чтобы описать перверсное отношение (M.Hurni et G.Stoll. *La Haine de l'amour (La Perversion du lien)*, L'Hartmann, Paris, 1996). Вначале это нелюбовь под маской желания не к самой личности, но к тому, что она имеет более чем перверс, желающий это присвоить. Затем это ненависть скрытая, связанная с фрустрацией оттого, что не получаешь от другого столько, сколько хотелось бы. Когда ненависть проявляется открыто, это связано с желанием разрушить, уничтожить другого. Даже со временем у перверса эта ненависть не проходит. Для него это очевидно: «Потому что это так!», даже если мотивы этой ненависти непонятны и непоследовательны для любого нормального человека.

Когда он оправдывает эту ненависть, то объясняет ее преследованием со стороны другого, которое ставит его в положение законной защиты. Как у параноиков, у перверса появляются бредовые идеи вреда, ущерба или преследования. Его защитная реакция приводит к преступному поведению и действиям в области судопроизводства, ведь все что не идет как надо, совершается по вине других, объединившихся против перверса, как он считает.

Согласно феномену проекции, ненависть агрессора пропорциональна воображаемой взаимной ненависти жертвы, которая представляется ему таким разрушительным монстром, злобным и жестоким.

В реальности же на этой стадии жертва агрессии не испытывает ни гнева, ни ненависти, которые позволили бы ему защитить себя. Агрессор а priori наделяет жертву злыми намерениями и опережает «противника», нападая первым. В любом случае, жертва всегда заранее обвиняется в преступных намерениях.

Ненависть, проецируемая на другого, является для нарциссического перверса средством защиты от душевного беспокойства, которое могло быть значительно бóльшим, почти на уровне психоза. При завязывании новых отношений это также средство самозащиты, чтобы избежать любого проявления неосознанной ненависти к новому партнеру. Сосредотачивая всю ненависть на предшественнике, перверс «защищает» новичка, которому приписываются все достоинства. Когда жертва ненависти осознает, что служит укреплению новых отношений

с соперником или соперницей, она вновь чувствует себя объектом козней и манипуляций.

Для нарциссического перверса мир делится только на плохих и хороших. При этом нехорошо быть на «плохой» стороне. Разрыв или отдаление отнюдь не способствуют усмирению этой ненависти.

В таком процессе все друг друга боятся: агрессор боится воображаемого всемогущества жертвы – жертва же опасается не только психического, но и физического насилия со стороны своего агрессора.

Насилие в действии

Речь здесь идет о «холодном» словесном насилии, состоящем из дискредитации, враждебных намеков, оскорбительных знаков снисхождения. Эффект разрушения происходит из-за повторения внешне безобидных, но длительных по временной протяженности нападков, о которых известно только то, что они никогда не кончаются: речь идет об агрессии постоянной, где каждое оскорбление звучит эхом предыдущим и мешает позабыть о них, как хотелось бы жертве, но никак не агрессору.

На первый взгляд, ничего или почти ничего не заметно. Это катаклизм, который подрывает семейные, институционные и индивидуальные основы. Насилие редко принимает физический характер, - в этом случае это следствие нормальной живой реакции со стороны жертвы и тогда уже речь заходит о настоящем криминале.

Угрозы, как правило, завуалированы и не носят прямого характера: агрессор приспособляется делать их через общих друзей, в свою очередь манипулируемых или через детей, что происходит в случае, если жертва не отслеживает злую волю своего партнера. Отправляются послания или делаются звонки, которые зачастую напоминают сеть посланий – ловушек или бомб замедленного действия.

Если к изощренному насилию (шантаж, завуалированные угрозы, запугивания), добавляются реальные виды насилия, вплоть до убийства, то происходит это при «заносе на повороте» перверса, так как он предпочитает убивать опосредованно, точнее, доводить другого до самоубийства.

Признаки глухой вражды не утихают в нервные или кризисные моменты. Они всегда тут как тут, с неизменным постоянством, небольшими порциями, ежедневно или по нескольку раз на неделе, месяцами и даже годами. Речи не произносятся гневно, но тем холодным тоном, коим изрекаются истина или вещь очевидная. Перверс знает, где он должен остановиться, умеет дозировать свое

насилие. Если он предчувствует ответную реакцию, то предусмотрительно отступает: агрессия изливается небольшими дозами в присутствии свидетелей.

Если жертва реагирует на расставленную сеть провокаций и повышает голос, то это она кажется агрессивной, агрессор же принимает позу жертвы.

Намеки имеют отношение к глубинным слоям памяти; только сама жертва способна их осознать во всей полноте. Зачастую судьи, призванные разобраться в сложных ситуациях, к примеру, в случае развода, несмотря на всю свою осторожность и подозрительность, сами оказываются сбитыми с толку и тем самым становятся жертвой манипулятора.

Речь идет о том, что профессор Emil Cossaro квалифицировал «агрессивностью хищника» в своем исследовании о природе агрессии. Она присуща индивидуумам, выбирающим жертву с предумышленным намерением напасть, подобно тому, как ведет себя хищник со своей добычей. Агрессия – только инструмент, позволяющий агрессору заполнить желаемое.

Это также асимметричный вид насилия. При асимметричном насилии оба противника принимают конфронтацию и борьбу. Тот, кто осуществляет насилие, определяется как существенно превосходящий другого, с чем, как правило, согласен тот, кто подвергается насилию. Такой тип скрытого насилия Reynaldo Perrone квалифицирует, как «насилие – наказание» (R.Perrone et M.Nannini, *Violence et abus sexuel dans la famille*, ESF, Paris, 1995). В этом случае нет ни паузы, ни примирения; все это делает насилие тайным, замаскированным, «наглухо запертым». Никто из действующих лиц не разглашает это вовне. Тот, кто навязывает другому страдание, полагает, что другой того заслуживает и не имеет права на жалобы. Если жертва реагирует и тем самым перестает быть послушным предметом, то она рассматривается, как угрожающая, или агрессивная.

Обычно тот, кто поначалу был инициатором насилия, выдает себя за жертву. Чувство вины прекращает защитную реакцию жертвы. Всякая эмоциональная реакция или страдание влекут за собой эскалацию насилия или диверсионный маневр (безразличие, деланное удивление и т.п.).

В ход запускается процесс, напоминающий взаимную фобию: один только вид ненавидимой персоны вызывает у перверса приступ холодной ненависти; вид же своего преследователя вызывает у жертвы страх.

Если перверс уже наметил жертву, он ее уже не отпускает. Зачастую он открыто дает это понять: «Отныне единственной целью моей жизни будет портить тебе жизнь». И он делает все так, чтобы это стало действительностью.

Порочный круг, однажды образовавшись, не может разорваться сам по себе, поскольку всё идет по нарастающей патологического регистра: перверс становится все более унижающим и агрессивным, а жертва, - все более беспомощной и обиженной. И ничто не может служить доказательством происходящему. О физической агрессии свидетельствуют внешние признаки: медицинские заключения, визуальный осмотр, выводы полиции. В перверсной, превратной агрессии нет доказательств. Это агрессия безусловно «чистая», так как не существует очевидных доказательств происходящего.

Другой прижат к стенке

В фазе захвата влияния воздействие нарциссического перверса на свою жертву сводилось, главным образом, к торможению его критического мышления. В следующей фазе он провоцирует в ней чувства, поступки и реакцию с помощью механизма приказаний.

Если другой в достаточной мере защищен от перверса, то, чтобы «набить себе цену», завязывает перверсную битву, которая может закончиться лишь капитуляцией менее перверсного из обоих.

Перверс пытается подтолкнуть свою жертву действовать против самого себя, чтобы затем объявить ее «нехорошей». Важно то, что жертва, действительно, кажется ответственной за то, что с ней случилось. Агрессор использует изъян другого: тенденцию к депрессии, истерии или особенности характера, чтобы представить его в карикатурном виде и тем самым подвести его к самодискредитации. Подтолкнув другого к ошибке, можно далее его критиковать и унижать. Это формирует у него собственный негативный имидж, тем самым усиливая чувство вины.

Если у жертвы не хватает самоконтроля, то достаточно лишь добавить провокативности и презрения, чтобы добиться нужной реакции, в которой можно затем и упрекнуть. К примеру, если это реакция гнева, то делают так, чтобы агрессивное поведение было замечено всеми и до такой степени, что наблюдатель «извне» счел бы необходимым вызвать полицию. Бывает даже, что перверсы подталкивают другого к самоубийству: «Бедняжка, тебе уже не приходится ждать от жизни ничего хорошего. Я не понимаю, как ты до

сих пор не выпрыгнула из окна!»). После трагического исхода агрессору бывает нетрудно представить себя жертвой психически больного человека.

Перед лицом того, кто сгущает все краски, жертва вынуждена действовать. Связанная засильем, она может сделать это только в сильном порыве, чтобы вновь обрести свободу. Любой внешний наблюдатель воспринимает импульсивное действие, в особенности ярко выраженное, как патологию. Тот, кто реагирует на провокацию, как бы берет на себя ответственность за кризисную ситуацию. Виновный для перверса, для сторонних наблюдателей, он тоже кажется агрессором. Чего не видят они, так это того, что жертва поставлена в положение, при котором она больше не может сохранять status quo, ставшее для нее ловушкой. Она заключена в двойные сети; что бы она ни делала, она не может из этого выпутаться: если она реагирует, то является инициатором конфликта. Если же она не реагирует, то позволяет далеко зайти смертоносному разрушению.

Наибольшее удовольствие доставляет перверсу держать под прицелом слабость другого или же развязать насилие, которое приведет жертву к неодобрению своего поступка и потере самоуважения. В соответствии с реакцией, на жертву навешиваются ярлыки «своеобразного», алкоголика или склонного к самоубийству. Жертва, чувствуя себя безоружной, пытается оправдаться, как будто она действительно виновна. Радость перверса удваивается, если ему удастся мистифицировать или унижать свою жертву, напоминая ей об унижении. Жертва вновь переживает его, в то время как нарциссический перверс, не говоря ни слова, извлекает выгоду из ситуации, стараясь сам предстать жертвой.

Поскольку ничего не было высказано, никаких упреков, любое оправдание становится невозможным. Чтобы найти выход из этой невыносимой ситуации, жертва пытается сама использовать недоговоренность и манипуляцию. Связь становится двусмысленной: кто агрессор и кто жертва? Идеал для перверса, - достичь того, чтобы другой стал «плохим», что превращает злобу в нормальное, разделяемое всеми состояние. Он старается привить другому то, что есть плохого в нем самом. Наивысшая цель, - это испортить, исказить облик другого. У агрессора нет большего удовольствия, чем заставить свою мишень стать, в свою очередь, разрушительной силой или же когда ему удастся «столкнуть лбами» несколько человек.

Все перверсы, сексуальные или нарциссические, стараются затащить других в свой регистр, а затем привести их к извращению жизненных правил. Их разрушительная сила во многом зависит от

пропагандирующего воздействия на окружающих с целью доказать, до какой степени «плох» подвергающийся агрессии, следовательно, будет правильным сваливать на него всю вину. Иногда они преуспевают в этом, создавая себе сторонников и побуждая их заходить далеко за рамки нравственности с помощью высмеивающих и презрительных словес.

Невозможность перевести других на свой уровень насилия является поражением для перверсов, - ведь это единственный способ пресечения процесса перверсии.

6. Агрессор

Любой человек в кризисной ситуации вынужденно может пользоваться механизмами перверсии в целях самозащиты. Черты нарциссической личности довольно широко распространены (эгоцентризм, жажда восхищения, непереносимость критики); при всем этом они не патологичны. Иногда нам всем приходится манипулировать другими с целью получения выгоды, и все мы испытали преходящее чувство разрушительной ненависти. Но от перверсных личностей нас отличает то, что эти чувства или поведение были лишь временными, преходящими реакциями, за которыми следовали угрызения совести или сожаления. Если невротик сохраняет свою целостность с помощью внутренних конфликтов, то понятие перверсности предполагает стратегию использования, а затем разрушения другого, не неся за это никакой ответственности.

Многие психоаналитики допускают присутствие доли «нормальной» перверсии в каждом человеке: «Мы все разнообразные перверсы!». Они ссылаются на долю перверсии у любого невротика, служащую ему защитой. Нарциссичный же перверс создает что-либо, только реализовав свои разрушительные импульсы.

Нарциссический вид перверсии

Слово «перверсия» появилось во французском языке в 1444 году (от латинского *per-vertere*: переворачивать, выворачивать) и определяется

как превращение добра в зло. В настоящее время слово перверс предполагает моральное осуждение.

В XIX веке врачи душевнобольных интересовались перверсией в ее медико-юридическом аспекте с целью установить меру ответственности перверсов, не считая их такими же безумными, как другие больные. Тогда они определили перверсию, как отклонение инстинктов: инстинкта социального, морального, в области питания и т.п.

В 1809 г. Пинэль (Pinel) сгруппировал под общим термином «мания вне существования» всякую перверсию, связанную с множеством инстинктов: асоциальное поведение, пироманию, клептоманию и т.п.

Впоследствии Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing) переместил центр научного интереса на сексуальные перверсии.

Термин «нарциссизм» впервые появился у Фрейда в 1910 году и по поводу гомосексуализма. Затем он станет отличать нарциссизм первичный от нарциссизма вторичного. Понятие первичного нарциссизма разветвляется на многочисленные вариации в психоаналитической литературе. Мы не будем вступать в эти дебаты, но надо отметить, что Фрейд в первых строках «Введения в нарциссизм» (*Pour introduire le narcissisme*), заявляет о заимствовании термина у Р. Näcke (1899), который использовал его для описания перверсии. Действительно, Неке (Näcke) удачно использовал немецкое слово *Narzisismus* для комментариев взглядов Эллиса (H.Ellis). Он первым описал в 1898 году перверсное поведение, связав его с мифом о Нарциссе (*J.Laplanche et J.-B.Pontalis, Vocabulaire de la psychanalyse, PUF, Paris, 1968*).

Если Фрейд признает существование других импульсов, наряду с сексуальными, он не говорит о них, как о перверсии. Есть некая двойственность в прилагательном «перверсный», в соответствии с двумя существительными *perversité* (извращенность, испорченность) и *perversion* (извращение). С точки зрения психоанализа, перверсия (извращение) есть отклонение по отношению к нормальному сексуальному акту, определяемому как соитие для получения оргазма при вагинальном проникновении, в то время как *perversité* (извращенность) есть свойство характера и поведения некоторых субъектов, свидетельствующие о жестокости или особой злобной вредоносности. Ж.Бержере различает виды характерологических извращений, свойственных перверсам, подверженным извращенности, а также сексуальным извращениям (*J.Bergeret. La personnalité normale et pathologique, Bordas, Paris, 1985*).

Психоаналитик П.-К. Ракамье одним из первых разработал концепт «нарциссический перверс» (P.-C.Racamier, *“Pensée perverse et décervelage”*, in *“Secrets de famille et pensée perverse”*, Gruppo n° 8, éditions Apsygée, Paris, 1992). Другие авторы, среди которых Альберто Эге (A.Eiguer), попытались затем дать следующее определение: «Нарциссически перверсные индивиды, - это те, кто под влиянием грандиозного самомнения, пытаются наладить связь с другим индивидом, подвергая особенным нападкам целостность другого с целью его обезоружить. Они нападают также на его самолюбие, самоуважение, уверенность и веру в свои силы.

Одновременно они стараются в своеобразной им манере заставить поверить в незаменимость подчиненной им связи другого, который в ней нуждается» (A.Eiguer, *Le pervers narcissique et son complice*, Dunot, Paris, 1996).

Нарциссических перверсов рассматривают как бессимптомных психотиков, которые восстанавливают свое душевное равновесие, разряжая на другого свою боль, чтобы не чувствовать ее, а также внутренние противоречия, которые они отказываются замечать. Они делают зло «ненарочно», они доставляют страдание, потому что не могут иначе существовать. Они сами были травмированы в детстве и таким образом пытаются продержаться в жизни на плаву. Перенос боли на других позволяет им повысить цену в собственных глазах за счет другого.

Нарциссизм

Нарциссическое извращение состоит в проведении перверсной тактики самовлюбленной личности.

В DSM IV, международном пособии по классификации психических заболеваний, значится и нарциссическая перверсия. Однако учтена только сексуальная перверсия или душевные расстройства личности.

Нарциссическая личность описывается следующим образом, учитывая не менее пяти признаков:

- субъект имеет грандиозное представление о своей значимости,
- он поглощен фантазиями о безграничном успехе, власти,
- думает, что он особый и уникальный,
- жаждет безмерного восхищения,
- думает, что все ему обязаны,
- использует других в межличностных отношениях,
- неспособен на душевное сопереживание,
- часто завидует другим,

- демонстрирует наглые манеры и высокомерность поведения.

Описание нарциссической патологии, сделанное Отто Кернбергом в 1975 году, очень близко к современному: «Основные характеристики нарциссичных личностей, - это чувство собственного величия, крайний эгоцентризм, полное отсутствие сочувствия к другим, при том, что они жадно ищут одобрения и восхищения. Эти пациенты ощущают сильнейшую зависть по отношению к тем, кто как им кажется, обладает тем, чего у них нет или к тем, кто просто способен наслаждаться жизнью. Им не только не достаёт эмоциональной глубины и способности понимать сложные переживания других людей; их собственные чувства не отличаются разнообразием оттенков. Им свойственны лишь кратковременные вспышки эмоций, которые тут же рассеиваются. Особенно неведомы им истинная грусть и скорбь и эта неспособность испытывать депрессивные реакции есть отличительная особенность их личности. Если их оставляют или разочаровывают, то внешне они могут показаться подавленными. Однако, при более внимательном наблюдении речь идет лишь о гневе или желании взять реванш, нежели о подлинной печали по поводу потери дорогого человека» (O.Kernberg, *La personnalité narcissique, in Borderline Conditions and Pathological Narcissism*, New York).

Нарцисс, в смысле Нарцисса Овидия, - это некто, думающий, что обретает себя, глядя на свое отражение. Его жизнь состоит в поиске своего отражения в глазах других. Другой не существует, как личность, но только как объект, в качестве отражающего зеркала. Нарцисс, - это пустая скорлупа, в которой нет собственной жизни; это «псевдо», которое пытается ввести в заблуждение, чтобы замаскировать свою пустоту. Его участь, - это попытка избежать смерти. Это тот, кого никогда не считали человеческим существом и он вынужден выстроить игру зеркал, чтобы создать иллюзию своего существования. Подобно калейдоскопу, игра зеркал множится и повторяется, однако этот индивид остается сооружением на пустом месте.

Переход в перверсию

Нарцисс, не имея собственной духовной субстанции, «цепляется» за другого, подобно пиявке, пытаясь всасывать в себя жизнь. Будучи неспособным на настоящие отношения, он может только им «сподобиться» в перверсном регистре разрушающей злобности. Несомненно то, что перверсы ощущают наивысшую радость в жизни, лишь видя страдания и сомнения других. Они также испытывают удовольствие, поработая и унижая другого человека.

Все это объясняется полым, пустым характером нарцисса, построенном на отблесках отражений вместо него самого. У него ничего нет за душой, он подобен безжизненному роботу, созданному для имитации жизни со всей ее видимостью и трансформациями. Сексуальные отклонения и злоба – неизбежное следствие этой поллой структуры.

Полному нарциссу необходимо вампирически подпитываться субстанцией другого: если нет жизни, то надо пытаться «присвоить» ее или, если возможно, разрушить, чтобы жизни не было нигде.

Нарциссические перверсы одержимы «другим», без которого они не могут обойтись. Этот другой – и не двойник даже, имеющий право на собственное существование, он нужен всего лишь как отражение их самих. Отсюда у жертв возникает ощущение, что им отказано даже в праве на собственную индивидуальность: жертва – это не другой индивид, но всего лишь отражение. Любая ситуация, подвергающая сомнению эту систему зеркал, маскирующих пустоту, может повлечь за собой цепную реакцию разрушающе исступленной ярости. Нарциссические перверсы – это всего лишь механизмы отражений, ищущие свое отражение в зеркале других людей.

Они непритворно бесчувственны, - как может чувствовать отражающий механизм? В этом смысле они не страдают, так как страдание предполагает наличие плоти, существование. У них нет прошлого, так как их нет самих. Только существа, полноценно живущие в мире, способны иметь прошлое. Если бы нарциссические перверсы начинали осознавать свое страдание, в их сознании что-то сдвинулось бы. Но это уже был бы некто другой, положивший конец предшествующему существованию.

Мегаломания

Нарциссические перверсы являются мегаломанами, т.е. людьми с манией величия, которые позиционируют себя в качестве судей и эталонов добра и зла, истины в последней инстанции. Часто за ними замечается поучающий вид наставника-морализатора, такового отстраненного начальника. Даже если они ничего не говорят, другие чувствуют себя словно виноватыми. Они выдвигают на первый план свои безупречные моральные качества, позволяющие сохранять собственный положительный имидж. Разоблачая человеческую недоброжелательность и злобность, сами они выказывают тотальное равнодушие и безучастность, при этом желая, чтобы другие ими интересовались. Все им обязаны. Они критикуют всех, не допуская сомнений и любых замечаний. Лицом к этому миру власти, жертва невольно оказывается в мире поражений. Указывать на недочеты других, - хороший способ не замечать собственных ошибок, защищаясь от тоски психотического свойства.

Перверсы вступают в отношения с другими, чтобы прельщать и пользоваться ими. Их часто описывают как подкупающих личностей: ведь однажды поймав рыбку, надо держать ее на крючке столько, сколько потребуется. Другой человек не существует, его не «видно» и не «слышно», он только «нужен». По логике перверса, уважения к другому не может быть вообще.

Обольстительность перверса не предполагает никакой привязанности, так как сам принцип деятельности перверса предполагает исключение всяческих огорчений, его цель в том, чтобы не было никаких сюрпризов. Перверсам не интересны сложные переживания других людей. Они непроницаемы для особенностей другого, за исключением тех случаев, когда они «чувют», что эти отличия могут им помешать. Это полное отрицание мира другого, чье положение и мысли должны соответствовать картине мира нарциссического перверса.

Сила перверсов в их бесчувственности. Им неведомы угрызения совести морального порядка: они не способны страдать и безнаказанно нападают. Если партнеры, в свою очередь, используют перверсные виды защиты, то они всегда находятся вне досягаемости, под защитой своей «виртуозности» в этом деле.

Перверсы способны увлечься какой-либо личностью, деятельностью или идеей, но эти вспышки бывают очень поверхностными. Им неведомы настоящие чувства, особенно чувства печали и скорби. Разочарования у них влекут за собой гнев или злопамятство с желанием взять реванш. Этим объясняется их разрушительное бешенство, овладевающее ими в случае разрыва отношений. Когда

перверс получает нарциссическое оскорбление (поражение, неприятие), он испытывает безграничное желание добиться реванша. Это не то, что бывает у разгневанного человека, - преходящая и сварливая реакция, - это непреклонное злопамятство, в котором перверс проявляет все способности рассудка к разглагольствованию.

Перверсы, совсем как параноики, поддерживают аффективную дистанцию в достаточной мере, чтобы полностью не ввязываться в игру. Эффективность их нападок объясняется тем, что ни жертва, ни сторонний наблюдатель не представляют себе, что можно быть до такой степени бесчувственным и безучастным к состраданиям другого, даже близкого человека.

Вампиризация

Их партнер не является личностью, но служит поддержанию достоинств, которые перверсы пытаются себе приписать. Перверсы подпитываются энергией тех, на которых они изливают свой шарм и которые стараются приноровиться к нарциссизму. «Угощаясь» за счет другого, перверсы захватывают психическую территорию последнего.

Проблема нарциссического перверса состоит в том, чтобы заполнить свою внутреннюю пустоту. Чтобы не столкнуться с этой пустотой (что послужило бы его излечению!), нарцисс проектируется в свою противоположность. Он становится перверсом в изначальном смысле этого слова, отворачиваясь от своей пустоты (тогда как перверс встречает лицом к лицу эту пустоту). Из этого рождается его ненависть к личности матери, наиболее явно воплощающей внутреннюю жизнь. Нарциссу нужна плоть и субстанция другого, чтобы заполниться. Но он не способен подпитываться, так как не располагает даже в зачатке субстанцией, которая позволила бы ему подцепить и сделать своей сущность другого. Так, эта сущность становится его опасным, злейшим врагом, ибо она показывает всю его пустоту.

Нарциссические перверсы чувствуют сильнейшую зависть по отношению к тем, кто, как им кажется, обладают вещами, коих у него нет или оттого, что другие просто радуются жизни. «Присвоение» может быть социальным, к примеру, оболечение партнера, который введет в социальную среду, - предмет зависти: это могут быть богатые буржуа, интеллектуальная или артистическая среда... Бенефис этой манипуляции – в обладании партнером, который позволил бы доступ к этой власти.

Затем перверсы делают нападки на самоуважение другого, его веру в себя. Для того, чтобы увеличить собственную значимость, они завладевают нарциссизмом другого.

По причинам, имеющим отношение к первым этапам жизни их прошлого, перверсы не сумели самореализоваться. Они с завистью наблюдают за тем, как другие индивиды обладают всем, что им нужно для самореализации. Проходя *мимо* самих себя, они пытаются разрушить счастье тех, кто находится рядом. Пленники своих защитных «приспособлений», они пытаются уничтожить свободу других. Не умея в полной мере радоваться жизни, они пытаются помешать другим и даже собственным детям. Будучи неспособны любить, они цинично разрушают простые человеческие отношения.

Чтобы принять самих себя, нарциссические перверсы должны одержать «триумф триумфатора» и кого-нибудь разрушать, упиваясь собственным превосходством. Они радуются страданию других, ради самоутверждения они должны разрушать.

В них обострена критическая способность, приводящая к тому, что они проводят свое время в критике всех и вся. Таким манером они поддерживают в себе ощущение всемогущества: «Если они ничтожества, то я, само собой, намного их лучше!». Ядро движущей силы перверса, - это зависть, а цель – присвоение и завладение.

Зависть, - это чувство вожделения, гневной ненависти при виде счастья, выгоды и преимущества другого. Речь идет об изначально агрессивном менталитете, основанном на желании обладать тем, чем владеет другой и чего он сам лишен. Это восприятие субъективно, оно может носить даже бредовый характер. Зависть включает два полюса: эгоцентризм, с одной стороны и злобность, желание навредить предмету зависти, - с другой. Это предполагает чувство неполноценности по отношению к тому человеку, кто обладает страстно желаемым. Завистник сожалеет, видя, как другой обладает материальными благами или моральными достоинствами. Однако более всего он жаждет уничтожить их, нежели приобрести: если бы он ими обладал, то он не знал бы, что с ними делать, так как у него необходимых ресурсов. Чтобы уменьшить разрыв между завистником и объектом зависти, достаточно унизить и обесценить последнего; другой тогда наделяется демоническими чертами, «демонизируются».

Чему перверсы завидуют прежде всего, - так это жизни в другом. Они завидуют успеху других, который поворачивает их лицом к собственному чувству неполноценности, поскольку они не более довольны другими, чем сами собой. У них никогда и ничто не ладится, кругом одни сложности, всё настоящее испытание. Они навязывают

другим свое негативное видение мира и свою хроническую неудовлетворенность жизнью. Перверсы убивают всякий энтузиазм в своем окружении, пытаясь прежде всего доказать, что мир плох, что другие плохи и что их партнер также плох. Своим пессимизмом они заражают другого, чтобы впоследствии суметь упрекнуть последнего в депрессивности.

Желание обрести жизненную силу другого указывает им на собственные промахи. **В этом лежит желание, общее для множества людей, привилегированной связи матери и ребенка.** Вот почему они чаще всего выбирают себе жертв среди людей, полных сил и энергии, имеющих вкус к жизни, как если бы они имели целью присвоить тебе часть их силы. Состояние порабощения и зависимости своих жертв от их желаний дают им неоспоримые свидетельства реальной власти.

Присвоение, - это логическое продолжение зависти.

Блага, о которых здесь идет речь, редко являются благами материальными; это достоинства духовного плана: жизнерадостность, чувственность, коммуникативные достоинства, креативность, талант к музыке, пению, литературе, языкам... Когда собеседник высказывает какую-нибудь мысль, часто происходит так, что высказанное уже не считается его собственностью, а становится собственностью перверса. Если бы завистник не был настолько ослеплен своей ненавистью, то он мог бы, в качестве обмена опытом, научиться тому, как хотя бы отчасти приобрести некоторые из этих способностей. Но это уже предполагает наличие скромности, которой у перверсов нет и быть не может.

Нарциссические перверсы присваивают себе любовь другого в той мере, насколько они воспылали к этому другому страстью, точнее, - интересуются этим другим настолько, насколько это затрагивает их собственные интересы. Поэтому так случается, что приступы влюбленности резко сменяются разрывом. Окружающие не могут понять, как человек, витавший в облаках от счастья один день, на другой день все разрушает без видимого на то основания. Перверсы поглощают положительную энергию тех, кто их окружает, ею питаются и возобновляются, а затем сбрасывают на них всю свою негативную энергетику.

Жертва многое привносит, но этого всегда мало. Не будучи никогда довольными, нарциссические перверсы всегда ставят себя в положение жертвы, а мать (или объект, на который они ее проецируют) всегда несёт за это ответственность.

Зачастую перверсы нападают на другого, чтобы выйти из положения жертвы, в котором они пребывали в детстве. Занятая

позиция жертвы в отношениях привлекает партнера, который поначалу хочет утешать, и это длится до тех пор, пока перверс не поставит его в положение виновного.

Во время разрыва отношений перверсы строят из себя брошенную жертву, что дает возможность красиво разыграть роль, позволяющую привлечь к себе следующего партнера-утешителя.

Безответственность

Перверзы ни за что не считают себя ответственными, так как им не присуща подлинная субъективность. Отсутствующие для самих себя, они такие же безучастные и к другим людям. Если их никогда нет там, где их ждут, если их всегда трудно застать на месте, то это просто оттого, что их «нет» вообще. По сути дела, когда они объявляют других в ответе за то, что с ними случается, то они не обвиняют, а констатируют, поскольку сами не способны быть ответственными и им надо, чтобы это был кто-то другой. Сбросить вину на другого, злословить о нем так, чтобы его считали нехорошим, позволяет не только избавиться себя от угрызений совести, но и оправдаться. Они никогда ни за что не отвечают, никогда ни в чем не виновны: все, что плохо, всегда случается по вине других.

Защищаются они механизмом отражения: отвести за счет других все свои трудности и все свои поражения и никогда не обвинять себя в сопричастности к случившемуся. Они защищаются также тем, что отрицают саму реальность. Они ловко уклоняются от душевной боли, трансформируя ее в негативность. Это отрицание постоянно, даже в мелочах обыденной жизни, даже если реальность доказывает обратное. Страдание исключено, сомнение также: они ведь должны быть «переносимы» другими. Нападать на других, - это их способ избежать боль, горе, депрессию.

Нарциссическим перверсам трудно принять решение в обыденной жизни, им надо, чтобы за них решение принимали другие. Они совершенно несамостоятельны и не могут обойтись без других, что приводит их к поведению «приклеенного» и страху расставания; при этом они думают, что это другой нуждается в подчинении. Они отказываются видеть пожирающий характер своего «цепляния» за другого, который дал бы им негативный образ самих себя. Этим объясняется их насилие по отношению к слишком доброжелательному

и миролюбивому партнеру. Если же тот, напротив, проявляет независимость, его считают враждебным и «бросающим».

Им плохо и они беспомощны, если они одни; они требуют чрезмерной поддержки и опоры в других. Им также трудно начинать различные проекты и что-то делать самим. Они побуждают к неприятию, так как их успокаивает мысль, что жизнь такова, какой они себе её представляли, но когда связь прерывается, они срочно подыскивают себе следующую связь, обеспечивающую необходимую поддержку.

Паранойя

Нарциссические перверсы имеют тенденцию представлять из себя моральный эталон и давать другим уроки безукоризненной честности; в этом они близки к параноидальным личностям.

Параноидальная личность характеризуется следующими признаками:

- гипертрофированное представление о собственной персоне: гордость, чувство превосходства;

- психическая ригидность: упорство, нетерпимость, холодная расчетливость, трудность выказать положительные эмоции, презрение к другим;

- недоверчивость: преувеличенный страх агрессивности других, чувство жертвы чьей-либо недоброжелательности, подозрительность, зависть;

- ложность суждений; параноидальная личность интерпретирует нейтральные события, как направленные против нее самой.

В отличие от параноика, перверс, хорошо знающий законы и правила жизни в обществе, обыгрывает эти правила, чтобы обойти их. Сущность перверса заключается в обходе законов. Его цель, - сбить собеседника с толку, доказывая ему, что его система ценностей не работает и низвести его к этике перверса.

Захват власти параноиками делается силой, в то время как перверсы делают это путем обольщения, но если оно не срабатывает, они могут прибегнуть и к силе. Фаза насилия представляет собой процесс параноидальной декомпенсации: другой должен быть уничтожен, потому что «опасен»; следует нападать еще до того, как напали на тебя самого.

Как видим, нарциссическая перверсия, - это приспособительная функция, позволяющая избежать тоски и тревоги, проецируя на других всё, что есть плохого в самом индивиде. Здесь речь идет о защите от психической дезинтеграции, т.е. разрушения. Атакуя другого, перверсы

стараятся прежде всего защитить самого себя. Там, где могло бы появиться чувство вины, рождается невыносимая психотическая тоска, которая со всей силой проецируется на козла отпущения. Последний является сборником для всего того, что агрессор не может вынести.

Поскольку сами они с детства должны были научиться защищать себя, «отделив» в себе здоровые области от раненых, перверсы продолжают действовать разъятым образом. Их мир поделен на хорошее и плохое. Отбрасывать все, что есть в них плохого на кого-то другого позволяет им лучше чувствовать себя по жизни, обеспечивая в ней относительную стабильность.

7

Жертва

Жертва как объект ненависти перверса

Жертва является жертвой только потому, что она была намечена перверсом, становясь козлом отпущения и отвечая за любое зло. Отныне она будет мишенью насилия, охраняя своего агрессора от депрессии и причастности к злым деяниям.

Жертва как таковая вовсе не виновна в преступлении, за которое вынуждена платить; Тем не менее, она под подозрением даже свидетелей агрессии, ибо всё обставлено так, словно невиновность жертвы не стоит под вопросом. Воображают, будто она молчаливо со всем соглашается и сознательно или нет, но всё же причастна к этой агрессии.

Согласно Рене Жирану, еще в примитивных обществах в результате соперничества в человеческих группах возникали ситуации недифференцированного насилия, которые распространялись и передавались мимикой, жестами и находили свое разрешение в кризисе жертвоприношения, приводящего к исключению и даже умерщвлению человека или группы людей, заранее обозначенных в качестве виновников агрессии. Смерть козла отпущения влекла за собой «опорожнение» насилия и сакрализацию жертвы. В наше время жертвы уже не становятся священными и им положено слыть слабаками. Часто

приходится слышать, что если человек находится в положении жертвы, то это оттого, что он был предрасположен к этому из-за своих слабостей или недостатков. Мы увидим далее, что, напротив, жертвами избирают обычно за то, что в них есть бóльшего, чем у других, за то, что агрессор стремится себе присвоить.

Почему был избран именно этот человек в качестве жертвы?

Да потому, что он там находился и по какой-то причине стал мешать. В нём нет ничего специфичного для агрессора. Это заменяемый объект, бывший там в недобрый час, который имел несчастье позволить «прельщать» себя, а иногда даже за то, что был чересчур проницателен. Он представляет интерес для перверса только тогда, когда его можно использовать и когда он поддается обольщению. Объектом ненависти становятся тотчас же, как только начинают ускользать от влияния или когда больше нечего от него получить.

Тем не менее, агрессор избегает того, кто мог бы привести его к поражению. Вот почему он тщательно избегает конфронтации с другими нарциссическими перверсами или параноиками, слишком на него похожими.

Но когда перверс объединяется в группу с параноиками, это только увеличивает их разрушающий эффект для обозначенной жертвы. Это часто приходится наблюдать в группах учреждений и предприятий: забавнее презирать или насмехаться над кем-либо перед одобряющими зрителями! Даже не привлекая себе сообщников, нередко бывает, что перверсы используют молчаливое одобрение свидетелей, которых они вначале дестабилизировали, а затем более или менее успешно убедили в «виновности» жертвы.

Особенность атаки перверса заключается в том, что он целится в наиболее уязвимые места, где есть слабинка или какая-нибудь патология, а ведь у каждого индивида имеется слабая точка, которая может стать зацепкой для перверса. Как альпинист цепляется за трещины в скале, чтобы продвигаться к вершине, так и перверсы используют недостатки других. Они имеют очень развитое чутьё на слабые точки другого, где всего больше или легче ранить. Если этот недочет не признается другим за собою, нападение перверса явится болезненным откровением. Это может быть какой-нибудь признак, который стремятся свести к минимуму, но перверсная агрессия его только усиливает.

Перверсная агрессия вновь и вновь сталкивает свою жертву с недостатками близких и забытыми психотравмами детства. Она активизирует импульс смерти, существующий у каждого индивида в зародышевом состоянии. Перверсы выискивают в другом импульс

саморазрушения в зародыше, который достаточно затем активировать «коммуникацией», приводящей к потере душевного равновесия. Связь с нарциссическим перверсом работает по принципу негативного зеркала: прекрасный образ себя самого превращается в ненависть к другому.

Нет смысла говорить о том, что жертва – сообщник своего агрессора. При захвате влияния у нее не было психологических средств действовать иначе; так как она была парализована. Факт того, что она изначально пассивно принимала участие в процессе, никак не умаляет положения жертвы: «Если я и жила с человеком, который меня не любил, то это моя проблема; если я ничего «не замечала», когда он мне изменял, то это моя история. Однако затем неожиданно произошел разрыв, с которым было невозможно смириться. Даже если я теперь понимаю, что это состояние не было предназначено лично мне, я полагаю, что речь идет о страшной моральной агрессии и попытке психического убийства».

Жертва сама по себе не мазохистка и не депрессивна; перверсы пользуются лишь частичкой мазохизма или депрессии, действующих в ней.

Как отличить мазохистское потворство от депрессивного состояния, в которое вовлечена жертва перверса?

Не мазохизм ли это?

с. 168

Пропуск (не переведено со стр. 168 до с. 202) Вставка переведена !

В положении виновного жертвы чувствуют себя ответственными за то, во что превратились их отношения. Чувство вины жертвы агрессии совершенно не учитывает реальность: они впустили в себя ад, то, что их обижает.

Это ощущение вины часто усиливается окружением, которое, также пребывая в растерянности, редко способно поддержать без осуждений, делая дикие комментарии и толкования типа: «Ты должен/ должна быть более то-то или менее то-то !.. Ты разве не понимаешь что сама подливаешь масла в огонь? Если он таков, то потому, что ты его гладила против шерсти...».

Наше общество негативно относится к виновности: не подобает быть в этом состоянии, надо показать себя сильнейшим. Как говорится, не бывает дыма без огня, так и наше общество склонно полагать, что не

бывает без вины виноватого. В глазах внешних наблюдателей, перверсы заставляют отвечать жертву за её же вину.

Стресс

Принятие такого подчинения происходит ценой высокого внутреннего напряжения, позволяющего не вызывать у другого недовольства, успокаивать его, когда он раздражен и стараться не реагировать. Такое напряжение порождает стресс.

В стрессовой ситуации организм сам реагирует, приводя себя в состояние тревоги с выработкой *определенных гормонов*, подавлением иммунной системы и изменениями на нервно-нейронном уровне головного мозга. Поначалу речь идет о феномене адаптации, *позволяющем* противостоять агрессии, какого бы она ни была происхождения. Когда стресс дозирован и индивиду удается им управлять, всё быстро приходит *в норму*. Если ситуация затягивается или повторяется через короткие промежутки времени, превосходя адаптационные возможности человека, продолжается активация его нейроэндокринных систем. Продолжительность действия высокого уровня гормонов адаптации влечет за собой нарушения, способные перейти в хроническое течение.

Первыми признаками стресса, в зависимости от степени восприимчивости индивида, являются болезненное сердцебиение, чувства давления или стеснения, усталости, нарушения сна, нервозность, раздражительность, головные боли, нарушения пищеварения, боли в животе, а также психические проявления чувства тоски и тревоги.

Уязвимость *по отношению* к стрессу варьируется от одного лица к другому. Долгое время полагали, что это зависит от биологических и генетических *факторов*. Теперь известно, что подобная слабость может быть постепенным «приобретением» индивида, который хронически сталкивается с агрессией. Тем не менее, личности с импульсивным характером более подвержены стрессу, в то время как перверсы абсолютно *не стрессуются*. Например, это единственные, кто избежал послевоенного невроза по возвращении из жестоких сражений, таких, как война во Вьетнаме.

Агрессор избегает стресса или внутренних переживаний, делая другого ответственным за все эти беспорядки. Жертвы не имеют таких уловок, так как они не понимают, как осуществляется процесс: больше ничто не имеет смысла, говорится одно, а затем другое, очевидные вещи игнорируются. Они истощают себя ответами не впопад, только

усиливающими агрессию и приводящими к износу нервной системы, а затем и к нейровегетативным расстройствам.

Поскольку такое давление оказывается в течение длительного периода (месяцы, иногда и годы), сопротивляемость организма снижается и он не может избежать появления хронической тоски. Возникают различного рода функциональные и органические нарушения из-за резких нейрогормональных перебоев.

После целой серии неудач, жертвы приходят в уныние и уверены в новой неудаче, что только усиливает их стресс и тщетность попыток защитить себя.

Это хроническое состояние стресса способно привести к возникновению нарушений в виде всеобщей тоски, сопряженной с состояниями болезни, постоянного опасения, тревожных перебираний в памяти, которые трудно контролировать, к состоянию постоянной напряженности и сверхбдительности.

Страх

Достигая или нет своих целей, нарциссические перверсы вызывают в другом индивиде долю агрессии, которую они предпочли бы не знать.

На этой стадии все жертвы описывают ощущение страха. Они постоянно пребывают настороже, ловя взгляд другого или напряженность его жестов, ледяной тон, позволяющий маскировать неявную агрессию. Они опасаются реакции другого, его натянутости или холодности, а если они не вполне соответствуют тому, чего от них ожидают, - ранищих замечаний, сарказма, презрения, насмешки.

Покоряются терроризируемые жертвы или же, напротив, реагируют, - они в любом случае неправы. В первом случае сами перверсы, а, возможно и их окружение, скажут, что они являются прирожденными жертвами; во втором, - их *упрекну*т в агрессии и обвинят в ответственности за разрыв отношений, а также за то, что не все в порядке, впрочем, вопреки *истинному положению дел*.

Чтобы избежать такого насилия, жертвы стараются быть всё более и более любезными и уступчивыми. Они питают иллюзию, что эту ненависть можно было бы растворить в любви и доброжелательности. Это истолковывается в дурную сторону, так как, чем более великодушны с перверсом, тем более это выводит его из себя. Старание казаться доброжелательным означает только показать до какой степени находишься выше перверса в нравственном развитии, что, разумеется, только усиливает его жестокость.

Перверсов радуется, когда ненависть возвращается обратно к агрессору: это их оправдывает: «Это не я ее/ его ненавижу, это она/ он меня сам (а) ненавидит!».

Изоляция

Сталкиваясь со всем этим, жертвы чувствуют себя в одиночестве.

Как рассказать об этом окружающим? Подпольное разрушение словами не объяснить. Как описать взгляд, полный ненависти, жестокость и насилие, проявляемые только намеком или недосказанностью? При этом насилие проявляется только по отношению к *преследуемому*. Как могут друзья представить то, что происходит? Даже когда они и узнают правду о нападениях, они только ужаснутся или будут в замешательстве. Вообще окружение, даже самое близкое, соблюдает дистанцию: «Нам не хочется в это вмешиваться!»

Жертвы сомневаются в собственной способности правильного восприятия, не вполне уверены в том, что всё не преувеличивают. Когда агрессия происходит перед свидетелями, случается, что жертвы, часто покрывающие своего агрессора, находят реакцию близких чрезмерной и оказываются в парадоксальной ситуации, защищая того, кто на них <жертв> нападает, чтобы не подливать масла в огонь.

БОЛЕЕ ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Шок

Шок случается тогда, когда жертвы осознают факт агрессии. До сей поры они не были подозрительными, они, вероятно, были слишком доверчивы. Даже если окружающие люди укоряли их в покорности или слишком большой терпимости по отношению к слишком явному проявлению неуважения, они бы отказались это *признать*. Внезапно они понимают, что были игрушкой *манипуляций*.

Они признают себя растерянными, уязвленными. Всё рушится. Величина травматизма обуславливается эффектом неожиданности и неподготовленности, как следствие засилия. Во время эмоционального шока происходит смешение <чувств> боли и тоски. Это чувство насильного взлома, внезапного упадка сил, разгула <агрессии>.

падения и краха, которые некоторые жертвы сравнивают с физической агрессией: «Это как удар кинжалом!», «Он мне говорит ужасные *вещи* и у меня такое ощущение, будто бы я *поверженный* боксер, которого продолжают нещадно избивать!».

Как ни странно, можно редко наблюдать проявления гнева или возмущения, даже после принятия жертвой решения расстаться. Однако гнев *привел бы* к освобождению. Жертвы могут посетовать на несправедливость своей участи, но тем не менее, не могут позволить себе взбунтоваться. Гнев придет только позже, но чаще всего это будет гнев *дозированный*, а, следовательно, неэффективный, чтобы действительно испытать освободительный гнев, надо будет жертвам выйти из состояния захвата, засилия.

Когда они осознают манипуляцию, жертвы чувствуют себя обкраденными, подобно тому, кем овладели мошенническим способом. Всегда появляется одно и то же чувство, что с тобой плохо обошлись, обманули и не проявили должного уважения. Несколько позже они обнаруживают, что являются жертвами, с которыми «*поиграли*». Они теряют чувство собственного достоинства и самоуважения.. Они стыдятся тех реакций, которые вызывала в них эта манипуляция: «Я *должен был/ должна была* реагировать еще раньше!», «Почему я ничего не замечал(а)?».

Стыд *порождается* осознанием своего патологического потворства, которое допустил проявление жестокость другого.

Тогда некоторые желают отомстить за себя, но чаще всего они ищут способы реабилитироваться и заставить признать их самоидентичность. Они еще надеются на извинения, которых им никогда не дождаться от своего агрессора. Если им удастся оправиться, то это происходит намного позднее, как и со стороны свидетелей или пассивных сообщников, которые присоединялись к агрессии, манипулируемые перверсом.

Декомпенсация

Жертвы, ослабленные во время фазы захвата, чувствуют себя непосредственно подвергнутыми агрессии. Способности индивида к сопротивлению неограниченны, они постепенно «*разъедаются*» и приводят к психологическому истощению. Сверх определенного количества стресса работа организма по адаптации не может больше продолжаться и *происходит* декомпенсация. Происходят нарушения более длительного характера.

Именно на стадии декомпенсации мы, психиатры, встречаемся с этими жертвами. Они находятся в состоянии генерализированной тревоги, психосоматических нарушений или же в депрессивном состоянии. У более импульсивных личностей декомпенсация может сопровождаться переходами к актам насилия, которые приводят в психиатрическую клинику. Нередко эти нарушения служат в глазах агрессора оправданием их моральному террору.

Удивительно то, что на этой стадии, когда мы видим работников, подвергающихся моральному террору на рабочем месте и предлагаем им приостановить работу, то они редко соглашаются: «Если я прекращу работу, будет еще хуже! Меня заставят за это заплатить!»: страх заставляет все принимать, как есть.

Это депрессивные состояния с истощением и переизбытком стресса. Жертвы чувствуют себя опустошенными, уставшими и обессиленными. Ничто их больше не интересует. Им трудно мыслить или сконцентрироваться даже в самой простой деятельности. Тогда могут появиться и суицидальные мысли. Очень высок риск в тот момент, когда они осознают, что были жертвой обмана и что ничто больше им не поможет утвердиться в собственных правах. Когда происходит самоубийство или есть попытка самоубийства, то это укрепляет перверсов в их уверенности в том, что другой «не в себе» и вообще «безумен» и что нападки, которым его до сих пор подвергали, были вполне оправданы.

Во время перверсной агрессии, агрессор всё делает так, чтобы показать свое всемогущество и демонстрировать строгую мораль и мудрость. Тем более велико разочарование для доверчивой жертвы. Вообще говоря, к жизненным событиям, способным вызвать депрессивное состояние, относятся не только опыт траура или разрыва, но также и *утрата* идеала или какой-либо сверхценной идеи. Их следствием являются чувства бесполезности, беспомощности и поражения. В значительно большей степени, чем трудная или опасная ситуация, велико испытание чувством поражения и беспомощности, унижения и того, что ты попал в расставленные сети, которые могут привести к депрессии.

В ситуации моральной травмы и многочисленных неудачных попыток прийти к диалогу и состоянию постоянной тревоги и поддерживаемой непрекращающейся агрессией приводит к хроническому ожиданию неприятностей, и увеличению употребления медикаментозных средств.

У других жертв ответ физиологичен и проявляется язвой желудка, сердечно-сосудистыми и кожными заболеваниями... Некоторые от

этого худеют, слабеют, *телесно* выражая свою реакцию на психологическую агрессию, которую они не осознают, но которая может довести их до разрушения самосознания. Психосоматические нарушения могут не быть прямым результатом агрессии, но возникать по факту невозможности реагировать: что бы он ни *делал*, он всегда не прав, что бы он ни *делал*, он всегда виновен.

Ко всему прочему добавим, что ответ или поведение, свойственные обычно «трудному» характеру, проистекают как прямой результат скрытой и коварной провокации. Это тщетные попытки заставить себя услышать, к примеру, - нервный срыв на публике или же переход к агрессивным действиям по отношению к агрессору. И всё это приводит к еще большему оправданию агрессии: «Я ведь вас предупреждал(а), - он/ она совсем больной/ больная!».

Известно, что импульсивная агрессивность, как и агрессивность *хищника*, могут привести к преступлению, связанному с насилием, но, похоже, что риск преступления с насилием значительно более высок у личностей импульсивного склада. Перверсы, чтобы доказать, что их жертва «плохая», идут на то, чтобы вызвать у них агрессию по отношению к себе. В фильме «Переход к действию» <режиссера Френсиса Жиро (1996) перверс манипулирует своим психоаналитиком, доведя его до убийства. Случается, что жертва поворачивает эту агрессию против самой себя, если самоубийство – единственно возможное решение, чтобы избавиться от своего агрессора.

Другое, часто игнорируемое последствие травмы моральной агрессии, - это диссоциация (Шпигель, 1993), которую можно описать, как распад личности (C.CLASSEN, C.KOOPMAN et D.SPIEGEL, “*Trauma and Dissociation*”, *Bulletin of the Menninger Clinic*, vol. 57, n°2, 1993). Она определена в DSM-IV, как появление нарушения, касающегося обычно интегрированных функций, - таких, как совесть, память, идентичность или восприятие *окружающего мира*. Это феномен защиты от страха, боли или беспомощности перед травмирующим событием, которое настолько чуждо тому, что можно себе представить, что у психики нет другого средства себе помочь, кроме как искажения или изгнания его из сознания. Диссоциация совершает разрыв между сносным и невыносимым, которое подлежит забвению, или амнезии. Она фильтрует опыт пережитого, таким способом приводя к облегчению и частичной защите.

Явление диссоциации способствует усилению захвата влияния перверсом и представляет определенную дополнительную трудность, о которой при терапии всегда необходимо помнить.

Разрыв

Перед лицом всё более явной опасности, жертвы могут реагировать двояко:

- подчиниться и принять господство, при этом агрессор отныне спокойно может продолжать свою разрушительную работу;
- бунтовать и сражаться, чтобы затем уйти.

Подверженные слишком большому или слишком давнему засилию, некоторые личности не способны ни бежать, ни бороться за себя. Иногда они приходят за консультацией к психотерапевту или психиатру, но при этом сразу же заявляют, что отказываются подвергать любому пересмотру свою позицию. Они хотят только «держать удар», переносить свою ситуацию порабощения без явных признаков и продолжать делать «хорошую мину» при плохой игре. Эти люди обычно предпочитают медикаментозное лечение, нежели длительную психотерапию. Однако при чередовании депрессивных состояний, может произойти чрезмерное употребление анксиолитиков или токсичных веществ и тогда психиатр будет вынужден снова предложить длительную психотерапию. Когда процесс моральной травмы запущен в ход, действительно, нередко бывает, что он заканчивается уходом жертвы и медикаменты тут не помогут её спасению.

Чаще всего жертвы реагируют, если они увидели насилие в действии на другой личности со стороны или же когда они сумели найти себе союзника или внешнюю поддержку.

Разрыв, если он становится возможен, то происходит по инициативе жертв и никогда – агрессоров. Этот процесс освобождения происходит болезненно и сопровождается чувством вины, так как нарциссические перверсы принимают позу покинутой жертвы и этим находят себе новый предлог для продолжения насилия. В процессе разрыва отношений перверсы всегда считают себя потерпевшей стороной и становятся преследователями, но теперь уже в судебном порядке. Они пользуются тем, что их жертва, желая побыстрее покончить с разбирательствами, по-прежнему готова на все уступки.

В супружеской паре шантаж и давление оказываются через детей, если они есть или же через судебные процедуры, касающиеся материального имущества. В профессиональной среде нередко случается так, что судебный процесс навязывается жертве, которая всегда в чем-то виновна, к примеру, в том, что взяла с собой какой-то важный документ. В любом случае, агрессор жалуется на то, что он

оскорблен и обижен, в то время, как именно жертва теряет всё, что ей дорого.

Ухудшение состояния

Даже если жертвы в итоге усилий по разрыву теряют всякий контакт с агрессором, невозможно отрицать трагические последствия перехода от такой жизни, где они были сведены к положению предмета, вещи. С этой поры любое воспоминание или новое событие примет другой смысл, связанный с предыдущим жизненным опытом.

Физическая удаленность от своего агрессора на первых порах представляет собой освобождение для их жертвы: «Наконец, я могу свободно дышать!» Пройдя фазу шока, вновь появляется интерес к работе, различным видам активного отдыха, всем вещам, которые до сих пор были заблокированы зависимостью. Однако, это не обходится без определенных трудностей.

Среди жертв моральной травли лишь некоторые выходят без психологических потерь, не считая неприятных воспоминаний, с которыми легко справиться. Это особенно верно по отношению к моральному преследованию внесемейного характера и кратковременного периода. Многие испытывают неприятные явления типа воспоминаний о травмирующей ситуации, но они это воспринимают нормально.

Попытки забвения зачастую приводят к психическим или соматическим нарушениям *отдаленного характера*, как если бы страдание обитало в чуждом психическом теле, активном и одновременно недоступном.

Пережитое насилие может оставить и благоприятные следы, совместимые с продолжением практически здоровой социальной жизни. Жертвы кажутся психически благополучными, однако сохраняются менее специфичные симптомы, которые *напоминают* попытку убрать внутрь пережитую агрессию. Это может быть общая тревожность, хроническая усталость, бессонница, головные боли, многочисленные боли или психосоматические нарушения (повышенное артериальное давление, экзема, гастро-дуоденальная язва...), но особенно часты *зависимости* (булимия, алкоголизм, токсикомания). Когда эти люди консультируются у своего терапевта, им выписывают по их просьбе симптоматические медикаменты или анксиолитики, так как жертва не делает никакой связи между пережитым насилием и данными нарушениями, и не говорит о них.

Бывает, что жертвы намного позднее жалуются на неконтролируемую агрессивность, которая является остаточным явлением того времени, когда они не могли себя защитить и которую можно интерпретировать, как переданное насилие.

У других жертв развивается целая серия симптомов, которые близки к определению пост-травматического стресса (DSM-IV). Это определение примерно соответствует прежнему европейскому определению «травматического невроза», развившегося из «невроза войны» в течение Первой мировой войны и изученной, в частности, американцами у бывших воинов Вьетнама (S.FERENCZI, *Psychanalyse des névroses de guerre (1918)*, in *Psychanalyse III, trad. fr., Payot, Paris, 1990*). Позднее этот диагноз использовался для описания психологических последствий природных катаклизмов или вооруженных нападений, изнасилований. Лишь недавно он стал использоваться для случаев супружеского насилия (M.A.Dutton et L.Goodman, *Post-traumatic Stress Disorder among Battered Women: Analysis of Legal Implication @ Behavioral Sciences and the Law, vol. 12, 215-234, 1994*).

Непривычно говорить о пост-травматическом стрессе в отношении жертв моральной перверсии, поскольку этот термин закреплен за людьми, вовлеченными в *события*, при которых была под угрозой безопасность других или собственная физическая безопасность. Тем не менее, генерал Крок, специалист по виктимологии во Франции, считает психологическими жертвами тех, кому угрожают, преследуют или тех, на которых клеветают и позорят (Crocq, *Les victimes psychiques, Victimologie, novembre 1994*).

Эти жертвы, как и жертвы войны, оказались в скрытом «осадном положении», которое их обязывало быть постоянно настороже.

Агрессии и унижения впечатываются в память и вновь переживаются в образах, мыслях, интенсивных и повторяющихся переживаниях, иногда среди дня с внезапным чувством непосредственной угрозы при похожей ситуации, либо во сне, вызывая бессонницу и ночные кошмары. Жертвам необходимо рассказать о травмирующих событиях прошлого, настоящего но всякий раз воспоминания приводят к психосоматическим проявлениям, тождественным страху. У них также бывают проблемы с памятью и концентрацией. Иногда они теряют аппетит или, наоборот, являют поведение страдающих бумилией, увеличивают потребление алкоголя или табака.

Значительно позднее страх столкновения с агрессором и воспоминание о травмирующей ситуации влекут за собой поведение

«избегания». Они проводят такую стратегию, которая позволяет им не думать о стрессующем событии и избегать всего того, что могло бы вызвать болезненные воспоминания. Эта отстраненность с целью «обойти» часть воспоминаний, иногда имеет следствием явное сужение интереса к некогда активной и важной деятельности или оскудению чувств. Одновременно продолжают сохраняться нейровегетативные признаки, - такие, как нарушения сна или повышенная тревожность.

Эти болезненные переживания описаны почти всеми людьми, бывшими жертвами морального террора. Некоторым из них удается от них избавиться, переключившись на внешнюю активность в профессиональной или общественной деятельности.

Со временем пережитой опыт не забывается, но им можно всё менее и менее делиться. Как могут жертвы рассказать десять или двадцать лет спустя, что они по-прежнему испытывают тоску, когда образы преследователей вновь встают перед ними?! Даже если они добились процветания, эти воспоминания способны привести к острому страданию. Годы спустя всё, что им более или менее напомним о пережитом, заставит их избегать некоторых персон, так как травматизм более, чем в других, развил у них способность опознавать малейшие отклонения в отношениях.

Для тех же, кто был мишенью на предприятии или учреждении, серьезность долговременных последствий часто обнаруживается тогда, когда после длительного перерыва в работе они явно лучше себя чувствуют и вдруг им предлагают снова выйти на работу. Тогда заметно появление прежних симптомов: приступы тоски, бессонница, черные мысли. Пациент *как бы* входит в спираль: рецидив, снова остановка работы <по больничному>, возобновление работы, рецидив... который может привести к утрате трудоспособности.

Случается также, когда жертвы не могут избавиться от засилия, жизнь замирает на этом травматизме: жизненный порыв угас, притупилась радость жизни и любая личная инициатива невозможна. Они пребывают в жалобах о том, что покинуты, обмануты и поруганы. Они <жертвы> становятся язвительными, обидчивыми и раздраженными, пребывая в <минорном> регистре социальной покинутости и горьких перебираний в памяти. Эти жертвы твердят одно и то же, что окружение плохо переносит: «Это старая история, тебе лучше подумать о чем-то другом!».

Однако, в семье или на предприятии/ учреждении, эти жертвы редко жаждут мести. Прежде всего им необходимо, чтобы признали то, чему они подвергались, даже если никогда невозможно полностью искупить несправедливость. На предприятии такое возмещение ущерба может

произойти в виде денежной компенсации, которая никоим образом не может возместить причиненный моральный ущерб. От агрессора по-настоящему перверсного, бесполезно ждать угрызений совести или сожаления: страдания других не значат ничего. Если и есть раскаяние, то оно исходит от окружающих, тех, кто был молчаливым свидетелем или сообщником, только они способны выразить свое сожаление и тем самым вернуть достоинство человеку, над которым несправедливо поиздевались!

10

Практические советы в супружеской паре и семье

Единожды столкнувшись с перверсом, выиграть невозможно. Но можно все же кое-что узнать для себя.

Чтобы защитить себя, у жертвы огромен соблазн воспользоваться теми же методами, что и агрессор. Однако положение жертвы означает быть наименее перверсным из двоих. Поскольку неизвестно, к чему это может привести, то мы настоятельно рекомендуем не пользоваться тем же оружием, что и противник. Реально можно прибегнуть только к букве закона.

Обнаружить

В первое время жертва должна уловить начало процесса перверсии, заключающемся в том, что ее всегда делают полностью ответственной за супружеский или семейный конфликт. Затем следует хладнокровно проанализировать проблему, оставив свою «виновность» в стороне. Для этого ей необходимо позабыть о своем идеале бесконечной терпимости и сказать себе, что тот, кого она любит или любила, представляет собой серьезную опасность для ее личности и что она должна от него защищаться. Матери должны научить определять людей, прямо или косвенно **токсичных** для их детей, что особенно нелегко, если речь заходит о близком родственнике.

Защита возможна только в случае выхода из-под влияния и согласившись с мыслью, что агрессор опасен и злонамерен, какие бы чувства выне питали к нему ранее или в данный момент.

Если жертва не вступает в перверсную игру, то это вызывает у агрессора преувеличенную агрессию, приводящую его к промаху.

С этого момента необходимо опираться на стратегию перверса, чтобы тот попался в собственные сети. Означает ли это, что для защиты необходимо также использовать маневры перверса? В этом состоит опасность, которую необходимо избегать любой ценой. Конечная цель перверса состоит в том, чтобы сделать другого таким же перверсом, чтобы и он стал «плохим». При этом главная и единственная победа жертвы заключается в том, чтобы не стать таким же перверсом и не нападать, в свою очередь. При этом важно знать тактику и ход действий перверса, чтобы разрушить планы агрессии.

Основное правило при моральном терроре перверса, - это перестать оправдываться. Искушение велико, поскольку **речь перверса изобилует ложью, изрекаемой с величайшим убеждением.** Любое объяснение или оправдание может заставить жертву еще больше погрязнуть или запутаться. Любая неточность или ошибка с ее стороны, даже сказанная из прямотуши, могут быть использованы против нее самой. Начиная с момента нахождения на «линии прицела» у перверса, всё может пойти ему на пользу. **Лучше всего хранить молчание.**

Для перверса собеседник всегда неправ или, по крайней мере, всё сказанное сомнительно; жертве приписываются злые намерения, «в её словах одна ложь», так как перверсы не могут себе и представить, как можно не лгать.

Предшествующие процессу этапы позволили жертве убедиться в **бессмысленности любого диалога и объяснений.** Если же такой обмен неизбежен, то он должен осуществляться через третье лицо. В случае прямого контакта необходимо, прежде чем дать ответ, дать себе возможность хорошо его обдумать.

При разрыве отношений, если моральное преследование совершается по телефону, всегда можно поменять номер или фильтровать вызовы автоответчиком. Что касается оскорбительной и обидной корреспонденции, то необходимо, чтобы ее открывал кто-то другой, так как письма перверсов вновь и вновь выводят жертву из душевного равновесия, снова привнося в небольших дозах, но все же яд и страдание.

Действовать

Если по мере захвата влияния и власти жертва выказывала до определенного момента свою покорность, то ей необходимо сменить стратегию и действовать твердо, не боясь прямого конфликта. Ее

решимость приведет перверса к саморазоблачению. Вначале всякая смена позиции со стороны жертвы провоцирует поток агрессии и провокаций. Перверс будет стараться все больше ее обвинять: «Определенно, в тебе нисколько нет сострадания!», «С тобой невозможно разговаривать!». Из неподвижной жертвы она должна стать помехой агрессии набирать обороты. Будучи у истока кризиса, она может п о к а з а т ь с я агрессором, но это единственно правильный выбор, так как только он способен привести к переменам. Кризис, подобно прыжку, позволяет избежать смертельного захвата и способствует самовозрождению. Это единственно верный вариант решения или, по крайней мере, урегулирования проблемы. Чем более он будет затянут, тем сильнее будет взрыв.

Психологическое сопротивление

Прежде всего для этого необходимо заручиться поддержкой. Иногда бывает достаточно одного человека из окружения, которому доверяют, чтобы жертва вновь обрела уверенность в себе. При этом надо остерегаться советов друзей семьи, любого другого человека, пытавшегося стать посредником, поскольку непосредственное окружение не способно быть нейтральным и объективным. Впрочем, перверсные семейные агрессии позволяют быстро распознать верных друзей. Некоторые, только кажущиеся «близкими» люди, позволяют собой манипулировать, выказывая недоверие или упреки. Другие, не понимающие ситуации, предпочитают ускользнуть. Единственно стоящая поддержка может быть от тех, кто всегда рядом и кто не осудит: это те, что остаются верны себе, что бы ни случилось.

Заставить правосудие вмешаться

Иногда кризис может разрешиться только благодаря правосудию. Взгляд со стороны позволяет уяснить многие вещи и сказать «нет» происходящей агрессии.

Следует помнить, что суждение выносится только на основе доказательств. У избитой женщины можно констатировать следы побоев и если она защищается, то скажут, что она находилась в состоянии законной защиты. Униженную и оскорбляемую женщину почти не слушают, поскольку у нее нет на то доказательств.

Если женщина-жертва решила порвать со своим агрессивным супругом, то ей надо найти способ, чтобы агрессия происходила в присутствии третьих лиц, которые могли бы свидетельствовать. Она

должна также сохранить все письменные свидетельства насилия. Дискредитация, обесценивание, уклонение от обязанностей, если они доказуемы, являются основанием для развода. Преследование по телефону также является юридическим правонарушением. Согласно решению прокурора республики, возможно установление прослушки для отслеживания исходящих звонков. Проблема усложняется, если люди неженаты и тогда полиция может вмешаться по судебному постановлению только в случае перехода агрессии в грубые правонарушения.

Жертвы не решаются подать жалобу, если у них самих было агрессивное поведение. Однако провоцирующие факторы (например, оскорбление) могут снять квалификацию правонарушения. Суд признает, что насилие жертвы было оправдано оскорблениями со стороны партнера.

Судьи проявляют осторожность по отношению к манипуляциям перверсов. Они сами опасаются стать жертвой манипуляций, заботясь о примирении любой ценой. Защищая себя от обеих сторон, они оказывают порой слишком запоздалое посредничество. Тогда из-за невольного сообщничества арбитров получает дальнейшее развитие скрытая коварная дискредитация, состоящая в признании полной вины жертвы. Напрасны надежды наладить подлинный диалог с перверсом, так как он всегда может оказаться более ловким и использовать посредников, чтобы уронить партнера в глазах окружающих. Примирение не должно состояться в ущерб пострадавшей стороне: жертва уже достаточно перенесла и не надо думать, что она снова пойдет на уступки.

Единственное средство защитить жертву и помешать ей реагировать на прямые и косвенные провокации, – это следовать жестким юридическим инструкциям и постановлениям, а также избегать любого контакта между двумя сторонами и надеяться на то, что однажды перверс найдет себе следующую жертву и этим ослабит свое давление.

Если есть дети, особенно если они сами являются объектом манипуляций, жертва должна вначале спастись сама, чтобы затем суметь защитить детей от перверсной связи. На это иногда необходимо идти вопреки сдержанной позиции детей, которые предпочитают, чтобы оставалось всё, как есть. Дело юстиции, – принять меры по защите от контактов, которые могут активировать перверсную атаку.

Практические советы работникам предприятий и учреждений

Обнаружить

Прежде всего важно вовремя уловить начало морального террора и, если возможно, здраво его проанализировать. Если чувствуется посягательство на личное достоинство или психическую целостность сотрудника из-за враждебного отношения к нему одного или нескольких лиц и происходит это регулярно и длительно, то можно полагать, что речь, действительно, идет о моральном терроре.

В идеале жертве нужно начать реагировать как можно раньше, до того, как она «погрязнет» в ситуации и когда нет иного выхода, чем уход с занимаемого места.

С этих пор важно записывать любую форму провокации или любой вид агрессии, так как, подобно психологическому террору в семье, трудность самозащиты заключается в том, что редко можно привести явные доказательства.

Следовательно, жертва должна собирать все признаки и следы, записывать оскорбления, делать ксерокопии всего того, что в любой момент может послужить защите.

Желательно было бы также заручиться поддержкой свидетелей. К сожалению, в результате давления, коллеги зачастую не проявляют солидарности с преследуемой личностью из страха репрессий. К тому же, когда преследователь за кого-то принимается, то другие могут быть спокойны и предпочитают проявлять сдержанность в этом вопросе. Тем не менее, *достаточно даже одного свидетельства*, чтобы поверить утверждениям и ссылкам жертвы.

Найти помощь на предприятии или учреждении

Пока еще находишься в состоянии противостояния, необходимо заручиться поддержкой внутри самой организации. Очень часто работники реагируют только во время уже начатой процедуры увольнения. Эти поиски не всегда легки, поскольку ситуация зашла так далеко оттого, что вышестоящий ответственный работник, даже не будучи движущей силой этого процесса, не сумел отреагировать

должным образом. Если такая моральная поддержка не может быть получена на своей службе, то ее стоит поискать в других организациях.

На каждом этапе поиска помощи внутри предприятия служащий может избежать морального преследования, если у него есть возможность найти хотя бы собеседника, умеющего слушать. Но если преследование уже налажено, то это произошло оттого, что ему с таким собеседником не повезло.

Если учреждение или предприятие достаточно велики, сначала следует обратиться в Отдел Кадров. К сожалению, некоторые ОК являются всего лишь «начальством персонала» и, безусловно, могут быть эффективны в профессиональной технике руководства, расчете и правах работников. Однако у них нет ни времени, ни желания посвящать себя во взаимоотношения сотрудников. На предприятии от всех требуется прежде всего результат, включая сам Отдел Кадров. Среди задач последнего большое место занимают цифровые показатели. Все, что имеет отношение к выслушиванию и участию, в собственно говоря, человеческих взаимоотношениях, не поддается цифровому учету и контролю и с трудом вписывается в рабочее расписание. Поэтому, вполне может случиться, что их в принципе всё это не интересует.

Если начальник Отдела Кадров ничего не смог или не захотел сделать, то настал момент обратиться к врачу предприятия. Тот вначале может помочь жертве правильно сформулировать проблему, затем официально констатировать факт на рабочем месте и во время посещения врача. Затем он способен дать понять работникам и ответственным лицам о серьезных последствиях ситуации психологического насилия.

Такая посредническая работа возможна лишь в случае доверия к данной службе на предприятии и учреждении и только тогда, если хорошо известны все действующие лица. В большинстве же случаев врач предприятия слишком поздно контактирует с психологически дестабилизированным работником и может его защитить, лишь поставив на медицинский учет и дав больничный лист. Положение врача предприятия затруднительно, так как он делает также медицинские заключения о профпригодности, которые могут иметь тяжелые последствия для работника. Многие из работников также опасаются визитов к нему, так как знают, что он всего лишь такой же служащий, как и другие. Нельзя быть уверенным в объективности его мнения по отношению к предприятию, где сотрудников психологически преследуют и где вообще допускается подобное преследование.

Психологическое сопротивление

Чтобы защищаться на равных, прежде всего надо быть в хорошей психологической форме. Мы уже видели, что первая фаза морального террора состоит в дестабилизации жертвы. Следовательно, ему необходима консультация у психолога или психотерапевта для того, чтобы сохранить силы и энергию, которые позволят защититься. Чтобы уменьшить стресс и его вредоносное последствие для здоровья, единственно правильным решением будет приостановить работу. Но многие жертвы вначале отказываются это делать, опасаясь осложнения конфликта. Если личность доведена до депрессии, то ей реально необходима медикаментозная помощь в виде анксиолитиков и антидепрессантов.

Сотрудник должен выходить на работу только тогда, когда он будет в состоянии себя защитить, иначе это может привести к относительно долгому перерыву в работе (порой до нескольких месяцев), который имеет все шансы перерасти в длительный отпуск по болезни. Психологические службы и медицинские консультанты социальной службы берут, таким образом, на себя защиту жертв и улаживание профессиональных проблем, в то время как проблемы могут и должны быть решены юридическим путем.

Жертва терпит крах. Лечащий врач дает больничный из-за депрессии, что устраивает и агрессора, и предприятие. Когда жертва сообщает об окончании своего отпуска по болезни, дирекция ей советует продолжить отпуск. Врач отказывает по причине того, что проблема возникает на рабочем месте и должна быть улажена между работником и предприятием. В результате жертва возобновляет работу и слышит упреки в том, что не довела лечение до конца.

Другая жертва, изводимая несколько месяцев подряд своим патроном, ушла в отпуск на больничный из-за депрессии. При каждой попытке выйти на работу, она вновь впадает в депрессию. Патрон ведет себя настолько угрожающим образом, что она подает на него жалобу. Чтобы избежать приговора экспертов, - членов примирительной комиссии, патрон принимает решение уволить свою служащую, но тянет с оформлением увольнения. Жертва, все еще находясь в больничном отпуске, выздоравливает. Надо ли заставлять ее снова выйти на работу, при условии ее официального увольнения? Медицинский консультант, приглашенный вынести решение,

постановил, что такой необходимости нет. Он предпочел, чтобы жертва продлила свой отпуск до самого увольнения.

Учитывая, что игра преследователя состоит в совершении провокаций для того, чтобы заставить жертву совершить промах, разозлив или расстроив ее, жертва должна научиться оказывать сопротивление. В данной ситуации гораздо легче покориться, нежели сопротивляться под риском нового конфликта. Что бы они ни испытывали, я советую жертвам выказывать безразличие, улыбаться и отвечать с юмором, не допуская в нем иронии. Они должны оставаться невозмутимыми и никогда не вступать в игру, навязанную агрессором. Им надо не обращать внимания на то, что говорят, не нервничать, но записывать при этом каждый выпад агрессии с тем, чтобы подготовить свою защиту.

Чтобы избежать профессиональной ошибки, жертва должна быть безупречна. Действительно, даже если преследователь не относится к вышестоящему начальству, она находится как бы под лучами прожекторов: за ней наблюдают, чтобы понять происходящее. Малейшее опоздание, малейший недочет будут считаться доказательством ее ответственности за процесс травли.

Хорошо было бы научиться осторожности и закрывать рабочие ящики на ключ, уносить с собой записную книжку с профессиональными записями или важное досье, над которым работаешь, даже в обеденный перерыв. Конечно, для жертв это кажется отвратительным. Но это часто происходит, когда ситуация непоправима и когда жертвы готовят досье для экспертов, за помощью к которым они обратились.

Чтобы вновь обрести самостоятельное и критическое мышление, жертвы должны принять для себя новую сетку коммуникации, что-то наподобие систематического фильтра, который позволил бы направить действительность в правильное русло; это означает воспринимать речевые послы в буквальном смысле, а при необходимости уточнять и отказываться понимать разные намеки и недоговоренности.

Это предполагает, что преследуемая личность способна сохранять свое х л а д н о к р о в и е. Она должна научиться н е о б р а щ а т ь в н и м а н и я на провокации агрессора. Особенно трудно не реагировать тому, кто был избран жертвой за свою импульсивность и непосредственность. Поэтому жертва должна выйти за пределы привычных схем поведения, научиться сдерживаться в *ожидании своего часа*. Важно, чтобы она сохраняла убеждение в своей правоте и что *рано или поздно* ей удастся заставить себя услышать.

Действовать

Вопреки моим советам, касающимся семьи, где необходимо перестать оправдываться, то, чтобы выйти из-под захвата влияния в профессиональной сфере, необходимо быть чрезвычайно пунктуальным в противостоянии перверсному общению. Необходимо предвзятать агрессию, убедившись в том, что нет никакой двусмысленности в распоряжениях и приказах, устраняя неточности и выясняя пункты, вызывающие сомнение. Если таковые сохраняются, то работник должен просить о дополнительном собеседовании, чтобы получить объяснения. В случае отказа, без колебаний требуйте этого заказным письмом. Эта переписка сможет служить доказательством отсутствия диалога в случае конфликта. Лучше прослыть патологически недоверчивой личностью и даже заполучить имидж параноика, чем дать застать себя врасплох. Неплохо сработало бы обратное: жертва беспокоит своего агрессора, давая ему понять, что отныне ему это не пройдет. Обычно, это происходит тогда, когда жертва констатирует отсутствие любых предложений по решению проблемы и если она предполагает увольнение или же рассматривает вариант ухода в отставку, и тогда жертва обращается в профком или к представителям администрации. Но надо знать, что если о ситуации преследования сообщается в профсоюзы, то конфликт перерастает в открытый. Вмешательство профсоюзных комитетов заключается тогда в том, чтобы обговорить условия увольнения. На этом этапе очень трудно заручиться их посредничеством, поскольку представители профсоюзного персонала выполняют, скорее, роль предъявителя требований, нежели выслушивания и посредничества. Закон допускает присутствие кого-либо по выбору на беседе, предваряющей увольнение. Это может быть представитель профсоюзов, если таковые имеются на предприятии или же советник по делам бюджетных служащих. Советники по делам бюджетных работников, - это независимые сотрудники профсоюзов, чей список находится в мэрии или префектуре; они на добровольной основе защищают работников мелких структур. При моральном терроре и преследованиях важно, чтобы сопровождающий был доверенным лицом, о котором а priori известно, что он не даст собой манипулировать.

Уволиться означает дать одержать агрессору слишком легкую победу. Если жертва и должна уйти, то на этой стадии охраны ее безопасности она должна добиться, чтобы ее уход происходил в корректной обстановке.

Если не существует реального мотива для ее увольнения по причине зафиксированной профессиональной ошибки, то работодатель может уволить за несовместимость. Этот мотив используется крайне редко, поскольку он должен быть подкреплен рядом фактов и к тому же очень точных, иначе он может быть отклонен судом экспертов, особенно если работник долго служит на предприятии или учреждении. Если же моральный террор не был прекращен работодателем, маловероятно, что именно он затем предложит примирительную сделку. Работник это должен делать при участии профсоюзов или адвоката.

Заставить вмешаться правосудию

Моральный террор

К сожалению, в юридическом арсенале не существует пробел законов, пресекающих моральный террор и оттого очень трудно воздействовать на работодателя с юридической точки зрения. В любом случае предприятие это долгое и многотрудное.

В резолюции, принятой Ассамблеей ООН, в Приложении к Декларации фундаментальных принципов правосудия по отношению к жертвам преступности и жертвам злоупотребления властью, жертвами злоупотребления властью могут считаться следующие: «Под жертвой подразумеваются лица, которым коллективно или индивидуально нанесли моральный ущерб в виде посягательства на духовную или физическую целостность, нравственного страдания или же материальной потери или серьезного посягательства на фундаментальные права в силу деяний и поступков, которые, не представляя собой нарушения Уголовного Кодекса, являются, тем не менее, нарушениями международно признанных норм по правам человека».

Трудовой Законодательный кодекс Франции не предусматривает какой-либо защиты жертв морального преследования. Там есть только расплывчатый термин «недолжное поведение» в качестве комментария к статьям закона о дисциплинарной власти работодателя: «В принципе поведение в личной жизни работника, не подлежит приговору суда». Иное дело, если названные факты способны создавать обстановку растерянности в коллективе. Так, увольнение вполне оправдано в случае серьезного проступка работника, постоянно демонстрирующего развязное поведение по отношению к своим коллегам-женщинам.

В Швеции моральный террор на предприятии считается преступлением с 1993 года. Он признан таковым также в Германии, США, Италии и Австралии. В Швейцарии в рамках частных предприятий применяется федеральный закон о труде, касающийся мер по гигиене труда и защите здоровья, а также статья № 328 Кодекса обязательств, касающаяся защиты личности работника или работницы: «Работодатель обязан принять все необходимые меры с тем, чтобы обеспечить и улучшить здоровье и гарантировать физическое и психическое здоровье работников [...]. Борьба с преследованиями должна стать частью этих мер, поскольку подобное преследование представляет опасность для физического и психического здоровья терроризируемой личности».

Однако если агрессором является сам руководитель, который систематически использует перверсно-превратные способы с целью терроризировать одного из своих сотрудников, тем более, если были факты физического или сексуального насилия, то такого руководителя надо остановить, используя закон. Эти агрессоры, которые не смеют напрямик выступить против своего служащего, тем более не осмеливаются столкнуться с правосудием. Они страшатся его и поэтому обсуждают возможность увольнения преследуемого лица. На деле перверсы опасаются судебных процессов, которые могли бы публично доказать злонамеренность их действий. Вначале они пытаются заставить замолчать свои жертвы с помощью запугивания, а если этого недостаточно, то сами становятся в позу жертвы «хитрого», «изворотливого» служащего.

Моральная перверсия, или извращение обладает таким потенциалом вредоносности, что ее трудно сдерживать в определенных рамках. Если вначале отдельные лица, а затем и предприятия в целом, не могут решить, где пролегают границы вежливости и уважения к другому, то необходимо создать законы о моральном терроре в учреждениях и на предприятиях, как это уже было сделано по поводу сексуального преследования.

Насколько известно, в настоящее время не существует ассоциации по специфической помощи жертвам такого вида террора, которой могли бы попытаться дать совет. Единственная AVFT (Европейская ассоциация по борьбе с насилием женщины на рабочем месте) поддерживает людей независимо от их пола, являющихся жертвами дискриминации и сексуального насилия на рабочем месте (AVFT, BP 108, 75561 Paris Cedex 12. Tél.: 01 45 24 24).

Сексуальное насилие

Начиная с 1992 года, сексуальное преследование уголовно наказуемо и является нарушением Рабочего Законодательства. Закон запрещает, чтобы работник был утвержден или уволен за отказ содействия преследователям сексуального характера.

Статья № 21 Рабочего Законодательства о сексуальном преследовании рассматривает его как злоупотребление властью: «Ни один служащий не может быть ни назначен, ни уволен за оказание или отказ действий по преследованию со стороны работодателя или любой другой персоны, которые злоупотребляют властью: приказывают, произносят угрозы, налагают обязательства или оказывают давление разного порядка на работника с целью завоевания его благосклонности сексуального плана в свою пользу или в пользу третьего лица».

Из этого видно, что законодательство запрещает лишь одну форму насилия, - сексуальное преследование. Следовательно, эта форма насилия должна быть пресечена сама по себе, а не по отношению к вышестоящей власти и угрозам преследования.

Начать подобную процедуру во Франции означает пройти тяжкий путь настоящего сражения, так как жертвам противостоит многочисленное сопротивление или блокировка. Преследование даже сексуального плана и даже доказуемое не принимается во внимание. Как недавно в случаях сексуальной агрессии, сопротивление выражается в отказе зарегистрировать жалобу полицейскими или жандармами, так как им это непривычно или же при отрицании факта служащими судебного ведомства. Эти досье часто квалифицируются как «нераскрытые».

Проблема сексуального преследования принимает глобальный характер. В Японии растет число жалоб на сексуальные домогательства. Дело осложняется тем, что в этой стране есть обычай, чтобы женщины – штатные сотрудники приглашали важных клиентов в бары, шикарные рестораны или даже в по rap clubs (бары, где у официанток нет белья под мини-юбкой). Новый закон о равенстве полов на рабочем месте, вошедший в силу в апреле 1999 года, предусматривает меры против вышеназванной практики. Вместо того, чтобы посмеиваться над американскими процессами по поводу сексуального преследования, стоило бы наладить тактику превентивных мер, вмняя в обязанность уважение к любому человеку на его рабочем месте.

Организация профилактических мер

Террор проявляется там, где невозможен диалог, где не слышат того, на кого совершают систематические нападки. Следовательно, принять профилактические меры, означает наладить диалог и подлинное общение. В этом случае решающую роль играет специалист по гигиене труда на предприятии и совместно с руководством он способен взять на себя инициативу в поиске решений. Комитет по гигиене, безопасности и условиям труда (CHSCT) существует на предприятиях, где есть более 50 работников. Туда могут обратиться вместе представители инспекции по труду, дирекция, сотрудники из персонала и ответственный врач предприятия. К сожалению, к этим инстанциям по согласованию чаще всего обращаются по поводу физических увечий или по вопросам соблюдения техники безопасности.

Затем превентивные меры касаются формирования ответственных лиц, призывая их учитывать не только рентабельность, но и самих членов персонала как индивидуальных личностей. На специальных курсах под руководством психологов или психиатров-специалистов в области виктимологии, можно было бы обучить их метакоммуникации, то есть невербальной или подтекстуальной коммуникации с тем, чтобы в дальнейшем они могли бы вмешаться еще до начала патологического процесса. Они смогли бы указать на то, что в другом может раздражать агрессора, а последнего заставить понять и «услышать» то, что думает и чувствует его жертва: когда процесс уже пошел, будет поздно. Профсоюзные работники умеют очень вовремя вмешаться, чтобы обговорить условия увольнения, но они менее расположены к пониманию межличностных отношений. Почему бы им не дать специальную подготовку и научить инструментарию межличностных связей так, как это начали делать для DRH, чтобы они могли оказать помощь при разладе на предприятии, а не только во время увольнения.

Желательно, чтобы во внутреннем Уставе и в коллективных договорах были учтены пункты, защищающие от морального террора и чтобы четкие юридические нормы по поводу морального преследования содержались бы во французском Трудовом Законодательстве.

Профилактика данного явления происходит прежде всего с помощью разъяснительной информации самим жертвам и другим работникам предприятий и учреждений. Надо, чтобы все знали о существовании этого явления, которое встречается нередко, а ведь его можно было бы избежать. В этом плане не стоит недооценивать роль масс-медиа в профилактике и распространении подобной информации.

Прежде всего только человек способен разобраться в межличностных связях и отношениях. Превратные ситуации

развиваются лишь в условиях их допущения и поощрения. Именно дирекция и администрация предприятий и учреждений способна и обязана сделать законом в своих структурах уважительное отношение к личности.

Путь к избавлению

Как мы видели, процесс морального насилия осуществляется настолько скрыто и коварно, что начало его трудно распознать и затем защититься. В одиночку это редко удастся. В случае явной агрессии часто бывает необходима психотерапевтическая помощь. Можно говорить о том, что есть психологическая агрессия, когда кто-либо унижает человеческое достоинство своим поведением. Жертвы не правы в том, что не распознали вовремя нарушения межличностных отношений и не сумели заставить себя уважать. Вместо этого они, как губки впитывали все агрессивные выпады. Следовательно, они должны определить для себя границы допустимого и тем самым обозначить предел дозволенного.

Выбор психотерапевта

Первым шагом к принятию жертвой активной позиции будет выбор психотерапевта. Для того, чтобы не попасть в зыбкую систему манипуляций, предпочтительно заручиться определенными гарантиями его образования. При сомнении стоит обратиться к другому психиатру или психологу, так как на сегодняшний день существует много новых видов терапии, внешне привлекательных и обещающих скорейшее выздоровление, однако их влияние близко к сектантскому. Во всяком случае, ни один серьезный терапевтический метод не подразумевает самоанализа пациента. Самое простое для жертвы агрессии, - это узнать адрес специалиста у какого-либо доверенного лица или у своего лечащего врача. Надо без колебаний встретиться с несколькими терапевтами, чтобы выбрать того, к кому чувствуешь наибольшее доверие. Только на основании собственного ощущения пациента можно судить о способности терапевта оказать ему помощь.

По отношению к пациентам, уязвленным в своем самолюбии, недопустим доброжелательный нейтралитет, близкий к холодному равнодушию некоторых психоаналитиков. Психоаналитик Ференчи, бывший одно время учеником и другом Фрейда, порвал с ним из-за травмативной техники его анализа. Он писал в 1932 году: «Ситуация психоанализа со скрытой за ней холодной сдержанностью, профессиональным двуличием и антипатией по отношению к пациенту, который всё чувствует каждой клеткой своего тела, не слишком

отличен от порядка вещей, ранее сделавшего его больным, то есть в детстве. Молчание психотерапевта подобно эху отказа агрессора от общения и ведет ко вторичной виктимизации» (S.Ferenczi, *Confusion de la langue entre les adultes et l'enfant (1932)*, in *Psychanalyse IV*, trad.fr., Payot, Paris, 1985).

«Взятие на себя ответственности за жертв перверсии неизбежно приводит нас к пересмотру знаний и терапевтических методов с тем, чтобы поставить себя на место жертвы, не полагая себя при этом всемогущими. Мы должны научиться думать вне всякой относительности и уверенности, посмев взять под сомнение фрейдистские догмы. Впрочем, большинство психоаналитиков, которые берут жертвы под свою ответственность, не следуют за Фрейдом в том, что касается реальности травмы: «Техника анализа, применяемая к жертвам, должна, таким образом, быть заново определена как учет психической реальности и реальности событийной. Первичность, признаваемая за внутренним конфликтом, в ущерб объективной реальности, объясняет незначительное место, уделяемое психоаналитиками в исследованиях по реальному травматизму и его психическим последствиям» (C.Damiani, *Les Victimes*, Bayard Éditions, Paris, 1997).

Психотерапевты должны доказать свою гибкость, изобретя новый способ работы, - более активный, более доброжелательный и стимулирующий. До той поры, пока личность не освободилась от захвата влияния перверса и речи не может быть о типичном психоаналитическом излечении от всего того, что приносит фрустрация и что могло бы оказать помощь пациенту. Последний лишь вновь окажется в ловушке, но теперь уже в другой.

Назвать перверсию

Важно, чтобы травматизм, произошедший в результате внешней агрессии, был бы признан терапевтом в качестве исходного момента. Пациентам бывает затруднительно вспомнить прошлые отношения из-за того, что они, с одной стороны, стараются предать их забвению, а с другой, - то, что они могли бы выразить словами, еще не осмыслено. Им нужно время и поддержка психотерапевта с тем, чтобы постепенно это сформулировать. Недоверие последнего представляет собой дополнительный фактор насилия, а молчание сможет сделать его воображаемым сообщником агрессора. Некоторые пациенты, пережившие ситуацию морального террора, говорят о том, что когда они пытались рассказать о нем психотерапевту, тот и слушать не хотел,

дав им понять бóльшую заинтересованность внутриспсихическими аспектами, нежели реально пережитым насилием.

Просто назвать перверсную манипуляцию, не способно заставить личность пересмотреть пережитое, но, позволит ей выйти из чувства виновности и непризнания себя как личности. **Снять с себя груз двусмысленности слов и недосказанности, означает получить доступ к свободе.** Для этого терапевт должен позволить жертве вновь обрести веру в себя. Какими бы ни были теоретические рекомендации психотерапевта, он должен чувствовать себя в достаточной мере свободным в их применении с тем, чтобы передать эту свободу своему пациенту и помочь ему избавиться от навязанного извне влияния.

Невозможно вылечить жертву морального или сексуального перверса без учёта всего контекста. Первоначально психотерапевт должен помочь своему пациенту выявить перверсную стратегию. Избегая при этом излишней невротизации, следует сформулировать её и отделить то, что вызвано уязвимостью самого пациента от того, что является реальным фактом внешней агрессии.

К пониманию перверсного характера связи должно быть добавлено осознание того, каким манером происходит захват влияния. Давая жертве средства распознать стратегию перверса, ей позволяют не дать агрессору вновь себя оболгать или разжалобить.

Надо также предоставить пациенту возможность словесно выразить свой гнев, на что он не был способен при захвате влияния в начале насилия, а также дать ему высказаться и испытать эмоции, бывшие до сих пор под запретом. Если пациент не находит нужных слов, ему следует помочь выразить свои чувства.

Как выйти из этого состояния

Когда начинается психотерапия в контексте морального террора, прежде всего следует не искать причины, почему пациент попал в такую ситуацию, а думать о том, как его немедленно из нее вывести.

Психотерапия, по крайней мере, поначалу, должна утешать и ободрять пациента, она должна позволить жертве выйти из состояния страха и чувства вины. Пациент должен четко ощущать, что рядом есть люди, желающие ему помочь и что его страдания безразличны. Улучшая психическое состояние жертвы и мобилизуя остаток её душевных сил, позволяют вновь обрести веру в себя, чтобы отринуть все то, что она считает для себя вредоносным. Подобное самосознание может произойти только в результате достаточно зрелого решения,

которое позволит противостоять агрессору, сказав твердое «нет» его насилию.

Когда перверсия будет обозначена, жертва должна будет переосмыслить события прошлого сообразно тому, что она уже узнала об агрессии против себя. Ее прежнее осмысление событий было неверным. Она уже собрала множество фактических данных, которые, будучи разрозненными, в свое время не были осознаны и которые стали понятными в свете логики перверса. Жертва должна иметь мужество вновь спросить себя, какой смысл имели то или иное слово или ситуация. Зачастую жертвы чувствовали, что то, что они позволяли говорить или делать, было нехорошо для нее самой, однако покорялись, имея в качестве морального критерия только собственные представления о происходящем.

Избавиться от чувства вины

Терапия ни в коем случае не должна приводить к усилению вины жертвы, делая ее ответственной за свою позицию. Она за нее не отвечает, однако берет на себя ответственность за создавшуюся ситуацию. До той поры, пока она не отошла от засилия перверса, жертва насилия пребывает в сомнениях и состоянии вины: «Чем вызвал(а) я эту агрессию?». Это состояние мешает ей развиваться и идти вперед, в особенности, как это часто бывает, если агрессор упорно заточен на психическую болезнь жертвы: «Ты сумасшедший/ сумасшедшая!» (ненормальный/ая, глупый/ая, больной/ая и т.п.).

Необходимо позаботиться о себе не потому, что он(она) это сказал(а) и не к удовольствию агрессора, а ради самого себя.

Американский психотерапевт Шпигель резюмирует следующим образом изменения, которым нужно подвергнуть методы традиционной психотерапии, чтобы приспособить их к жертвам насилия: «В традиционной психотерапии стараются привить пациенту бóльшую ответственность за жизненные проблемы, в то время как нужно помочь пациенту нести наименьшую ответственность за свой травматизм» (D.Spiegel, *Dissociation and Hypnosis in Post-traumatic Stress Disorders*, Journal of Traumatic Stress, 1, 17-33). Выход из состояния вины позволяет пересмотреть свое страдание, но это будет потом, когда оно отойдет на задний план, когда будет обретен опыт душевного исцеления. Только тогда можно будет вернуться к своей личной истории и попытаться понять, что позволило вступить в этот вид деструктивных отношений и почему жертва не сумела защитить себя.

Надо жить полнокровной жизнью, чтобы суметь ответить на подобные вопросы.

Психотерапия, ориентированная только на внутреннюю психологию, способна привести жертву насилия только к многократному переживанию травмы или же замкнет ее в рамках депрессии и самообвинения, возлагая еще большую ответственность за процесс, на деле предполагающий участие двух личностей. Опасно вести поиск только в пределах истории пережитого травматизма, способного дать линейное и причинное объяснение страданиям в настоящем; это предполагает личную ответственность жертвы морального террора за свое несчастье. Тем не менее, некоторые психоаналитики отказываются дать какую-либо моральную оценку поведению или отдельным моментам действий перверсов, которые уютно располагаясь на диванах психотерапевтов, представляют собой несчастье для других. Все они одинаково отрицают всю тяжесть травматизма жертвы насилия, позволяя себе иронизировать по поводу их переживаний. Недавно психоаналитики при обсуждении травматизма и его субъективных последствий показали, как под вывеской теоретических познаний, они способны заново унижить жертву с тем, чтобы сделать ее ответственной за свою позицию. Относя все за счет мазохизма, то есть активного поиска страданий и поражения, они взяли под прицел безответственность жертвы по отношению к тому, что ее уничтожает, а также ее «удовольствие» видеть себя жертвой. Те же психоаналитики сомневались в ее невинности, аргументируя тем, что есть некий комфорт в позиции жертвы насилия.

Даже если некоторые пункты приемлемы, подобное рассуждение не представляется здравым, как и ход мыслей самого перверса, поскольку ни на одно мгновение это не предполагает уважения к жертве. Не подлежит сомнению тот факт, что моральный террор предполагает травму, за которой следует страдание. При любом травматизме существует риск фиксации на определенной болевой точке, которая препятствует избавлению от нее жертвы насилия. Тогда конфликт становится единственной темой размышления жертвы и доминирует над всем ее мышлением, - в особенности, если ее некому выслушать и она находится в одиночестве. Интерпретировать синдром повторного болезненного эпизода как некое удовлетворение, как это часто бывает, - означает повторение травматизма. Необходимо вначале бинтовать раны, обработка их возможна только позднее, когда пациент будет в состоянии подключить своё критическое мышление.

Как может униженная личность довериться психоаналитикам, которые умеют прекрасно теоретизировать без тени сочувствия и доброжелательности по отношению к жертве насилия?

Покончить со страданием

Определенную трудность представляют случаи с личностями, которые с детства находились под властным влиянием и претерпевали скрытое насилие. Дело в том, что они не способны существовать иначе и этим производят впечатление привязанности к своему страданию. Психоаналитики зачастую интерпретируют это, как мазохизм. «Все представляется таким манером, будто основа страдания и *внутреннего разлада* была обнаружена с помощью анализа и что для пациента они представляют базовую ценность, отказ от которой равносителен потере самоидентификации» (F.Roustang, *Comment faire rire un paranoïaque*, *op.cit.*)

Связь со страданием соответствует связям, образованным с другими в страданиях и огорчениях. Если связи делают из нас человеческую личность, то нам невозможно их отринуть, одновременно не расставшись с этими личностями. Это означает, что любят не страдание само по себе, что было бы мазохизмом, но любят весь контекст, в котором обретен наш первый жизненный опыт.

Представляется опасным желать скорейшей сенсбилизации пациента по отношению к его психическому развитию, даже если известно, что если он и попал под воздействие насилия, то зачастую оттого, что он испытывал в детстве связанную с ним определенную радость. Перверс с большой долей интуиции «цепляется» за эти изъяны детства. Возможно лишь подвести пациента к тому, что есть незримые связи между недавней ситуацией и предыдущими душевными ранами. Это можно сделать только тогда, когда есть твердая уверенность в том, что пациент вышел из-под порочного влияния и достаточно окреп, чтобы нести свою долю ответственности, не впадая в патологическое самообвинение.

Невольные и вторгшиеся извне воспоминания представляют своего рода повторенный травматизм. Чтобы избежать ужаса, связанного с пережитым насилием, его жертвы пытаются контролировать свои эмоции. Для того, чтобы занять позицию человека, возобновляющего нормальную жизнь, они должны принять свою скорбь, зная, что мгновенно она не исчезнет. Действительно, им нужно отступить и принять свое бессилие что-либо изменить, совершая настоящий труд переживания *скорби, траура*. Тогда они способны принять свои

чувства и признать свои страдания, как часть самих себя, достойную уважения и способную бесстрашно смотреть на свою рану. Только такое восприятие позволяет остановить стенания или перестать прятать от самого себя свое болезненное состояние.

Если жертва насилия пользуется доверием, то она сможет поделиться воспоминаниями о перенесенном насилии и своих реакциях и, пересмотрев ситуацию, увидеть, какую долю она сама внесла в эту агрессию, чем она вооружила агрессора против самой себя. Ей больше не требуется избегать своих воспоминаний, жертва сможет принять их, имея новую перспективу.

Исцеление

Исцелиться означает суметь собраться в единое целое из разрозненных частей и восстановить душевное «кровообращение». Психотерапия призвана помочь жертве насилия осознать, что она несводима целиком к своей позиции жертвы. Если опираться на прочный стержень, то мазохистская часть личности, удерживавшая, возможно, ее в путях насилия, отпадает сама собой. Согласно Полю Рикёр, работа по исцелению берет свое начало в сфере памяти и завершается в сфере забвения. По его мнению, можно страдать избытком памяти и быть преследуемым воспоминаниями о перенесенном унижении или же, напротив, страдать недостатком памяти, избегая, таким образом, свое собственное прошлое (P.Ricoeur, *Le pardon peut-il guérir?*, Esprit, mars-avril 1995).

Пациент должен признать свое страдание, как часть самого себя, достойную уважения и способную ему помочь в построении будущего. Он должен бесстрашно созерцать свою рану, только тогда он сможет прекратить жаловаться или же закрывать глаза на свое состояние.

Эволюция жертв, которые освободились от влияния насилия, хорошо показывает, что речь идет здесь не о мазохизме, так как часто такой болезненный опыт служит уроком. Жертвы научаются защищать свою самостоятельность, избегать вербального насилия, отражать попытки унижения своего достоинства. Личность не является «глобально» мазохистской, однако перверс прикрепился к изъянам, «трещине», которая может быть мазохистской или нет. Когда психоаналитик говорит жертве, что она любит свое страдание, он не учитывает проблему отношений во всей сложности: мы не являемся изолированной психикой, а представляем собой целую систему взаимосвязей.

Перенесенная травма предполагает перестройку личности и иное отношение к окружающему миру. Она оставляет неизгладимый след, однако на его основе возможна надстройка. Этот болезненный жизненный опыт часто служит поводом к внутренней мобилизации личности. Из него выходят более сильными и менее наивными. Можно принять решение о том, что отныне «он уважать себя заставит...» и, констатируя свою былую беспомощность, человек, с которым жестоко обращались, может черпать новые силы для будущего. Ференчи отмечает, что крайняя тоска способна внезапно пробудить скрытые доселе возможности. Там, где перверс поддерживал пустоту, может произойти прилив энергии, подобно тяге: «Интеллект рождается не просто из обычных страданий, а только из страданий травматических. Он формируется, как вторичное явление или как попытка компенсации полного психического паралича» (S.Ferenczi, *Psychanalyse IV*, op.cit).

В этом случае агрессия принимает значимость инициативного испытания. Выздоровление могло бы стать компонентом травмирующего происшествия, которое дает возможность обрести отторгнутый ранее эмоциональный опыт.

Различные виды психотерапии

Количество и разнообразие различных видов психотерапии отнюдь не облегчает выбор нужного терапевтического метода. Во Франции виды психоаналитической психотерапии пользуются явным преимуществом и постепенно отодвигают на задний план другие более общепринятые методы, возможно, благодаря более непосредственному взятию на себя ответственности за жертвы насилия. Это произошло благодаря тому, что психоанализ смог оснаститься повсеместно распространенными в культуре теоретическими выкладками общего рекомендательного значения.

Когнитивно-поведенческие виды терапии

Цель когнитивно-поведенческих видов терапии заключается в том, чтобы изменить симптомы и патологическое поведение, не пытаясь воздействовать ни на личность, ни на ее мотивации.

Первый этап воздействия происходит на стрессовом уровне. С помощью техники релаксации пациент учится снимать физическое напряжение, тревогу и нарушения сна. Это обучение очень своевременно в ситуации морального террора в учреждении и на предприятии, когда личность еще находится в состоянии защиты. Так

она сможет уменьшить силу воздействия стресса, научившись, к примеру, подавлять свой взрыв гнева с помощью релаксации и контроля над дыханием.

Другой поведенческий метод заключается в технике самоутверждения. В случае жертв перверсных манипуляций «поведенческие» терапевты исходят из того принципа, что жертвы являются пассивными личностями, недостаточно самоутвердившимися и не верящими в свои силы, в отличие от личностей активных, ясно формирующих свои нужды и отказы. Как мне кажется, это слишком схематичная и упрощенная интерпретация, позволяющая думать, что жертвы «обычно» бывают пассивны и не самоутвердившимися. По нашим наблюдениям, даже если это зачастую добросовестные личности с тенденцией к перфекционизму, то они способны самоутверждаться в другом контексте. С помощью простой техники самоутверждения невозможно разобрать сложную игру, позволившую сцепление с перверсом. Тем не менее, с помощью этой техники жертвы могут научиться распознавать манипуляцию и убедиться в невозможности любого общения с перверсом-манипулятором, подвергнув пересмотру прежние схемы идеального общения.

К поведенческой терапии иногда присоединяют когнитивные виды терапии, позволяющие пациенту научиться блокировать повторяющиеся мысли или образы, связанные с травмирующей ситуацией или же с техникой навыков управления актуальными трудностями, что помогло бы научить контр-манипуляции жертву перверсных манипуляций.

Когнитивная реструктуризация представляется гораздо более интересной методикой в плане помощи жертвам перверсных агрессий. Жертвы насилия, как мы убедились, не будучи сами по себе депрессивными, имеют преддепрессивные схемы мышления, которые насквозь пронизывают всю личность, с её убеждениями в духе «если я совершил ошибку, то я мало значу как личность». Перверс «цепляет» их за базовые принципы: преданность другим людям, свехценность работы, честность. Терапевт способен помочь пациентам превозмочь травмирующее переживание, уменьшив чувство личной ответственности за свой травматизм, признать и перенести тоску, сопровождающую воспоминания о насилии и своей беспомощности в ситуации.

Гипноз

Фрейд поначалу использовал гипноз и внушение, прежде чем оставить их из-за того, что они показались ему основанными на обольщении и сводящем с ума властном засильи. Через несколько лет практика гипноза вновь заявила о себе в «эриксоновском» движении. Американец Милтон Г.Эриксон (Milton H.Erickson) был признан «исключительным» терапевтом при том, что никогда не подвергал свою практику теоретическому анализу. Он практиковал не только гипноз, но и другие стратегии изменения сознания, исходя из контекста жизни пациента. В этом он имел значительное влияние на развитие системной семейной терапии. Техника использования гипноза опирается на диссоциативные способности, чрезвычайно развитые у некоторых жертв травматизма. Франсуа Рустанг (François Roustang) учит, что купюра, т.е. «иссечение», совершаемое под гипнозом, имеет тот же характер, что и при физической травме: она отделяет сносное от невыносимого, которое подвергается амнезии. Эти методы имеют своей целью помочь жертвам развить новые перспективы, которые уменьшают страдание, связанное с травматизмом. Там также речь идет не об осознании психического конфликта, а о технике, позволяющей пациенту мобилизовать собственные ресурсы. Чем более глубок гипноз, тем явственнее обнаруживается своеобразие личности, открывающее такие возможности, о которых она ранее и не подозревала.

Выбор этого метода может показаться парадоксальным. Действительно, при гипнозе необходимо пройти стадию смятения и замешательства, чтобы «отцепиться» от своего симптома, а ведь в смятении, замешательстве и начинался процесс перверсного засилья. Однако психотерапевт использует это смятение, чтобы позволить пациенту заново выстроить свой мир, разрушая его пораженческие перемены, в то время как перверс использовал смятение именно для того, чтобы навязать свою волю и образ мышления.

Таким образом, очевидно, что выбор терапевта является решающим фактором по отношению к выбору методов лечения. Действительно, важно, чтобы терапевт был осторожен и имел богатую клиническую практику. Пациенту следует остерегаться терапевтов, получивших краткосрочную подготовку, которые будут довольствоваться проявлением травмирующих воспоминаний, не учитывая в полной мере масштаб всей личности в целом.

Системные психотерапии

Основная цель современных семейных видов психотерапии, - не симптоматическое улучшение индивида, а повышение качества

коммуникации и индивидуализации различных членов группы. В супружеской психотерапии пациентом является пара, а не один или другой из партнеров. В семейной же психотерапии одинаковый интерес для терапевта представляет каждый из членов семьи, с учетом множественности его позиций. Они стараются избавляться от навешивания ярлыков: «перверс», «жертва» с тем, чтобы проанализировать, как идет интерактивный процесс общения.

Позиция виктимолога может сводиться для систематиков к занятию линейной позиции. Однако предварительное узнавание личности каждого не исключает учета циркулирующих процессов усиления. К примеру, можно сказать: личность, чересчур переполненная заботой по отношению к своему партнеру, вызывает у него искушение избавиться от зависимости, которой он не переносит. И он реагирует ответным неприятием и агрессией по отношению к другому, который, не понимая в чем дело, берет на себя ответственность за это и старается быть еще «лучше», т.е. более внимательным, что усиливает неприятие партнера. В подобном системном объяснении имеется смысл, если только принять во внимание тот факт, что один из протагонистов нарциссический перверс, а другой имеет склонность к самообвинению.

Определенные системные гипотезы, - понятие о гомеостазе семьи (поддержание равновесия любой ценой) или понятие двойной связи (блокировка коммуникации, чтобы парализовать мыслительный процесс), помогают нам понять функционирование засилья, как захвата влияния. При этом в клиническом аспекте строго системный подход, не разбирающийся ни в агрессоре, ни в объекте агрессии, а лишь в патологическом характере их отношений, рискует упустить из виду саму защиту личности.

Очень важно проанализировать процесс общения для того, чтобы разрядить ситуацию, еще не потерявшую способность к перемене. Это позволяет связать поведение одного члена семьи с поведением других. Однако если процесс зашел от стадии засилья до стадии морального террора, то он уже становится неуправляемым и независимым: его уже невозможно остановить в расчете на логику действующих лиц и их волю к перемене.

Назвать перверсию, - означает дать ей моральную оценку, влекущую осуждение, с которым не согласны многие терапевты. В этом случае они предпочитают говорить, скорее, о перверсном виде отношений, нежели об агрессоре и его жертве. Таким образом, объект агрессии остается один на один со своей «виновностью» и не способен оправиться от вредоносного засилья.

В любом случае, нарциссический перверс редко соглашается пойти на консультацию по семейной или супружеской терапии, так как для него просто нереально подвергнуть свою личность обсуждению и сомнению. Осмелившиеся пойти на это не являются подлинными перверсами, а только лицами, использующими методы перверсной защиты. Во время обязательных консультаций, например, в посредничестве по просьбе судьи, перверсы также стремятся манипулировать посредником с тем, чтобы доказать, до какой степени его партнер «плохой». Следовательно, очень важно, чтобы терапевты или медиаторы-посредники были особо бдительны по отношению к нарциссическим перверсам.

Психоанализ

Скажем прямо, что психоаналитическое лечение – не для жертвы, еще находящейся под шоком унижений и перверсного насилия. В самом деле, психоанализ интересуется прежде всего внутренней психологией и не учитывает патологии межличностных отношений. Его целью является анализ нераскрытых болезнетворных конфликтов детства. Жесткий протокол (регулярные и частые сеансы, при которых пациент возлежит на диване, а психоаналитик находится вне поля его зрения), предписанный Фрейдом для того, чтобы контролировать передачу информации, может привести к невыносимой фрустрации у лица, и так пострадавшего из-за отказа непринужденной коммуникации и способен идентифицировать психоаналитика с агрессором, усугубляя, таким образом, состояние перверсной зависимости.

Это возможно только в том случае, когда жертва в достаточной мере оправится, чтобы начать психоанализ и понять с помощью восстановительной проработки памяти, что история детства может объяснить повышенную терпимость жертвы по отношению к другому и выявить собственные недостатки, позволившие «сцепление» перверса.

В то время, как психоанализ ставит целью изменения в нижележащей психической структуре сознания, то другие психотерапевты стремятся достигнуть симптоматического улучшения и усилить самозащиту пациента, что не мешает им достичь изменения психики другим путем. В любом случае, необходим предварительный лечебный этап для жертвы насилия, которая должна избавиться от недавно пережитой истории еще до того, как вспоминать травмы детства.

Один психоанализ тут не поможет; ни один терапевт не может предложить чудесное средство, которое позволило бы пациенту

сэкономить усилия для перемен. Можно сказать, что теоретические выкладки тут не столь важны. Главное, - это доверие пациента к терапевту, а также пунктуальность и самоотдача психотерапевта. Надо бы поменьше замыкаться психоаналитикам в рамках своей школы и быть более открытыми в отношении других направлений. Это становится очевидным, поскольку всё чаще молодые психиатры и клинические психологи применяют различные теории, а терапевты, практикующие различные методы, начинают общаться друг с другом. Отчего бы не реализовать переход от одной формы терапии к другой, а еще лучше, - полную интеграцию существующих психотерапевтических методов?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На протяжении всех страниц этой книги мы проследили за развитием процесса перверсии в определенных контекстах. Однако очевидно, что этим список не ограничивается и что указанные явления выходят далеко за рамки супружеской пары, семьи или предприятия. Эти явления можно обнаружить во всех коллективах, где есть соперничество между людьми, особенно в учебных заведениях и университетах. **Воображение человека не знает границ, если речь идет о том, чтобы убить в другом его доброе представление о самом себе. С помощью этого агрессоры маскируют собственные слабости и занимают позицию «превосходства».** Насилием поражено все общество в целом, как только речь заходит о власти. Во все времена были люди без совести, - расчетливые манипуляторы, для которых цель оправдывает средства, однако сегодня умножение перверсного насилия в семье, на предприятиях и учреждениях является индикатором индивидуализма, охватившего общество. В системе, основанной на законе сильнейшего и хитрого, перверсы правят бал. Когда успех является основной ценностью, то порядочность кажется слабостью, а извращенность перверса имеет вид расторопной находчивости.

Под предлогом толерантности западные общества понемногу отказываются от прежних запретов. Из-за своего долготерпения, уподобляясь самим жертвам нарциссических перверсов, они потворствуют развитию перверсных процессов в своей среде. Многие руководители или политические деятели, позиционирующие себя, как

образцы подражания для молодежи, не слишком отягощают себя соображениями морали, чтобы устранить соперника или же удержаться у власти. Некоторые из них злоупотребляют своими правами и оказывают психологическое давление, исходя из государственных интересов или «секретной безопасности», защищая свое право на частную жизнь. Другие обогащаются за счет искусного нарушения закона о социальном имуществе или налоговых фальсификаций. Коррупция стала расхожей монетой. Впрочем, достаточно одного или нескольких перверсных индивидов в коллективе, на предприятии или учреждении, в правительстве, чтобы вся система целиком стала перверсно-извращенной. Если эта перверсия вовремя не выявлена, то она тайно распространяется с помощью страха, запугиваний и манипуляций. Действительно, чтобы психологически «повязать» кого-либо, достаточно вовлечь его в ложь и компромат, делающие его сообщником перверсии. Это сама основа «морали» тоталитарных режимов. Где бы то ни было, - в семье, предприятиях, учреждениях или государствах, нарциссические перверсы всё устраивают так, чтобы свалить вину с себя на других за то несчастье, что они приносят обществу, когда, объявляя себя «спасителем», они захватывают, таким образом, власть. Затем, чтобы продержаться у власти, им достаточно лишь действовать, не сообразуясь с совестью. История подала немало примеров, когда люди отказываются признавать свои ошибки, не выполняют свои обязанности, используют фальсификации и манипулируют реальностью с тем, чтобы скрыть следы своих злодеяний.

Кроме частной проблемы морального террора, в этой связи перед нами встают более общие вопросы. Как восстановить взаимное уважение между людьми? Каковы пределы толерантности? Если индивиды сами не прекращают эти разрушительные процессы, то должно вмешаться общество, создавая определенные препятствующие перверсам законы. Так, представлен к утверждению закон, предлагающий ввести уголовную ответственность за порочную традицию посвящения в студенты, осуждающий факты унижения и оскорбления личности в учебной и социально-воспитательной среде. Если мы не хотим, чтобы человеческие отношения целиком и полностью регламентировались законом, существенно важно вести профилактическую работу среди молодежи, направленную против моральной агрессии перверсов.

- Сноска:** 1. А.Миллер. Это для твоего же блага. Пер. на фр. Ж.Эторе. П., Обье, 1984.
2. Ференчи. Языковые недоразумения у взрослых и детей// Психоанализ IV. Фр., пер., Париж, 1985.

- Aubert N. et Gauelac V.**, *Le coût de l'excellence*, Paris, Le Seuil, 1991.
- Baudrillard J.**, *De la séduction*, Paris, Denoël, 1979.
- Bergeret J.**, *La personnalité normale et patologique*, Bordas, Paris, 1985.
- Classen C., Koopman C. et Siecel D.**, *Trauma and dissociation in Bulletin of the Menninger Clinic*, vol. 57, n° 2, 1993.
- Crocq L.**, *Les victimes psychiques*, in *Victimologie*, nov. 1994.
- Cyrulnik B.**, *Sous le signe du lien*, Paris, Hachette, 1989, 1997 pour l'édition de poche.
- Daviani C.**, *Les victimes*, Paris, Bayard Éditions, 1997.
- Deours C.**, *Souffrance en France*, Paris, Le Seuil, 1998.
- Dorey R.**, *La relation d'emprise*, *Nouvelle revue de psychanalyse*, n° 24, Gallimard, 1981.
- Dutton M.-A. et Goodman L.**, *Post-traumatic Stress Disorder among battered women: analysis of legal implications*, in *Behavioral Sciences and the law*, vol. 12, 215-234, 1994.
- Eiguer A.**, *Le pervers narcissique et son complice*, Paris, Dunod, 1996.
- Ferenczi S.**, *Confusion de langue entre les adultes et l'enfant, 1932*, in *Psychanalyse IV*, Payot pour la traduction française.
- Ferenczi S.**, *Psychanalyse des névroses de guerre, 1918*, in *Psychanalyse III*, Payot pour la traduction française.
- Ferenczi S.**, *Psychanalyse IV*, Payot.
- Fitzgerald**, *Sexual harassment: the definition and measurement of a construct*, in M.A. Paludi (ed.): *Ivory tower: sexual harassment on campus*, State University of New York Press, Albany. Год ...
- Freud S.**, *Le problème économique du masochisme*, PUF, 1924.
- Girard R.**, *La violence et le sacré*, Grasset, Paris, 1972.
- Hurni M. et Stoll G.**, *La haine de l'amour (La perversion du lien)*, Paris, L'Harmattan, 1996.
- Kafka F.**, *Le procès*, Flammarion, Paris, 1983, pour la traduction française.
- Kernberg O.**, *La personnalité narcissique*, in *Borderline conditions and pathological narcissism*, New York, 1975. Privat pour la traduction française.
- Khan M.**, *L'alliance perverse*, *Nouvelle revue de psychanalyse*, 8, 1973.
- Laplanche J. et Pontalis J.-B.**, *Vocabulaire de la psychanalyse*, Paris, PUF, 1968.
- Lemare J.-H.**, *Le couple: sa vie, sa mort*, Payot, Paris, 1979.
- Lempert B.**, *Désamour*, Paris, Le Seuil, 1989.
- Lempert B.**, *L'enfant et le désamour*, Édition l'arbre au milieu, 1989.
- Leymann H.**, *Mobbing*, Le Seuil, 1996 pour la traduction française.

Имена Mackinney et Maroules, 1991, cité par Pinard G.-F. in *Criminalité et psychiatrie*, Paris, Ellipses, 1997.

Milgram S., *Soumission à l'autorité*, Paris, Calman-Lévy, 1974, pour la traduction française.

Miller A., *C'est pour ton bien*, Paris, Aubier, 1984, traduction de Jeanne Etoré.

Miller A., *La souffrance muette de l'enfant*. Aubier pour la traduction française, 1988.

Miller A., *La souffrance muette de l'enfant*, Paris, Aubier, 1990.

Nazare-Aga I., *Les manipulateurs sont parmi nous*, Les éditions de l'homme, 1997.

Ovide, *Les metamorphoses*, Paris, Gallimard, traduction de G.Lafaye.

Perrone R. et Nannini M., *Violence et abus sexuels dans la famille*, Paris, ESF, 1995.

Racamier P.-C., *L'inceste et l'incestuel*, Paris, Les Éditions du Collège, 1955.

Racamier P.-C., *Pensée perverse et décervelage*, Gruppo, 8. ГОД...

Ricœur P., *Le pardon peut-il guérir?*, *Esprit*, mars-avril 1995.

Roustang F., *Comment faire rire un paranoïaque*, Paris, Éditions Odile Jacob, 1996.

Spiegel D., "Dissociation and hypnosis in post-traumatic stress disorders", in *Journal of Traumatic Stress*, 1, 17-33.

Sun Tse, *L'art de la guerre*, Traduit du chinois par le père Amiot, Paris, éd. Didot l'aîné, 1772. Réed. Agora classique, 1993.

Tellenbach H., *La mélancolie*, PUF, pour la traduction française, 1961.